

**Реваз
Утургаури**

ПОКЕР С АЯТОЛЛОЙ
Записки консула в Иране

**И хитрили они,
и хитрил Аллах,
а Аллах – лучший из хитрецов!
47. (54)**

**Реваз
Утургаури**

ПОКЕР С АЯТОЛЛОЙ
Записки консула в Иране

Тбилиси 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА —————	6
ДИПЛОМАТЫ —————	8
ИСФАГАН —————	22
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ —————	25
ДРАГУН-РАЗВЕДЧИК, КРЕПОСТНОЙ-ДИПЛОМАТ И ПОДАРОЧНЫЙ СЛОН —————	62
ГЕНКОНСУЛЬСТВО В ИСФАГАНЕ —————	69
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ КОНСУЛ —————	75
РАБОТА И БЫТ —————	84
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИРАНЦАХ —————	137
ИСАА при МГУ, или О ПОЛЬЗЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ —————	157
А В ЭТО ВРЕМЯ В ИСФАГАНЕ МЕСТНЫЕ МУЛЛЫ... —————	177
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГЛУПОСТИ, или ТРОПОЮ ОГЕННОЙ ВОДЫ —————	186
ПРЕЗИДЕНТ И МАСОНЫ —————	199
ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АН —————	203
СОЛДАТ —————	223
«ИРАНГЕЙТ»: ВАС ВЗОРВАТЬ ИЛИ ЗАРЕЗАТЬ?! —	227

ПОПУГАЙ —————	247
ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ НА ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО СССР В ИСФАГАНЕ —————	255
КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ —————	261
КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ - 2 —————	266
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ —————	273
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ (ЭПИЛОГ) —————	274

ОТ АВТОРА

Мой отец родился и вырос в Тбилиси. В 17 лет он добровольцем пошел на войну. В 19 уже командовал взводом разведки. Домой вернулся в 46-м с орденом и медалями, ему было всего 22 года.

После войны отец экстерном окончил школу, а затем филологический факультет ТГУ и получил направление на работу в ЦК компартии Грузии. Находясь в аппарате ЦК, он курировал одну из наших «мандариновых» автономных республик, но проработал на этом месте недолго. Скоро умер Сталин, началась хрущевская оттепель, а с нею взятки. Взятки отец не брал и этим «дурным» примером мешал жить другим. В результате его, как представителя молодых национальных кадров, направили на учебу в Москву. Так в 1959 г. наша семья оказалась в столице. Отец окончил Высшую дипломатическую школу МИД СССР и всю оставшуюся жизнь служил дипломатом. Он был отличным профессионалом своего дела и очень жизнерадостным человеком.

Моя мама родилась и выросла в Москве. Во время войны она с друзьями тушила на крышах немецкие «зажигалки», помогала в госпиталях. После войны окончила Московский институт востоковедения. Встретив отца, поселилась в Тбилиси. Когда мы переехали в Москву, поступила в аспирантуру и стала ученым. Всю жизнь мама посвятила Востоку. Она доктор наук, известный и уважаемый в научном мире человек. У нее тоже веселый характер и потрясающее чувство юмора.

Благодаря отцу я стал дипломатом, благодаря маме — востоковедом.

Их личное мужество, проявленное еще в юные годы, цельность характеров, трудолюбие, принципиальность, порядочность, чувство юмора служили мне примером.

Отец меня очень любил и гордился моими успехами. Мама любит и гордится не меньше, но при этом постоянно мной недовольна. Она до сих пор считает, что ее сын обязан добиться большего. Чтоб не расстраивать маму, я очень стараюсь и, как правило, выполняю ее строгие наставления. Тем не менее услышать мамину похвалу мне довелось всего один раз. Это случилось недавно, на 55-м году моей жизни. «Молодец», — наконец-то сказала мне мама, не уточняя, правда, к чему это относится.

Мои любимые старики потратили жизнь, чтобы сделать из меня человека. Эту книгу — отчет о части проделанной работы — я посвящаю им.

ДИПЛОМАТЫ

На девятнадцатом этаже высотного здания небольшой кабинет с окном на Смоленскую площадь. В кабинете шесть человек. Трое из них, молодежь, скрипят перьями, трудятся. Это Костя Шувалов, Саня Балакин и я. Мы переводим огромный текст, который из номера в номер на трех разворотах печатает «Джомхурие эслами»¹. Он называется «Краткая позиция Исламской Республиканской партии Ирана». Наши начальники не умеют читать по-персидски, вот мы и корячимся.

Костя Шувалов, умница, свободно владеет пятью языками, уже работал в стране, дело знает блестяще. Мы с Саней у него учимся.

— Костя, что такое «ходжат оль-эслам»?

Костя объясняет подробно.

— А «ходжат оль-эслам валь-мослемин»?

Костя не ленится и говорит.

За окном капает дождик. Осень, 1981 год. Два года назад в Иране свергли монарха, победила исламская революция, к власти пришло духовенство. С чем это едят, неизвестно.

— Почему она победила, если в ней не участвовал пролетариат? Как это — там его нет? А кто же тогда — народ?! Темные массы верующих? Исключено! Попы?

¹ Иранская газета, официоз.

Здесь и далее иранские имена собственные и географические названия даны в соответствии с их написанием и произношением на персидском языке.

Безобразие! Кстати, где иранские коммунисты? Есть там вообще кто-то из наших?!

Вопросов по поводу революции было много. На них, как ни странно, имелись ответы. Для этого надо было шире раскрыть глаза. Но эти ответы не вписывались в доктрину. В таких случаях глаза у нашего руководства не раскрывались.

— Кто-нибудь может толком сказать, что это за революция?!

— А шут ее знает!

— Есть от нее хоть какая-то польза?

— Есть, американцев прогнали.

— Вот видите, значит, она — антиимпериалистическая!!!

На том и сошлись.

— Хотя, погоди, если она антиимпериалистическая, то почему у них лозунг «Смерть СССР!», ведь мы же — оплот угнетенных планеты?!

Так (или почти так) размышляет наше начальство. Нас к этому процессу не привлекают — молодые еще. Поэтому мы скрипим перьями молча и на свой страх и риск, не всегда соглашаясь с доктриной, изучаем новое историческое явление конца XX в. — победивший в одной отдельно взятой стране ортодоксальный ислам.

Кроме нас в кабинете присутствуют три дипломата в чинах и со стажем. Они, естественно, такой ерундой, как газетные переводы, не занимаются. Двое из них уже около часа ведут серьезную беседу о посадках на дачном участке различных плодовоовощных культур, третий спит, сладко хрюкая и пуская слюну. Один из беседующих, бывший

генконсул в Бомбее, служивший до этого в профсоюзе железных дорог, щедро сыплет латинскими поговорками. «Аквила нон каптат мускас!» — и торжественно смотрит на младших коллег. Восток наложил на него отпечаток: периодически он делает умную мину и говорит: «М-мда-а, это, я вам скажу, архисерьезный вопрос, это — политический Тадж-Махал!» Еще он любит поведать о том, как пил водку с Раджем Капуром². И еще, как однажды решил проследить, куда отправился наш резидент. «Выехал он из генконсульства, а я думаю: дай-ка поеду за ним. И поехал. Он почувствовал слежку, пытается оторваться, а я не даю. Направо, налево, по переулкам, на красный свет — три часа мотался по городу, ничего у него не вышло. Пришлось вернуться назад. Я тоже вернулся. Выходит он из машины, тарашит на меня глаза и говорит: «Виктор Иванович, так это были вы?!» А я говорю: «Да, это был я!»

Неизвестно, что именно резидент написал в Москву, но через месяц дурака отозвали. Он так и не понял за что.

Его собеседник такой харизмой не обладает, но старается не отставать. Он был консулом в Реште³ и там набрался каких-то слов. «Я, это, как его, тоже умею, — говорит он в ответ на очередную латынь. — “Ляхи, ляхи, иль аляхи!” Вот». Бывший железнодорожник растерянно замолкает — неисчислимы великие тайны твои, о Восток!

Храпящий у стенки третий товарищ недавно вернулся из Тегерана с должности зав. консульским отделом посольства.

² Известный индийский киноактер.

³ Город и морской порт на Каспийском побережье Ирана.

Добрейшей души человек, как большинство толстых людей. Он озабочен прокормом своей многодетной семьи, другие проблемы его не волнуют. На службу приходит, как положено, в девять, пару часиков спит, потом отправляется за колбасой⁴. На спинке стула остается пиджак, а на столе рядом с чистым листом бумаги остро отточенный карандаш. Это свидетельствует о том, что владелец поблизости и вот-вот придет. Обычно он возвращается после обеда. Беседы на дачные темы никогда не ведет, зато с ним можно поговорить о продуктах питания, детской одежде, билетах в цирк. Начальство его не трогает, потому что бессмысленно: восточной тематикой не владеет, языков, кроме русского, не понимает, в дипломаты попал из хозяйственной службы.

То, что я описал, имеет название — иранский сектор Отдела стран Среднего Востока МИД СССР. Я не вру, все именно так и было.

Теперь о непосредственном руководстве.

Их двое: завсектором и зам. заведомом. Они сидят в отдельном маленьком кабинете и друг друга тихонько не любят.

— Вы забрали из машбюро документы?

— Да, Виктор Степаныч.

— Считали текст, проверили опечатки?

— Конечно.

Завсектором внимательно смотрит бумагу, потом визирует текст.

⁴ В те годы колбаса, как и многие другие продукты питания, являлась большим дефицитом, ее надо было «добывать».

— Теперь передайте на визу Николаю Василичу.

Я делаю шаг к стоящему рядом столу.

— Николай Василич, Виктор Степаныч просил передать.

— Присядьте.

Зам. завотделом внимательно смотрит бумагу.

— Кто исполнитель, вы?

— Да, Николай Василич, но Виктор Степаныч уже подписал.

— Вижу, что подписал. Кто так пишет, что за формулировки?! Вы что кончали, специальность?

— ИСАА МГУ, историк-востоковед.

— Тем более надо соображать.

Он полностью перечеркивает текст и между строчек вставляет свое.

— Перепечатайте, дайте на визу Виктор Степанычу, после этого мне.

Битый час жду очереди в машбюро. Наконец-то готово.

— Виктор Степаныч, Николай Василич просил подписать.

— Присядьте.

Завсектором внимательно смотрит бумагу.

— Кто так пишет? Что за формулировки? У вас же университетское образование!

— Виктор Степаныч, Николай Василич внес свою правку.

— Вижу, что внес, но исполнитель-то вы...

Он перечеркивает полностью текст и заново пишет свое.

Документ, который я полирую уже третий день, — дипломатическая нота. В ней МИД СССР сообщает посольству Ирана в Москве, что прошлогодняя просьба иранцев рассмотрена и удовлетворена. Вот адрес колхоза, в котором посольство на постоянной основе может теперь покупать баранов. Но резать их согласно исламским канонам колхозники не умеют, эту задачу должен взять на себя покупатель.

Спектакль кончается тем, что обоих моих мучителей вызывают к заведующему отделом (видно, из машбюро настучали). Там в короткой беседе им выписывают правильную формулировку, одну на двоих. В результате иранцы наконец получают своих долгожданных баранов, а я приступаю к работе над следующим документом.

Я здесь уже месяц, но пока еще плохо соображаю, куда угодил. До этого занимался подготовкой афганской армейской разведки. Дело было серьезное, жизнь напряженная. А здесь черт-те что, какие-то бумажки с одного стола на другой... бараны, мать твою... и что совсем непонятно — все генералы.

В старые времена советские дипломаты носили мундиры. После Второй мировой войны их отменили. Но ранги (как в армии звания) сохранились⁵. Стартовый

⁵ Мундиры оставили только руководителям загранучреждений в ранге не ниже посланника. Это черные (для южных стран белые) фуражка, китель и брюки с золотым шитьем в виде дубовых листьев на кокарде фуражки и обшлагах рукавов кителя. На лацканах кителя голубые петлицы, в них, в соответствии с рангом, звезды. Форма смотрится импозантно. Остальным дипломатам раз в три года выдавали так называемый «пошивочный

дипломатический ранг — атташе, затем по восходящей секретари: третий, второй и первый — это младший дипломатический состав. Потом — советник, посланник, посол. Это ранги старшего дипсостава. Между каждым из них, начиная со второго секретаря, по две ступени: второй секретарь второго класса, второй секретарь первого класса, первый секретарь второго класса, первый секретарь первого класса и т.д. Послы от этих ступеней освобождены.

Для того чтобы подняться на очередную ступень, требуется два или два с половиной года плюс еще какое-то время: ранги редко даются в срок, как правило, с долгой задержкой. Таким образом, карьера среднего дипломата — нудная тягомотина с выходом на пенсию в ранге советника первого класса. Дойти до советника — это нормально, стать посланником — сверхуха, ну а послом — абсолютное счастье.

Когда дипломаты ходили в мундирах, были у них и погоны. Вот я по наивности и пытаюсь понять, какому воинскому званию они соответствуют. Выходит, советник первого класса — это генерал-майор. Глядя на троицу бывших консулов, мне становится не по себе.

— Костя, а кто же тогда посланник второго класса?

— Если, по-твоему, то генерал-лейтенант.

В этот момент открывается дверь и в комнату входит зам. завотделом, ему недавно присвоили именно этот ранг.

материал». Это отрез на пальто и костюм, каракуль для воротника и шапки (черный для младшего дипсостава, серый для старшего), обувь и пара сорочек. Все это можно было взять деньгами, большинство так и делало.

Я по инерции вскакиваю и застываю по стойке смирно. Костя и Саня глядят на меня с сожалением, те трое с пониманием: новичок-то, видать, со смекалкой, серьезно взялся делать карьеру.

Зам. завотделом выразительно смотрит на подчиненных: учитеесь, как надо приветствовать руководство. Я ему симпатичен.

Каждый вечер прихожу с работы с тяжелым сердцем — жду, что меня уволят. Должны уволить, иначе нельзя. Не сегодня, так завтра, с позором. Прошло уже полгода (!), а я еще ничего не сделал, ни одного серьезного поручения. Моя прежняя жизнь, где личное время (т.е. практически сон) не превышало шести часов в сутки, была насыщена делом. Я не мыслил, как можно иначе. Его отсутствие, с моей точки зрения, могло иметь только одну причину — не доверяют. Мириться с этим, бездействовать больше нет сил.

— Николай Васильевич, разрешите войти.

— Входите, — зам. завотделом оторвался от важных бумаг.

— Поручите мне дело! Поручите мне наконец серьезное дело! Я умею работать, не подведу!

Зам. завотделом смотрит на меня с удивлением поверх старых очков. Он явно не Пестолоцци, чтобы вникать в тонкости юной души. Но просьба моя до того нетипична, что без ответа оставить нельзя.

— Значит, так, — он чешет затылок, — составьте мне к концу рабочего дня справку обо всех конфликтных вопросах советско-иранских отношений, с подробным перечнем

нашей и иранской позиций в каждом отдельном случае. Справитесь?

Караул! Это тема докторской диссертации! Я поднимаю глаза на стенные часы — 16.30! Из кабинета выхожу с мокрой спиной.

— Ты чего загрустил, служивый?! — это меня окликает Стас.

Стас Гаврилов, завсектором, курирует афганское направление. Всегда веселый, без доли апломба, со шкиперской трубкой в зубах. Работу знает в мельчайших деталях. Стас — светлейшая голова.

Я с тоской сообщаю ему о задании, для выполнения которого требуется минимум несколько дней.

— Слушай и запоминай, — говорит Стас. И выдает материал. Короткими емкими фразами, как гвозди вбивает. Лекция длится минут десять — пятнадцать. Кажется, я спасен.

— Запомнил?

— Запомнил.

— Слушай дальше. Я получил назначение в Афганистан, еду советником к Досту⁶. Хватит тебе протирать штаны с этими пердунами. Хочешь, поедem со мной?

Утром я отдаю начальству продиктованную Стасом бумагу и сообщаю о предложении отправиться в Афганистан. В середине рабочего дня меня вызывает заведующий отделом.

6 Шахмохаммад Дост — в те годы министр иностранных дел Афганистана.

— Вы изменяете иранскому направлению? Хотите в Кабул? Зачем? Вы же по образованию иранист, и, как мне доложили, толковый, написали отличную справку. Не торопитесь. Скоро я еду послом в Тегеран, мне нужны молодые ребята. Для начала отправитесь в Исфаган, поработайте годик, потом заберу вас к себе.

Зав. отделом — очень большое начальство, возражать бессмысленно.

— Ну вот и славно, — завершает он монолог, — считайте, договорились.

Через пару месяцев «инстанция»⁷ дает на меня «добро» и кадры оформляют приказ. Остается, казалось бы, мелочь — иранская виза. Но иранцы давать ее не спешат, видно, идет проверка. Жду визу. Числюсь в Иране, но продолжаю работать в Москве. Так проходит без малого год.

То, чем я занимаюсь, готовясь к командировке, далеко от расхожего представления о дипломатической службе. У нас в народе почему-то принято полагать (наверное, из-за пафосных мемуаров), что это, как правило, важные и непременно красиво обставленные встречи с иностранными дипломатами и политиками, в ходе которых решаются судьбы мира. Ну совершенно не так. Тем более на Востоке, и дважды тем более, если дело касается молодежи, вроде меня. Нет в нашей работе театрального пафоса, никаких тебе фраз,

7 На сленге кадровиков так назывался Отдел заграничных кадров ЦК КПСС, где утверждались все подобные назначения.

муаровых лент, Даунинг-стритов, Елисейских дворцов — обычный костюм фабрики «Большевичка» и комната на девятнадцатом этаже, где мы с Костей совершенствуем знания. Сегодня, к примеру, изучаем состав руководства ИРИ⁸.

Костя вытаскивает пачку открыток. На первой бородатый мужик в черной чалме.

— Ну, — говорит Костя, — давай.

— Ходжат оль-эслам, сейед⁹ такой-то, — говорю я, называя полное имя, госдолжность и перечень подвигов мужика, которые в любой нормальной стране подпадают сразу под несколько самых суровых статей уголовного кодекса.

— Молодец, — говорит Костя, имея в виду меня, — давай дальше, — и достает следующую открытку. На ней бородатый мужик в белой чалме.

— Ходжат оль-эслам такой-то, — говорю я, опуская слово «сейед», называя должность и перечень подвигов второго мужика, которые не уступают подвигам первого.

Экзамен длится около часа. Мужиков много, все на одно лицо, к тому же их список постоянно меняется. Революция в полном разгаре — идет интенсивный отстрел. Но Костя требует, чтобы я помнил покойников тоже. Все это очень смахивает на сцену из знаменитого кинофильма, где Глеб

⁸ Исламская Республика Иран.

⁹ Приставка «сейед» означает принадлежность к одной из ветвей потомков пророка Мохаммеда. Представители духовенства, имеющие право на эту приставку, в качестве отличительного знака носят черную чалму, остальные — белую.

Жиглов тренирует Шарапова. «Если хочешь, чтобы с тобою считались, — советует Костя, — учись». Я согласен, но вспоминаю Жиглова: «Смотреть на эти рожи неумогуту!»

В то время как мы с Костей занимаемся страноведческой работой, в кабинете, не умолкая, трещит телефон. Это толстяк-хозяйственник обзванивает рестораны. Близится Новый год, у ОССВ¹⁰ на балансе остались какие-то деньги. Если их не потратить, на будущий год нам урежут бюджет. Решено провести протокольное мероприятие: пригласить иранцев в кабак. Выбор падает на ВДНХ — дешево и катают на тройках. Идея с тройками — русский размах — начальству нравится очень. Толстяка хвалят. В обстановке предпраздничной суеты упускают из виду небольшую деталь: он назначил прием на 27-е.

Сначала тройки, потом за стол? Или сначала за стол, а потом тройки? Это — важный вопрос. Его обсуждают оставшуюся до банкета неделю и лишь накануне решают: сначала все-таки лучше за стол.

К ресторану мы приезжаем заранее, чтобы встретить гостей у входа. Мы — это обитатели известной вам комнаты на девятнадцатом этаже под руководством завсектором, зам. заведомо и нового Заведующего ОССВ, который до этого трудился в Нью-Йорке и тонкостей дела пока не сечет. Иранскую сторону возглавляет посланник Фарсчи, умный, образованный человек, начавший карьеру еще при шахе (вскоре он удерет в Европу вместе с посольской казной). При нем пара небритых ребят — дипломаты новой волны. Говорить с ними не о чем.

10 Отдел стран Среднего Востока.

Фарсчи первым начинает беседу. Он показывает пальцем на голову зам. завотделом, где красуется форменный мидовский каракулевый «пирожок», и спрашивает с легкой иронией: «Из Афганистана?»

Вопрос иранца с хитрым подтекстом. В данном случае это не комплимент: мол, знаем-знаем, афганский каракуль ценится выше других, Фарсчи иезуитски напоминает: сегодня позорный день военного вторжения СССР в ДРА¹¹, его осуждает большая часть государств, в том числе и Иран. Но зам. завотделом игнорирует каверзу. Он молодецки поправляет свой «пирожок» и коротко отвечает: «Нет, из барана». На этом их диалог исчерпан, и мы проходим в фойе.

Идет застолье, звякают вилки, скребут о тарелки тупые ножи, все чин-чинарем. Вдруг раздается телефонная трель. Метрдотель подает трубку зам. заву, тот слушает и бледнеет. На связи дежурный из ОССВ. Он сообщает: «Пришла шифровка. Несколько сотен афганских боевиков при содействии иранских спецслужб в Тегеране штурмуют наше посольство. Захвачен первый этаж. Охрана отбивается брандспойтами. Наверху в помещении референтуры раздают оружие, радисты кувалдой ломают шифровальную машину, уничтожают секретные документы. Ожидают самого худшего».

Дежурный докладывает, что в отдел уже звонили из секретариата министра. Громыко срочно требует руководство

11 Демократическая Республика Афганистан.

к себе, но поскольку никого нет, спрашивает: «Где?!» И узнаёт (!) — в дружной компании иранских коллег катаются на тройках... Дежурный (закладчик) — это бомбейский генконсул, приятель Раджа Капура. Его не взяли с собой на банкет, он обижен и вот «отдуплился».

Черная «Волга» несется по зимней Москве со скоростью 100. На заднем сиденье тяжело вздыхает сникшее руководство. Когда машина въезжает на пандус перед зданием МИД, новый заведующий не выдерживает и обращается к заму: «Вы другой даты для этого сраного ланча отыскать не могли?» Впрочем, вопрос риторический, ответа не требует.

«Подарки от Деда Мороза» руководство отдела получило в этот же день — редчайший случай, когда Громыко орал. Дальше «елочные наборы» раздавали по нисходящей. Кончилось все, как и положено, на толстяке.

«Сик транзит gloria мунди!» — не понимая, что говорит, прокомментировал это событие бомбейский железнодорожник.

Вскоре после Нового года иранцы дали мне визу. Даже не верится, что это вдруг?!

ИСФАГАН

Исфаган — город шаха Аббаса, столица сефевидского государства.

Шах Аббас I¹² в истории своей страны сыграл такую же роль, как наш Петр. Он принял державу в состоянии полной разрухи, междоусобицы и военной угрозы извне, беспощадно подавил феодальную вольницу, обуздал религиозный раскол, разделил духовную и светскую власть, ввел единую денежную систему, создал регулярное войско. Твердой рукой укрепил государство и повел наступление на соседей-врагов.

Аббас ценил тех, кто умел воевать, и собрал под своими знаменами лучших. Его мало заботили социальное и этническое происхождение воинов, их вероисповедание. Критерием оценки являлись отвага, личная преданность и профессионализм. Главнокомандующим и ближайшим сподвижником шаха был грузин Алаверди-хан, грузины же составляли конницу, выходцы из тюркских племен — гвардию, пехота и пушкарники набирались из персов, советниками в войсках служили англичане. Состав регулярной армии насчитывал 30 000 воинов. Однако в походах в нее вливались кочевники-тюрки, и тогда она достигала 120 000 сабель при 500 орудиях. По тем временам это была несметная сила.

Аббас был расчетлив, стремителен, смел: на востоке нанес поражение узбекам, контролировавшим Хорасан и Герат, отбросил их за Амударью. На севере выбил османов из Закавказья: взял Армению, Грузию, Азербайджан. На западе

12 Шах Аббас I Великий (правил 1587–1629).

овладел значительной частью Месопотамии, включая Мосул, священную Кербелу и Багдад. На юге прогнал португальцев из зоны Залива, очистил выходы в океан. Границы державы расширились вдвое.

Шах был суровым владыкой для покоренных народов, мог вырезать взбунтовавшийся город, если надо, половину страны. С вассалами — ханами, беками и царями — был вежлив, но строг. Он знал реальную цену их клятвам о верности, поэтому, давая власть, отбирал сыновей, и если кто-то вел себя плохо, то получал посылку, где в тряпочке голова. Так на завоеванных землях насаждался средневековый порядок.

Важную роль Аббас отводил торговле. Транзитные караваны в Европу из Индии и Китая давали казне колоссальный доход. Шах строил дороги, следил за их содержанием, обеспечивал безопасность пути. Он и сам был крупным торговцем: отправлял на Запад шелк, бархат, парчу и ковры. Аббас и здесь привлекал к себе лучших: бухарских, армянских, еврейских купцов, а еще мореходов — голландцев и англичан. С их помощью он пытался изменить Великий шелковый путь, направить его океаном, в обход Османской империи — своего основного врага. Купцы получали от шаха защиту, привилегии, льготы, верой и правдой служили ему.

В стране процветали наука, искусство, ремесла. Поражали своим совершенством живопись, ткани, ковры, керамика, ювелирные украшения, боевое оружие, книжное дело: миниатюра и каллиграфия. Особое место занимала архитектура. Шах практически заново выстроил город. Его украсили величественные дворцы, площади, парки,

широкие длинные улицы с проезжей частью и тротуарами, сады, каналы с чистой водой и фонтаны. Через реку Заянде-руд перекинули каменные мосты. Были построены базары, заводы-цеха, в том числе пушечный и ружейный, шестьсот караван-сараев, триста бань.

Но главным архитектурным наследием шаха Аббаса, прославившим его на века, стали мечети Шейх Лотфолла и Шах. Обе относятся к числу всемирных исламских святынь. В едином ансамбле с дворцовым комплексом Али-Гапу они в буквальном смысле — творение гения.

За годы правления шаха в культуре сложился неповторимый «персидский стиль». Он отличался целостностью, изысканным вкусом, тонким чувством природы, независимостью от религиозных догм. Распространившись по свету на колоссальном пространстве — от Индии до мавританской Кордовы, «персидский стиль» оказал проникновенное творческое влияние на мировую культуру в целом. Давно уже нет шаха Аббаса, а влияние стиля осталось.

Аббаса по праву считают Великим, при нем страна расцвела, а Исфаган с населением в полмиллиона стал крупнейшей столицей Востока.

Эпоха была ослепительно яркой, а импульс развития настолько силен, что до сих пор энергетика тех времен наполняет ауру города.

«Эсфахан — несфе джахан!»¹³ — говорят иранцы. И это на самом деле так.

¹³ Исфаган — половина мира!

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ

Начало наших дипломатических отношений с Ираном¹⁴ относится к той же поре. Шах отчаянно рубился с османами. Война забирала огромные силы. Он нуждался в поддержке, искал ее в Лондоне, Риме, Париже, Вальядолиде. Несколько раз направлял посольства в Москву, чтоб наладить союз против турок. Но что-то у шаха в Москве не срослось, хотя турок цари не любили. Возможно, не было средств, а может, просто из вредности, но помощи персам не дали. К тому же мы сами продвигались на юг, приближаясь к владениям шаха.

Тем не менее в 1588 г. первый русский посол князь Васильчиков был принят Аббасом с великими почестями. В нарушение местного протокола послу разрешили не целовать шаху ноги, на пиру усадили выше других, обещали верную дружбу и в доказательство уступили русскому государю города Баку и Дербент, принадлежавшие, правда, в это время османам.

В период правления шаха Аббаса, совпадавший с годами царствования Федора, Бориса и Михаила, отношения складывались следующим образом: персы разными хитростями старались направить нас против турок и отвести от своих территорий. Мы же без хитростей примеривались к их владениям, сожалея, что пока не хватает сил. Свои амбиции и высокомерие не скрывали.

¹⁴ Иран и Персия — два названия одной страны: до 1935 г. — Персия, в дальнейшем — Иран.

По этим причинам отношения ухудшались. В 1618 г. дьяку Тюхину, толмачу при посольстве князя Барятинского, довелось переводить такие слова: «...досада мне на государя вашего, — говорил Аббас, — за то: когда мои послы были у него, то их в Москве и в городах Казани и Астрахани запирали по дворам как скотину, с дворов не выпускали ни одного человека, купить ничего не давали, у ворот стояли стрельцы. И я над вами такую же крепость велю учинить, вас засажу так, что и птице через вас не дам пролететь, не только птицы, но и пера птичьего не увидите».

Шах не был слабее русского государя и допустить оскорблений в свой адрес не мог. Тем более что незадолго до этого царь Михаил обратился к Аббасу с просьбой ссудить его деньгами на войну с поляками, и шах отвалил ему 7000 рублей серебром, а Барятинский приехал просить еще денег. То есть никаких объективных причин для унижения шахских послов быть не могло¹⁵.

Со временем стороны примирились, но мы все равно продолжали срываться на неприличный в дипломатии тон. Характерен пример Тюфякина и Феофилатьева, последних русских послов при дворе шаха Аббаса. Они отказались представиться шаху вместе с другими послами, заявив, что сделают это только отдельно; вместо присланных русским царем в подарок кречетов поднесли Аббасу хвосты и перья издохших в дороге птиц; когда шах звал их на площадь

¹⁵ Любопытна наша реакция на справедливое возмущение шаха Аббаса: когда посольство вернулось домой, дьяка Тюхина сделали крайним, тяжело пытали и сослали в Сибирь.

смотреть «конское ученье», не послушались и не пошли; отказались носить платье, которое он подарил. В результате Аббас так рассерчал, что выгнал обоих к чертовой матери, отписав царю Михаилу надлежащую грамоту. Но даже такой серьезный демарш не повлиял на их поведение: по дороге домой в городе Ардебиле «князь Тюфякин велел украсть татарчонка, которого продал в Кумыцкой земле, а в Кумыцкой земле велел украсть девку и вывез ее тайком, положивши в сундук».

Характерно, что в Москве по всем этим пунктам послов оправдали, но осудили за то, что когда за столом у Аббаса пили здоровье царя¹⁶, Тюфякин не допил своей чаши. «За такую вину послов следовало бы казнить смертью, — было сказано в приговоре, — но государь, по просьбе отца своего, патриарха Филарета Никитича, велел только посадить их в тюрьму, отобравши поместья и вотчины».

Подводя итог 40-летнему этапу межгосударственных отношений, можно с уверенностью сказать, что дружбы не получилось. «В результате контактов этносистем, — говорил в этих случаях Лев Гумилев, — положительной комплиментарности не возникло». И винить в том персов, на мой взгляд, нельзя, это было бы просто нечестно. На протяжении всей истории нашего с ними знакомства мы вели себя, мягко говоря, не по-соседски: смотрели исключительно сверху вниз и пытались что-нибудь да отнять. А они не давали, сопротивлялись. А мы все равно отнимали, если

¹⁶ При дворе шаха Аббаса, в нарушение исламских канонов, тогда еще недостаточно жестких, употребляли спиртное.

могли. И утверждали, что полностью правы! Какая ж тут дружба?!

XVIII век принес свежий импульс. Мы вплотную подошли к персидским пределам, и Петр I начал готовить военный поход. Сперва направил туда шпионов¹⁷, а по окончании Северной войны — экспедиционный корпус. Он не встретил сопротивления, поскольку страна была захвачена афганцами, тогдашний шах находился в плену, правительства не существовало. Мы захватили Баку, Гилян, Мазендеран, Астрабад, готовы были двигаться дальше. Но здесь нам здорово не повезло: Петр неожиданно умер, а преемники, увлеченные дворцовыми переворотами, вскоре все потеряли.

Но в начале XIX века мы серьезно взялись за дело. В результате двух многолетних войн отняли у персов Грузию, Армению, Северный Азербайджан и 10 февраля 1828 г. закрепили победу на плотной бумаге в местечке по имени Туркманчай. Провели границу по реке Аракс, запретили поверженной стороне иметь военные корабли на Каспии. Разрешили сами себе открывать на чужой территории консульства где пожелаем, наделили их статусом экстерриториальности. Русским купцам в Персии дали беспопытно торговать, а персидским в России не дали. Присвоили право утверждать персидского шаха на собственном троне и в завершение наложили на персов,

17 Путешествие подполковника Артемия Волынского в 1715–1718 гг. имело целью сбор политических, экономических и военных сведений о Персии, а также разведку сухопутных и водных путей в Индию.

которые войну не начинали, контрибуцию в 20 миллионов рублей.

Шах¹⁸ выворачивал карманы, но, что будешь делать, платил. В те годы Грибоедов писал министру иностранных дел Нессельроде, что для выплаты контрибуций в переплавку пошел весь государственный золотой запас и даже украшения из шахского гарема. Из Санкт-Петербурга вернулся ответ: выжать все до последней копейки!

И выжимали. При этом основой нашего поведения были презрение к азиатской стране, ее необычным порядкам и стремление все решать исключительно силой. Этим страдали и военные, и дипломаты, даже те, кого принято считать выдающимися. Яркий пример — история гибели Грибоедова.

30 января 1829 г. толпа горожан ворвалась в русскую миссию в Тегеране и растерзала всех, включая вазир-мухтара. Учебники уверждают: происки англичан. На самом деле причина не в этом и даже не в грабеже, устроенном русским царем, а в личном Александра Сергеевича поведении. Если, находясь в исламской стране, ты прячешь в доме двух жен из чужого гарема и евнуха, знающего его сокровенные тайны, то и сегодня можно нарваться на неприятности. А если это происходит в начале позапрошлого века, непременно порвут, можно не сомневаться.

Напомню, что посланник прекрасно знал обычаи и нравы страны, в которой представлял интересы России. Он

18 Фатх Али-шах (правил 1797–1834), слабый и неудачливый правитель, унаследовал трон от своего дяди, кровавого деспота-кастрата Ага Мохаммад-шаха, зарезанного собственными слугами.

считался лучшим знатоком Персии, поэтому и был назначен на этот высокий пост. Известно также, что его предупредили о нападении. Причем источник был более чем компетентный. Главный евнух шахского гарема, принявший ислам армянин, передал эту весть через своего земляка, высокопоставленного персидского чиновника. Грибоедов к сообщению отнесся с насмешкой, самоуверенно заявив, что «никто не посмеет поднять руку против российской Императорской миссии».

Следует отдать ему должное: когда его убивали, он мужественно отбивался из двух ружей и положил 18 человек. Но хочу, чтобы вы знали: перезаряжал и подавал ему ружья тот самый персидский чиновник, словам которого он не поверил. Убили их одновременно.

С точки зрения христианина, поступок вазир-мухтара, укрывшего в миссии двух армянских беглянок и евнуха-грузина, безусловно, отважный и благородный, но для мусульманина, мужа и хозяина этих особ, — смертельное оскорбление. Понять это, к сожалению, мы до сих пор никак не хотим.

Вторая половина XIX в. была посвящена расширению завоеваний. К этому времени мы сломили гордого Шамиля. Тылы на Кавказе были прикрыты, и Россия мощно двинулась в Персию, поделив ее пополам с англичанами.

В ту пору от славы Аббаса здесь не осталось даже следа. Страной правил Наср эд-Дин шах¹⁹, утвержденный в должности русским монархом. У шаха была лысая

19 Наср эд-Дин-шах (правил 1846–1896), убит в результате заговора боевиком панисламистской организации.

голова, большие усы и золотые погоны с шестью крупными изумрудами. На мундире красовались сорок огромных алмазов, заменявших медали и ордена.

История его восхождения на престол весьма любопытна. Когда в 1846 г. умер шах Мохаммад²⁰, наследник находился в Тебризе. Наши из Тегерана послали гонца к консулу Аничкову, чтобы тот в срочном порядке доставил принца в столицу. Мы опасались интриг со стороны дяди наследника. Аничков разбудил Наср эд-Дина ночью, и вдвоем они двинулись в путь. В Казвине им перекрыли дорогу сторонники дяди. Принц дал денег, и те расступились. В Императорской миссии в Тегеране все годы правления шаха хранилась долговая расписка, Наср эд-Дин занял деньги у Аничкова, своих у него тогда не было. До конца жизни шах называл себя другом российской короны, но, что характерно, долг не вернул. А наши, хотя расписку хранили, о мелочи этой не поминали, ведь на кону находился гигантский куш — богатая ресурсами восточная страна.

Колонизаторы плотно работали с шахом: крупными займами в сочетании с военной угрозой добивались намеченной цели. Дело было несложным, Персия пребывала в состоянии полного краха, и выбраться из него шансов не было никаких. Новая история Ирана, пожалуй, не помнит такой коррупции власти при полном отсутствии патриотизма, как в те времена.

20 Мохаммад-шах (правил 1834–1846), внук Фатх Али-шаха, взойшедший на трон в обход прямых наследников, проводил недружественную России политику.

Характерный пример — состояние армии.

Наср эд-Дин уделял этой теме большое внимание и очень любил, чтобы его признавали реформатором, равным Петру. Он действительно совершил небывалый поступок: сбрил бороду и облачился в австрийский мундир.

Чтобы дальнейшее не удивляло, следует пояснить: основными чертами монарха и его окружения были тщеславие, алчность и лень. Первое в некоторой степени служило импульсом старта, второе вынуждало кроить и коверкало суть, а третье полностью хоронило любое здоровое начинание.

Так, следуя мудрым деяниям Петра, на должность армейских инструкторов наняли иностранцев. Но поиск вели среди местных, тех, кто был под рукой и, главное, дешево стоил. Пехоту, к примеру, муштровали австриец, бывший тифлисский трамвайный кондуктор, и немец, телеграфист из Сухума. Оба — бригадные генералы.

По официальным данным, пехота насчитывала 65 тысяч штыков, в действительности не превышала 20 тысяч. Остальные были распущены по домам, где занимались своими делами. Было закуплено 30 000 австрийских винтовок, но их никому не давали, боясь пропажи и порчи. То же касалось патронов. В результате солдаты носили пистонные ружья без пороха и кремней. Обмундирование было австрийским, но обувь в комплект не входила, поэтому многие были босыми. Для полной оценки боеспособности войск можно добавить, что рацион питания рядового солдата состоял из винограда, арбуза, нечасто — сыра и лаваша.

Не лучшим образом дела обстояли и с артиллерией. Ее арсеналом командовал министр искусств (государственные

должности продавались). Сколько пушек в стране, никто толком не знал. Считалось, что около тысячи. Однако в это число входил медный и бронзовый антиквариат времен Аббаса и шаха Надира. Количество современных стволов колебалось от 30 до 40 единиц. Боевые стрельбы проводились один раз в год: брали по одному оружию каждого вида и стреляли кто дальше. Было еще одно уникальное обстоятельство, требующее упоминания: лошади, выделенные для перевозки орудий, принадлежали гарему. В военных нуждах они применялись только с согласия шахских жен и главного евнуха, тоже, кстати, бригадного генерала.

Войска не приносили побед. Это печалило шаха. Как-то раз, после проигранной стычки с туркменами, он созвал своих полководцев, грубо их обругал и приказал немедленно что-нибудь сделать. Тут же был созван военный совет, на котором решили купить галстуки, наподобие русских, и перчатки по австрийскому образцу. Через три дня несколько обновленных полков были представлены строгому шаху. На солдатах поверх мундиров висели разноцветные галстуки, а за поясом — по одной нитяной перчатке (все, что было на местном базаре). Реформа коснулась также элитных частей. Шахский конвой одели в казачьи черкески и прусские каски с острыми пиками на макушке.

Единственной боеспособной частью персидской армии была регулярная кавалерия, а именно казачья бригада. Она состояла из трех кавалерийских полков под командованием русских офицеров, находившихся на императорской службе.

Здесь тоже имелись свои нюансы: командир бригады подчинялся главе нашей миссии в Тегеране, который

в каждом отдельном случае решал, должны офицеры слушать персидского шаха или нет.

Иррегулярная кавалерия (племена), по разным оценкам — до 200 тысяч сабель, была пригодна к военному делу не более пехоты и артиллерии.

Все устройство страны отражалось в этих примерах.

Но шах и двор по этому поводу не горевали. Они сдавали державу в аренду. При их интеллекте это было намного доходней, чем самостоятельно ею управлять.

К концу XIX столетия нефть, лес, рыбные промыслы, морские порты, транспорт, таможня, строительство железных и шоссейных дорог, телеграф, ирригация, добыча драгоценных металлов, страховое и банковское дело, азартные игры — всё находилось в руках иностранцев: русских и англичан, с большим преимуществом первых.

В 1895 г. британский посол в Тегеране Мортимер Дюранд писал в своих донесениях в Лондон: «...страна разграблена, а управление дезорганизовано. Отсталая, плохо управляемая, беззащитная Персия подвергается постоянному давлению с севера. Не может быть сомнения, что в Тегеране влияние России является преобладающим и направляется на срыв любого мероприятия по реформированию или во имя прогресса Персии, чтобы предотвратить все, что может способствовать усилению и укреплению страны, остановить ее нисходящий курс».

Объективности ради нужно добавить: англичане ничем не отличались от русских и то же самое творили на юге.

Экспансия нашего капитала шла нарастающим темпом и требовала всесторонней поддержки. Для этого надо было

иметь полную информацию о политической обстановке в стране, действиях враждебной нам части местного руководства, наших соперников англичан, влиять на события, корректируя их в пользу России.

Эти задачи решали генеральные консульства, консульства, вице-консульства и консульские агентства. Их количество в Персии в этот период равнялось приблизительно 20²¹. Они имелись в каждом значимом городе и были наделены чрезвычайными полномочиями.

С начала XX в. вплоть до 1917 г. север Персии находился под нашим контролем, Россия практически управляла этой частью страны.

Британский посол в Санкт-Петербурге Джордж Бьюкенен писал в одном из своих документов в 1914 г.: «...весь механизм управления Северной Персией оказался в руках русских консулов. Генерал-губернатор Азербайджана — всего лишь марионетка, он получает и выполняет приказы русского генерального консула, и то же самое можно сказать о губернаторах Решта, Казвина и Джульфы. Все они — агенты русского правительства и действуют независимо от центрального правительства в Тегеране. Обширные участки земли в Северной Персии приобретаются русскими незаконным путем; большое количество персов

21 Эта цифра сложилась на базе данных консульской переписки тех лет, хранящейся в архиве МИДа России. Единого списка консульских учреждений отыскать не удалось, поэтому не исключаю, что их реальное число могло быть и большим.

превращаются в русских подданных; налоги собирают русские консулы вплоть до полного исключения агентов персидской администрации. Эта система постепенно распространяется на Исфахан и даже нейтральную зону».

Русский консул в Персии был бог, царь и воинский начальник и нередко — зашоренный самодур. Эти качества особенно стали проявляться по мере роста национального сопротивления в начале XX в.

Дурили многие, но особо отметились двое: Миллер в Тебризе и князь Дабижа в Хорасане. Миллер повесил духовного лидера Азербайджана и лидера местных националистов, призывавших к изгнанию оккупантов, причем сделал это в дни Ашуры²². А Дабижа расстрелял из пушек мятежников, укрывшихся в мавзолее имама Резы в Мешхеде, в количестве нескольких сотен человек²³.

Оба находились на службе России. Поступки обоих были одобрены лично царем.

Я задержался на этом периоде отношений отнюдь не с целью насмешки и куража. С моей точки зрения, эти годы в истории Персии крайне важны. Они положили начало почти столетнему иноземному господству, скинуть которое удалось лишь в результате восстания Хомейни.

Первая половина XX в. была отмечена двумя ключевыми событиями в наших с Персией отношениях: в 20-е годы мы

22 Мусульманский шиитский траур по погибшему имаму Хоссейну.

23 В истории ислама со времен крестоносцев такого кошунства не случилось.

утратили все позиции в этой стране, в начале 40-х вновь попытались их утвердить.

Развал Российской империи избавил Персию от нашего гнета. Сразу же после октябрьского переворота правительство Ленина объявило, что «договор о разделе Персии порван и уничтожен». Сделали это большевики не из чувства гуманности. Просто в условиях бардака, охватившего всю страну, бушевавшей в России кровавой резни, держать чужие земли в подчинении не было сил. Позволить им выйти из-под контроля самостоятельно — означало создать опасный для будущего прецедент, правильней было сделать красивый жест.

Но несвойственный нам пацифизм продолжался недолго. Оставить соседей в покое мы никак не могли.

18 мая 1920 г. к порту Энзели подошли корабли большевистской флотилии и после короткого артобстрела высадили десант. Им командовал Федор Раскольников²⁴.

Англичане и белогвардейцы дали деру, и Красная Армия заняла города Энзели и Решт.

В это время лесные районы Гиляна контролировали повстанцы, их возглавлял Мирза Кучек-хан. Джангелийцы²⁵ были смелые воины, пользовались уважением народа. Под

24 Ф. Раскольников (Ильин) — мичман флота. В 1919–1920 гг. — командующий Волжско-Каспийской военной флотилией. В 1921–1923 гг. — полпред РСФСР в Афганистане. В 1930–1938 гг. — полпред СССР в Эстонии, Дании, Болгарии. В 1938 г., опасаясь репрессий, отказался вернуться в Советский Союз. Обратился к Сталину с открытым разоблачительным письмом. Погиб в Ницце в 1939 г.: выпал из окна дома.

25 «Джангель» (перс. — лес), джангелийцы — лесные братья.

флагом ислама много лет дрались с русскими, англичанами и собственным шахом — хотели избавить страну от гнета своих и чужих дармоедов. Большевики направили в лес гонцов с предложением объединиться. И получили неожиданный ответ-вопрос: «А есть ли среди вас Серго?!»

Этот факт малоизвестен. Я раскопал его, когда писал студенческий диплом в Московском университете. Дело в том, что Серго Орджоникидзе в 1909–1910 гг. находился в Гиляне. По словам нашего историка, профессора М. С. Иванова²⁶, «тов. Серго по решению Бакинского комитета большевиков проводил там лекции и беседы о русской революции 1905 г.», на самом же деле в составе группы из 500 кавказцев готовил в Реште антишахский мятеж. Командир персидской казачьей бригады полковник Ляхов писал в своем рапорте об этой «лекторской» деятельности: «Дальше идти некуда. В Персию перекочевали все закавказские боевики!» Так что плацдарм для будущей большевистской экспансии готовился уже тогда.

Не знаю, что Федор ответил Мирзе, но тот вывел отряды из леса. На митинге в Реште был поднят революционный флаг неизвестного истории цвета, а Владимиру Ильичу отправлена совместная телеграмма о том, что в провинции Гилян провозглашена Советская Социалистическая Республика. Во как!

Трудно сказать, куда это могло привести, если б не наше стремление все всегда подминать под себя. Вскоре

26 Профессор М. С. Иванов, зав. кафедрой истории Ирана ИСАА при МГУ — автор нашего учебного пособия по истории страны.

Гилян наводнили большевики из Баку, создали партию «Адалят» («Справедливость») и начали отбирать у народа собственность, вплоть до кур и гусей. Одновременно пытались внедрить атеизм и сместить возражавшего им Кучек-хана. Кончилось тем, что Мирза их всех пострелял. Но сам, лишенный народной поддержки, не устоял под ударами тегеранских властей, пришедших в себя после первого шока.

Республика пала в 1921 г. Наша попытка наладить в Персии коммунизм не удалась.

Трагической оказалась судьба Кучек-хана. Персидский казачий корпус с помощью перебежчиков-курдов загнал последний отряд джангелийцев в горы. Повстанцы были разбиты. Мирза остался один. Он уходил от наседавшей погони, но двигаться быстро не мог — тащил на себе умиравшего друга, австрийского офицера, служившего в Джангеле инструктором. Взять живым Кучек-хана враги не смогли, он умер от холода, замерз в снежной пурге. Отрезанную голову патриота выставили в Реште на шесте для всеобщего устрашения.

Итоговым результатом наших с Персией отношений стал Договор 1921 г., по которому Советы отдали Персии ВСЁ: права на займы царской России, госконцессии, железные и шоссейные дороги с постройками, подвижным составом и инвентарем, телеграфные и телефонные линии с их имуществом, зданиями, инвентарем; порт Энзели с товарными складами; пристани, склады, пароходы на озере Урмие; острова на юге Каспийского моря; всю частную собственность подданных царской России, Учетно-ссудный

банк со всеми денежными суммами, ценностями, движимым и недвижимым имуществом; нефтеприиски, рыбные промыслы, лес и еще многое, многое, многое... всего не перечесть, на общую сумму свыше 100 миллионов золотых рублей!

Мы сохранили в Иране земельную собственность и имущество торговых и консульских представительств, но сами они почти все были закрыты, делать им здесь теперь было нечего.

Вакуум в стране заполнили немцы и англичане, нам оставалось дожидаться лучших времен. В этом плане, кстати, был сделан дальновидный задел. Договор 1921 г. содержал несколько важных для нас положений. Через 20 лет они стали обоснованием вооруженного вторжения СССР в Иран и очередного раздела страны в доле с англичанами.

Статья 6 Договора гласила, что «в случае если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые меры».

Вот, собственно говоря, и всё.

Теперь о Второй мировой войне.

За прошедшие 20 лет Иран изменился. Власть бездарных Каджар с позором пала и перешла к династии Пехлеви.

Реза-шах²⁷ жесткой военной силой покончил с развалом страны. Опираясь на крупных помещиков и буржуазию, подавил все виды оппозиционных движений. Провел политические и социальные реформы по примеру соседа Кемаля Паши, начал развивать национальную экономику: промышленность, сельское хозяйство, торговлю. Во внешней политике, как мог, дистанцировался от СССР и балансировал между союзом с немцами и англичанами с возрастающим перевесом в пользу Германии.

Накануне Второй мировой войны немцы имели в Иране прочную базу. Они закрепились в сфере финансов, промышленности, строительства, транспортных перевозок. В торговле с Ираном Германия занимала первое место.

В стране активно работала немецкая агентура, шла масштабная подготовка диверсий на территории СССР. Иран был напичкан «бывшими нашими»: белогвардейцами, дашнаками, мусаватистами. Любви к большевистской России они не питали. Из них формировались диверсионные группы для заброски в Советский Союз.

Главной целью была бакинская и грозненская нефть. Подрыв нефтепромыслов лишал нашу армию топлива. Нетрудно представить, к чему это могло привести.

27 Шах Реза Пехлеви (правил 1925–1941), до восхождения на престол — подполковник персидской казачьей бригады, военный министр, премьер-министр.

Немцы пытались склонить Реза-шаха к военному нападению на СССР. На случай отказа планировали переворот. Шах колебался, но в последний момент все же занял позицию нейтралитета. Тогда в Иран нелегально прибыл Канарис, на 28 августа 1941 г. был назначен день «Х».

Наша разведка находилась в курсе событий. 25 августа 1941 г., упреждая противника, советские войска с севера вступили в Иран. Одновременно с юга и запада вошли англичане. Союзники тут же приступили к зачисткам. Посольства Германии, Италии, Венгрии и Румынии были выдворены из страны, немецкая агентура разгромлена, ее пособники уничтожены. На это ушло чуть меньше полугода.

Ирану предложили подписать «дружественный» договор²⁸, согласно которому Англия и СССР обязались защищать его «всеми имеющимися в их распоряжении средствами против всякой агрессии...». Для осуществления этой задачи они получали право «содержать на иранской территории сухопутные, морские и воздушные силы в таком количестве, в каком они считают необходимым». Союзники полностью контролировали страну.

Стерильность Ирана была такова, что в 1943 г. главы союзных держав решили приехать сюда на конференцию, чтобы обсудить послевоенное мировое устройство.

К этому времени здесь оставались две небольшие группы немецких шпионов. Одна под началом сотрудника абвера Шульце-Хольтуса, ставшего исфаганским рыжебородым муллой, другая — гестаповца Маера, могильщика

28 Договор вступил в силу 29 января 1942 г.

на армянском кладбище в Тегеране. В Берлине агентов очень ценили, не зная, что жить их оставили до поры и ходят они под неусыпным надзором. Накануне саммита их прихлопнули. В результате Отто Скорцени, готовивший операцию «Длинный прыжок», прыгнуть мог разве что в объятия НКВД²⁹.

Интересную историю в этой связи рассказал мне Даниил Комиссаров. Однажды к нему, как к консультанту, обратились советские режиссеры Наумов и Алов. Они решили снимать кинофильм про Тегеранскую конференцию на основе реальных событий. Главное место в картине отводилось попытке покушения на великую тройку.

Известный ученый-иранист, доктор наук, профессор Даниил Комиссаров — человек-легенда. В свои 100 лет он был все еще статным, подвижным, веселым. Высокий лоб пересекал шрам от сабельного удара — память тех времен, когда рубился с басмачами. В годы войны чекист Комиссаров работал в Иране. Он участвовал во многих отважных делах, в частности полгода жил в курдском племени, где вождем была женщина. История умалчивает о том, какого рода симпатии питала она к Даниилу, но племя «держало» довольно большой участок советско-иранской границы, и там, по словам Комиссарова, «муха не могла пролететь». Режиссеры планировали сделать его прототипом одного из героев.

— Слушайте, — опечалил он их, — неужели вы думаете, что если бы существовала хоть малейшая угроза безопасности, Сталин туда полетел?!

29 Народный комиссариат внутренних дел СССР.

Те почесали репу и сняли фантазию, где советский разведчик (артист Костолевский) стрелял во врагов 10 раз подряд из восьмизарядного парабеллума.

В начале войны, вновь завладев половиной Ирана, мы твердо решили ее придержать. На словах признавали целостность соседнего государства, на деле готовили сепаратистский переворот. Главные планы строились вокруг Южного Азербайджана. Его аннексия казалась делом реальным. В связи с этим там срочно возникло народно-демократическое движение³⁰. Опуская детали его многотрудной борьбы, скажу о главном: в конце 1945 г., занятый нашими войсками и ими же вооруженный, Азербайджан провозгласил автономию, сформировал правительство и меджлис, разоружил силы правопорядка центральных властей, создал собственные боевые дружины.

Как водится, сразу же начались реформы. Приняли ряд прогрессивных законов в интересах беднейшей части крестьян: земли, принадлежащие государству и местным помещикам, бежавшим от демократов (260 тыс. га), бесплатно раздали народу. Постановили, что орудия производства, рабочий скот, семена должны принадлежать крестьянам. Если крестьяне их не имеют, то помещик обязан дать им займы. Условия займа — беспроцентная ссуда на период до сбора ближайшего урожая. Но если по истечении этого срока крестьянин долг не отдает, то срок уплаты решением сельского комитета (по сути — тех же крестьян) продлевается до следующего урожая.

30 Народная партия Азербайджана и Демократическая партия Азербайджана.

Что говорить — советская школа! Впрочем, поскольку помещиков все же не убивали, то — демократия, и я бы добавил — либерализм!

Сепаратистское движение, инспирированное СССР, победило также и в Курдистане. Волнением был охвачен весь север: Гилян, Мазендеран, Хорасан.

Профессор М. С. Иванов замечательно трактовал эти события: «...правительство Хакими в январе 1946 г., не имея для этого никаких оснований, поставило в Организации Объединенных Наций вопрос о советском вмешательстве во внутренние дела Ирана. Попытка использовать ООН для укрепления позиций иранских реакционеров не удалась». Проще сказать, СССР заблокировал этот вопрос, наложив на него свое вето.

Иран, без сомнений, утратил бы часть территорий, не вмешайся Британия и США. Нам поставили ультиматум — вывести войска из страны. Американцы недавно смели Нагасаки и Хиросиму, адекватно ответить нам было нечем, и мы скрепя сердце из Ирана ушли.

И тут началось! В декабре 1946 г. правительственные войска вошли в Азербайджан. Этому предшествовало одно событие. О нем рассказал мне его очевидец, член ЦК Народной партии Ирана (Туде), Хабиболла Фуругиан. Мохаммад Реза-шах³¹ пригласил демократов на переговоры. Сказал, что родина у них одна и надо вместе подумать о ее дальнейшей судьбе. Фуругиан лично знал шаха, в юности

31 Мохаммад Реза-шах Пехлеви (правил 1941–1979), сын Реза-шаха, последний иранский монарх, свергнут в результате восстания Хомейни.

они вместе учились и даже играли в футбол. Он не поверил красивым словам и этим спас себе жизнь. Все, кто приехал к шаху, были безжалостно казнены.

Обезглавленное движение утопили в крови. Сепаратистов стреляли, резали, вешали, забивали до смерти палками. На телеграфных столбах по обе стороны тебризской дороги висели казненные, у многих были зашиты рты. Резня демократов и коммунистов прокатилась по всей стране и завершилась к середине 1947 г. их полным разгромом.

Сам Фуругиан, молодой офицер, увидев, что дело проиграно, вместе с друзьями сел в танк, дал по газам и рванул в СССР. В те годы многие иранские коммунисты и демократы нашли убежище в нашей стране. С некоторыми из них мне довелось быть знакомым. Они преподавали нам персидский язык и литературу. Это были исключительно честные люди, патриоты, мечтавшие однажды вернуться домой.

Их чувства не были показными. Наш учитель персидского языка (он запрещал называть его господином) Ахмед Керимович Мамадзаде постоянно задерживался в лингафонном кабинете. Кроме нас, никто не обращал на это внимания, мало ли работает человек, надиктовывает студентам новые пленки. Мы же из опасения, что к экзаменам готовится совершенно ненужный «сюрприз», решили послушать, что он там крутит. Уговорив лаборанта, сели в кабину... и были потрясены: в наушниках зазвучала щемящая душу песня, которую написал накануне казни иранский генерал-коммунист, обращаясь к своей маленькой дочери: «Поцелуй меня, поцелуй меня! В последний раз!

И храни тебя Бог. Потому что я уйду навстречу судьбе». Старик Ахмед жил небогато, собственной техники не имел, после занятий приходил в «лингфон», слушал песню своей печальной юности, немного плакал и отправлялся домой.

Мне кажется, что чувство глубокой ностальгии, лишившее «наших иранцев» способности трезво мыслить, во многом предопределило их гибель в 1983 г.

После свержения шаха в 1979 г. у эмигрантов появилась возможность вернуться в Иран. Помню, как горели у них глаза. Помню, как, набравшись наглости, я спросил Фуругиана:

— А вы не думаете, что там вас всех расстреляют?

Хабиболла на это ответил:

— Ты молод, тебе не понять! Хомейни — на стороне народа! Хомейни — великий человек! Он сегодня знает то, что завтра захочет иранский народ!

Вот тебе и анализ! А он был, кажется, третьим лицом в иранской компартии.

Дальнейшие события подтвердили — Хомейни действительно мудрый политик. Но когда в 1983 г. руководителей иранской компартии показывали по ТВ и они признавались в измене родине и связях с КГБ, если бы диктор не назвал их имен, я ни за что не узнал бы в этих замученных пытками людях своих бывших учителей.

Накануне событий 1979 г. Иран был цветущей страной. В середине столетия шаху удалось завладеть 50% прибыли от собственной нефти, отдав остальное англичанам, американцам, голландцам, французам. Она и стала основой благополучия.

В 60-х годах шах начал программу радикальных реформ под названием «Белая революция».

Государство выкупило у помещиков землю и передало ее в рассрочку крестьянам по цене на 30% ниже рыночной. К 70-м годам землю получили 1,2 миллиона крестьянских хозяйств — около половины сельского населения. Одновременно были национализированы пастбища и леса, проложены новые оросительные системы.

В стране шла широкая индустриализация. При содействии Запада и СССР строились современные нефтехимические, металлургические, энергетические объекты, автомобилестроительные, самолето-строительные, судостроительные заводы. Развивалась транспортная система. Были расширены сети шоссейных и железных дорог, значительно увеличена пропускная способность морских портов. На государственных промышленных предприятиях рабочие участвовали в прибыли.

Шах придавал большое значение армии, флоту и ВВС. Они имели отличную выучку, современное вооружение и хорошее материальное довольствие.

Реформы распространялись и на социальную сферу. Укреплялось здравоохранение, строились школы и вузы. Женщины во всех областях получили равноправный с мужчинами статус.

Во внешней политике шах ориентировался на США. Американцы в те годы сидели здесь прочно. В регионе Иран был их главным союзником и опорной военной базой.

Наши связи с Ираном к этому времени нормализовались. Друзьями нас не считали, но относились спокойно, философски рассматривая СССР как неизбежное зло.

Экономика и социальная жизнь, как уже говорилось, шли в гору. Иранцы гордились своей страной, ее в ту пору называли Японией на Среднем Востоке.

Тем не менее здесь имелись враждебные шаху силы. Они находились в подполье. Наиболее популярной считалась ОМИН³². Это были молодые ребята, левые радикалы, боевики — смесь Троцкого с Че Геварой. Многие тренировались у палестинцев, от них переняли презрение к смерти, навыки конспирации и террора. Иногда они что-то взрывали и в кого-то стреляли. Когда их ловили, то ломали на дыбе и без судебных формальностей бросали ночью с вертолета в соляное озеро, расположенное между Тегераном и Кумом.

На втором месте стояла ОФИН³³ — леваки, но поближе к марксизму, в чем-то даже смыкались с Туде. Терроризмом не увлекались. Вели пропаганду в народной среде, клеили на заборах листовки. Их тоже ловили, тоже пытали и сажали на долгие сроки.

Серьезным противником шаха была радикальная часть духовенства. Но фанатиков, жаждавших крови, было немного. Главного — Хомейни сначала решили повесить, но потом пощадили и выслали из страны.

К оппозиции можно было причислить и коммунистов, с той оговоркой, что они находились в Москве, с народом общались по радио, в Иране работу практически не вели.

Так кто же затеял переворот? Каким образом в успешной, богатой стране, обладавшей к тому же мощнейшей

32 Организация моджахедов иранского народа.

33 Организация федаев иранского народа.

спецслужбой, имевшей в союзниках США, возникла эта кровавая буча?! Объективно для этого не было сил, но ведь факт, что случилось!

В Иране существовало несколько версий, у каждой политической силы своя: все ругали противников и восхваляли собственные заслуги в деле свержения шаха. В конечном счете победившее духовенство переписало историю так, что, кроме мулл, в качестве патриотов-героев, в ней вообще никого не осталось. За границей версий было значительно больше. Они варьировались от журналистских расследований до научных трудов, но четких, неоспоримых ответов на поставленный выше вопрос не давали.

На мой взгляд, события развивались особым путем, о котором пока никто не писал: это была задуманная ЦРУ, детально спланированная и с треском проваленная операция по устранению шаха.

Шах чрезмерно разбогател и стал неудобным партнером: используя прибыль от нефти, строил самостоятельную экономику, грозился в течение пятнадцати лет войти в мировую пятерку. В строительстве собственного государства все меньше слушал американских советов, их основного агента влияния взял и казнил³⁴. Наладил отношения с СССР. А еще как-то высказал мысль об Азиатском союзе:

34 Генерал Теймур Бахтиар, первый руководитель Организации информации и безопасности страны САВАК (разведка-контрразведка), был уволен со службы в 1961 г. за несанкционированные контакты с высшим руководством США. В 1970 г. по приказу шаха убит агентами САВАК в Ираке, где вел тайные переговоры с аятоллой Хомейни о свержении иранского монарха.

общее экономическое пространство, граница, таможня, валюта... Скорее всего, это и стало последней каплей. Такое фрондерство США не прощали. Они решили убрать фантазера, пока идеи не воплотились в дела.

Ход мыслей строился так:

— шах зарвался, его надо менять;

— оптимальная форма переворота — народное возмущение;

— монархия старомодна, если на смену ей придут либералы, это будет созвучно эпохе и встретит международное понимание;

— американские уши не должны вылезать, это может дать негативные результаты;

— участники — сами иранцы, их силы известны и не содержат угрозы для США:

а) руководство ОМИН работает с ЦРУ;

б) руководство федаев — тоже;

в) коммунисты малочисленны и лишены социальной опоры;

г) духовенство находится под контролем САВАК;

д) число американских военных в Иране — около 50 000. Вооруженные силы страны и спецслужбы практически в их руках;

— первая волна сметает не только тирана, но и саму себя. Значит, зачинщиком должен быть тот, кто в дальнейшем не нужен;

— после этого к власти придут подконтрольные Штатам ребята без лишних амбиций и дури в голове.

Специалисты прикинули варианты, тут и возник радикал Хомейни. Для начала его переместили из Неджефа в Париж, из захолустья, где он томился в изгнании, на телеэкраны, обложки журналов, первые полосы крупных газет. Никому не известный доселе религиозный фанатик вдруг стал героем и мудрецом. Антишахские проповеди, из-за которых его загнали в пустыню, превратились в знамя священной войны.

Призывы к джахаду, звучавшие из Парижа, нашли поддержку в нужной среде. В августе 1978 г. в Абадане неизвестные лица заколотили выходы из кинотеатра «Рекс», где шли непристойные фильмы, и изжарили 366 человек!

По стране с нарастающей силой покатилась волна беспорядков. Бунтарскую массу обеспечивал люмпен, организатором выступало радикальное духовенство, боевым прикрытием — отряды ОМИН. Ситуация выходила из-под контроля властей.

Американцы предложили шаху уехать. Официальная версия — отдых. На самом деле убедили монарха не связывать свое имя с массовыми репрессиями, неизбежными в данный момент. Обещали в короткий срок разобраться с толпой.

У самолета стояла длинная очередь из придворных, министров и генералов. Шах прослезился, ему целовали руки, клялись в верности и любви. Все говорили о скорой встрече, но было видно — прощаются навсегда.

Так оно и случилось. Полтора года Мохаммада Реза Пехлеви катали по разным странам, где ему не находилось приюта. В итоге в Египте уложили на операционный стол,

с которого он живым не поднялся. Сообщили, что у шаха лимфома. Но почему-то хирург, делавший операцию, через неделю погиб в автомобильной аварии.

1 февраля 1979 г. мятежный аятолла, вдохновитель восстания, на персональном авиалайнере торжественно прибыл в Иран.

Почему Хомейни не был взорван, застрелен, отравлен в Ираке, Париже, на пути в Тегеран?! Ведь он в течение долгого времени готовил свержение шахского строя — американской опоры на Среднем Востоке, заявляя при этом, что следующим номером выгонит из страны США. А ведь грохнуть аятоллу было как плюнуть!

Ответ на это только один — так было нужно.

Экстремистские планы имама, в которых Лондон был центром мирового исламского государства, считались бредом и никого не пугали. Остальное же было частью боевой операции, где старику отводилась роль детонатора. Жить ему оставалось недолго. Его должен был уничтожить собственный взрыв.

В феврале 1979 г., после приезда имама в Иран, в стране началась кровавая бойня. Жертвы с обеих сторон исчислялись тысячами. Но сторонники шаха были морально надломлены да и числом уже уступали врагу, в результате с ними быстро покончили. Тех, кто после разгрома не сумел покинуть Иран (в основном офицеров САВАК и гвардии), ловили, стреляли и вешали. Но надо оговориться: левые в этих расправах участия не принимали. Исполнителями казней были муллы и религиозная чернь.

Таким образом, первая часть переворота была «успешно» завершена. Американцы могли двигаться дальше.

Но тут случилась осечка. Старик оказался умнее ЦРУ. Он вычислил эту затею и не мешкая уничтожил в своем окружении всех, кто мог представлять опасность, в первую очередь прибывших из Парижа иранских политиков-либералов — скрытых сторонников США.

Колоссальный авторитет среди толпы — плод американских усилий — позволял легко это делать. Имам командовал: «Фас!», и толпа в клочья рвала любого.

Блестящей операцией Хомейни стал вооруженный захват посольства США в Тегеране 4 ноября 1979 г. Аятолла приобрел в виде живого щита пятьдесят три американских заложника. Теперь у ЦРУ были окончательно связаны руки. При угрозе жизни имама американцев сразу бы растерзали.

В те годы Иран погрузился в бездну террора. Последователи Хомейни безжалостно убивали всех, кто стоял у них на пути. Целью были абсолютная власть и построение исламского государства. Даже начавшийся в 1980 г. вооруженный конфликт с Ираком, переросший в затяжную войну, не снизил накала внутривнутриполитической драки. С особой жестокостью духовенство расправлялось с бывшими союзниками по антишахской борьбе. Муллы делали ставку на миллионный резерв из неграмотной черни, готовой к бою по первому зову. Такой мощи в Иране никто не имел. На первом этапе, пока не укрепился исламский режим, радикалы прибегали к тактике погромов и уличной войны, в точности скопированной с действий итальянских «ардити» и немецких штурмовиков. Без труда разогнав либералов, они ударили по моджахедам, затем федаям и напоследок Туде.

Моджахеды отчаянно сопротивлялись и тоже наносили удары, но силы были неравны. Основная масса феодалов и коммунисты практически сдались без боя.

Один из парадоксов трагических событий 1979 г. заключался в том, что все без исключения их участники, воевавшие по разные стороны баррикад, в том числе сторонники шаха, несмотря на общую жестокость и пролитую кровь, были искренними патриотами. Они сражались и гибли за счастье своей страны, имея разные взгляды на жизнь.

Отношение СССР к событиям в Иране было противоречивым. Мы не могли понять их истинный смысл и выстроить грамотную позицию. Нам мешали, как это ни странно, плохое знание марксистской теории (не говоря уже о специфике Востока и религиозной проблематике) и обусловленность мышления. Я имею в виду не тех, кто работал в стране, а наше высшее руководство.

С точки зрения марксистского анализа характер событий был очевиден: буржуазная революция в форме религиозного движения (полмира прошло через подобную фазу). Налицо были борьба и захват государственной власти средней и мелкой национальной буржуазией, к которой относилось большинство иранского клера, у местной элиты — феодалов, компрадоров и крупных буржуа (отсюда антиамериканский посыл). Да, первый импульс был спровоцирован ЦРУ. Но буржуазная революция давно уже зрела в иранском обществе и сдерживалась только мощной карательной силой. Как только в ее работе обнаружился сбой, в стране началось восстание и революция победила.

Тот же классовый характер движения определял отношение лидеров революции к левым и коммунистам. Совершенно ясно, что буржуазия ни при каких обстоятельствах не могла договориться с теми, кто выступал за ее уничтожение как класса и частной собственности как основы ее власти.

Казалось, это несложно понять?! Вот и основа для нашей позиции. Но дело в том, что «революция в форме религиозного движения» в Иране запоздала на несколько веков и протекала уже в эпоху империализма. Это не совпадало с шаблонами из учебников ВПШ³⁵ и вызывало растерянность. Классической формулы не получалось, поскольку кроме «прогнившей монархии» нужен был еще пролетарий, трудяга крестьянин и компартия во главе. А этого не было. Рабочие и крестьяне в Иране не обладали развитым классовым сознанием, к тому же поголовно молились Аллаху и идеи безбожников-коммунистов не принимали на дух.

Единственное, что было понятно, — в Иране скинули шаха и выгнали США. По этому поводу в Кремле радостно потирали руки и наконец остановились на том, что «революция носит антимонархический и антиимпериалистический характер и направлена на борьбу с американским господством в регионе».

Такое положение дел в принципе нас устраивало. На этой платформе строились дальнейшие действия. Как

35 ВПШ (Высшая партийная школа) предназначалась для повышения уровня образования функционеров КПСС. Среди студентов гуманитарных факультетов МГУ пользоваться учебником ВПШ считалось вершиной позора. Даже «шпоры» наших двоечников содержали намного больше информации.

результат, СССР занял сдержанную позицию в отношении радикального иранского духовенства, более того, в ряде случаев способствовал укреплению его власти, хотя признаки антисоветизма в стране были уже налицо. Исламский режим полным ходом вооружал и забрасывал на территорию Афганистана отряды оппозиции для борьбы против советских войск и правительства ДРА. В Иране был выдвинут лозунг: «Афганистан — кладбище для неверных русских и начало мировой исламской революции»³⁶.

Ошибочной была наша позиция и в дальнейшем, когда режим приступил к уничтожению левых. С точки зрения новой власти это было естественно: во всех подобных случаях левое крыло непременно уничтожалось победившей буржуазией. Но нам в ходе отчаянного сопротивления моджахедов и части федаев не следовало сидеть сложа руки и уж как минимум заявлять, что сторонники Хомейни — это «силы революционной демократии», а все их противники — «террористы, поддерживаемые и направляемые ЦРУ». Этими реверансами, кроме презрения со стороны гибнущих левых, мы ничего не приобрели³⁷.

36 Этим занимался Мохаммад Монтазери, идеолог и талантливый организатор экспорта исламской революции в Афганистан и Ливан, сын ближайшего сподвижника Хомейни аятоллы Монтазери.

37 Мы воздерживались от собственных комментариев этих событий. Но в конце января 1983 г., когда поражение левых было уже очевидным, еженедельник «За рубежом», один из главных советских источников международной политической информации, перепечатал большую статью из немецкого журнала «Блеттер фюр дойче унд интернационале политик», которая называлась «Три года антиимпериалистической революции в Иране». В ней, вопреки логике и фактам, содержались перечисленные

И конечно же, анализируя ситуацию, следовало в срочном порядке рекомендовать партии Туде переходить на нелегальное положение, что не было сделано.

Мы опомнились только тогда, когда муллы начали резать в Иране наших сторонников-коммунистов, а затем колошматить и нас самих. Но и тут не осмыслили: почему?! Гонор мешал трезво взглянуть на историю и понять, что у них есть все основания видеть в нас исключительно коварных и опасных врагов. К этому времени возможности вклиниться во внутривосточные процессы в Иране и что-либо изменить у СССР практически не осталось.

Новая власть уже укрепилась, а наша агентура в стране подверглась разгрому после измены в 1982 г. одного негодяя из КГБ. К тому же мы капитально увязли в военном конфликте в Афганистане, где проблем было выше головы.

Вот так, в результате самонадеянной глупости двух сверхдержав и их мировой конфронтации, прорвался к победе и утвердился во власти уникальный исламский режим³⁸.

Я приехал в Иран в марте 1983 г. и застал последнюю фазу разгрома Туде. То, что увидел, запомнилось на всю жизнь. Осталось в памяти и мое первое донесение.

Месяца через два я прибыл из Исфагана в столицу с отчетом о положении дел. Посол внимательно выслушал меня и распорядился написать телеграмму³⁹. Я поднялся

выше утверждения. Публикация в «За рубежом» по правилам того времени означала косвенное признание нами этой позиции.

38 Следует еще раз отметить, что «американский» вариант переворота является моей собственной версией и не может рассматриваться как единственно возможный.

39 Телеграмма — краткое донесение, содержащее важную оперативную

в помещение референтуры, набросал проект и передал дежурному шифровальщику. Дословно текста не помню, но выглядел он примерно так: «Правящее иранское духовенство в результате жестоких репрессий полностью разгромило прошахскую, либеральную, левую и коммунистическую оппозиции. В настоящий момент противников вне корпоративной среды у него больше нет. Поэтому в ближайшее время борьба за абсолютную власть в Иране развернется в среде самого духовенства. Между собой столкнутся две крупные группировки: та, что захватила административно-политическое руководство страной, но пока не имеет прочной экономической базы, и другая, которая эту базу имеет, но от административно-политического управления в значительной степени отстранена». Далее шел перечень участников группировок, их личные характеристики и возможные способы воздействия на ситуацию со стороны СССР.

Через полчаса меня снова вызвал посол.

— Реваз, что это вы написали?! — он смотрел на меня с укоризной. — Что это за ерунда?

— Простите, но я не понял, — ответил я, действительно ничего не поняв.

— А что тут неясного?! Вы выпячиваете роль духовенства, при этом ни единого слова о борьбе рабочего класса и трудового крестьянства! Где ваша классовая позиция?!

информацию, передавалась в Центр в зашифрованном виде по радиосвязи. Для работы над такими документами в посольствах имелись специальные помещения, т. н. «референтуры».

Я опешил, не ведая, что́ говорить. Ведь моим собеседником был Вил Константинович Болдырев, тот самый Заведующий ОССВ, уговоривший меня ехать с ним вместе в Иран. К Болдыреву я относился с большим уважением. Он являлся профессионалом высокого уровня, владел пятью языками, в том числе и персидским, обстановку в Иране знал в совершенстве. Но то, что он произнес, было полным абсурдом.

— Перепишите, — сказал посол, — и учтите мои замечания.

Вернувшись назад, я уселся за столик в узкой кабинке, сосредоточился и попытался по-новому выстроить мысль. Но независимо от меня на бумаге возникли те же самые фразы. Через час ко мне заглянул дежурный: «Давай не затягивай, он уже ждет» — и забрал с собой то, что сложилось.

— Продолжаете упорствовать в глупости? — оценил мои мысли посол. — Не можете сами, посоветуйтесь с умным товарищем.

Я так и сделал. Пошел к умному Саше Садовникову⁴⁰ и попросил помочь. Вместе мы пыхтели еще около часа. Получились те же яйца, только в профиль. Ну не лезли в эту схему рабочий класс и зачуханное крестьянство, которые в политических процессах в Иране никакой самостоятельной роли играть не могли.

Так повторилось несколько раз. Тучи сгущались. Я гадал, каким может быть наказание?

40 А. Садовников — в те годы второй секретарь Посольства СССР в Тегеране.

На пятом заходе посол неожиданно улыбнулся:

— Хотите, раскрою ваши тайные мысли?

Что тут ответить? Я промолчал.

— Вы думаете: вот ведь старый лысый дурак! Задает тупые вопросы...

Он почти угадал, но я, естественно, стал возражать.

— Не надо, не надо! — опять улыбнулся посол. — Я вам раскрою еще одну тайну. Если я завизирую и отправлю вашу бумагу, то те же тупые вопросы будут заданы мне из Москвы, и, так же как вам, мне нечего будет ответить. Возвращайтесь к себе в Исфаган, если понадобится, я вас вызову.

Так началось мое путешествие, продлившееся целых пять лет.

ДРАГУН-РАЗВЕДЧИК, КРЕПОСТНОЙ-ДИПЛОМАТ И ПОДАРОЧНЫЙ СЛОН

История наших консульских отношений началась в 1717 г. с необычайного события: первым русским консулом при шахском дворе стал Семен Аврамов, двадцати лет от роду, крепостной!

Семен был внештатным переводчиком при посольстве Артемия Волынского⁴¹. Произошло это следующим образом. Посольство в самом начале столкнулось с кадровыми проблемами. Толмач, присланный из Санкт-Петербурга, оказался совершенно непригоден к работе. Это выяснилось, когда наши прибыли в Шемаху. Волынский отчислил его «понеже дурак и пьяница, которого хотя часто и наказывал, а унять не мог. А он бес никакова языку не имеет, не точию здешнева, но и по руски написать».

Таким образом, выполнение государственных задач, поставленных лично Петром, оказалось на грани срыва: работа предстояла опасная, сложная и ответственная, а

41 Артемий Волынский начал службу в 1704 г. рядовым драгунского полка. В 1711 г. — ротмистр, командир эскадрона. В 1712 г. вместе с главой посольского приказа бароном Шафировым находился в Константинополе в заложниках у турок. После освобождения произведен в подполковники и вскоре направлен посланником в Исфаган. По возвращении в Россию получил звание генерал-адъютанта и должность губернатора Астрахани — плацдарма нападения на Персию. В годы правления Екатерины I — губернатор Казани, во времена Анны Иоанновны — кабинет-министр. В 1740 г. по наущению Бирона и Остермана обвинен в государственной измене и казнен.

толмача не было. Наудачу Волынский встретил Аврамова, холопа астраханского обер-коменданта Чирикова, который был послан в Шемаху по какому-то делу. Выяснилось, что Семен «зело искусен здешнево языка... и по русски читать и писать может без нужды, также и с природы ума изряднова».

Молодой посланник, еще недавно боевой офицер, отличался решительным нравом. Он не стал спрашивать согласия коменданта, на это не было времени, да и кто знает, уступил бы тот уникального крепостного или нет?! Считая, что действует в интересах державы, Волынский увез Аврамова в Персию.

В Исфагане Семен проявил себя самым лучшим образом: он оказался наблюдательным, коммуникабельным, хорошо знал язык, добывал важную информацию, которую умело анализировал. Поэтому, когда в ходе переговоров Волынского с Фатх Али-ханом Дагестани⁴² встал вопрос о назначении постоянного российского представителя при дворе Султан Хосейна, выбор пал на него. При отъезде из Исфагана осенью 1717 г. Волынский, с согласия персидской стороны, оставил Семена в качестве нашего резидента, по сути — консула.

Уже первое донесение Аврамова представляло большой интерес и свидетельствовало о хорошем знании дела: он

42 Фатх Али-хан Дагестани (перс. дагестанец) — первый визирь шаха Султан Хосейна, в те годы — самый влиятельный политический деятель Персии. Шах Султан Хосейн (правил 1694–1722) — слабый монарх «гаремного воспитания», последний в династии Сефевидов.

в срочном порядке сообщал о взятии афганцами провинции Герат, переходе на их сторону систанского хана Асадоллы и продвижении объединенных войск на Керман. Писал о захвате султаном Маската островов в Персидском заливе, пустой шахской казне и некоторых деталях внутренней жизни двора. В частности, не без юмора упоминал о том, что во время «затмения месяца» перепугавшиеся придворные посадили шаха на трон и махали над его головой мешками с деньгами, чтоб отвести беду, после чего отдали деньги мулле.

Вот вам и крепостной!

Посольство Артемия Волынского вообще состояло из одаренных людей, да и задачи они решали неординарные. Одна история со слонем чего стоит!

По официальной версии, цель посольства Волынского заключалась в упорядочении российско-персидских торговых отношений. На самом же деле в секретной инструкции, подписанной лично Петром, вопросы торговли стояли в самом конце. Задачей номер один была разведка местности, состояния вооруженных сил, укрепрайонов и городов. И все это надлежало выяснить «так, чтоб не признали персияне».

Волынский блестяще справился со всеми задачами.

В Исфагане он подписал выгодное для России торговое соглашение, а также пришел к выводу о необходимости создания в Персии русских торговых компаний и параллельно консульского надзора за купцами, поскольку их «главная беда» заключалась в том, что «сами между собою один другому пакости чинят», «ежели где кому обида случится,

другие ему не помогают... чинят повседневные ссоры и драки напився, с чего больше поношения и стыд приносят отечеству, нежели пользу». И ежели «впредь не будет над купцами консул, то не надеюся я, чтобы могло притить в доброе состояние и порядок комерция наша».

За время пребывания в Исфагане Волинский изучил вооруженные силы Персии досконально, об этом свидетельствуют его письменные донесения Петру. С учетом внешних угроз он предсказал близкий крах империи Сефевидов, что и произошло в 1722 г. в результате афганского нашествия.

Самой сложной оказалась разведка местности. Путь посольства лежал через Каспий, разрешение на сухопутное путешествие не давали. Персы всеми силами старались как можно быстрее избавиться от русских, которые торчали здесь уже более года и совали нос во все дырки. Слабость сефевидской державы была очевидна, и шахский двор не хотел, чтобы подробности стали известны сильному соседу. Вот тут Волинский и придумал гениальную хитрость. Когда по традиции тех времен его спросили, какой подарок русский царь желал бы получить от персидского шаха, он ответил: «Слона!»

Деваться было некуда, отказ мог вызвать серьезное оскорбление, и посольству вручили слона. Но затащить его на корабль конструкции тех времен не представлялось возможным. Оставалось одно — вести своим ходом. Таким образом, получив «сухопутный пропуск», Волинский приступил к выполнению главной задачи.

Сопровождать слона отрядили подпоручика Лопухина с тридцатью солдатами из охраны посольства. Экспедиции выдали документ, который назывался «Указ к Шемаханскому хану о свободном пропуске слона и прочих вещей». Согласно ему Лопухин должен был следовать «сухим путем через Дербент до Терека и Астрахани». 9 марта 1718 г. он двинулся в путь. Сам же Волынский с основной частью посольства отправился в Астрахань морем. Так что все шито-крыто — не придерешься!

Однако это не все. Перед Лопухиным стояла задача не только составить карту местности по маршруту движения, но и изучить территорию на предмет прохождения войск: пехоты, кавалерии, артиллерии; снабжения их водой, провиантом и фуражом. Такого рода деятельность, как известно, к дипломатии отношения не имеет и называется — разведка глубокого тыла вероятного противника. Скрыть ее от сопровождавших экспедицию персов не удалось, и вскоре центральные власти об этом узнали. Они приняли решение не допустить утечки информации и уничтожить русский разведывательный отряд.

Нападение произошло, когда экспедиция миновала Дербент, т.е. за пределами Персии, так что к шахским властям официальных претензий быть не могло. Но впоследствии стало известно, что его организатором являлся Фатх Али-хан, действовавший через соотечественников-дагестанцев.

22 апреля 1718 г. тридцать русских солдат под командой подпоручика Андреяна Лопухина, прапорщика Андрея Антрушина и вахмистра Ивана Теринина были атакованы

дагестанской конницей численностью в несколько сот сабель. В своем рапорте Лопухин писал об этом достаточно скупое, однако совершенно очевидно, что его отряд проявил чрезвычайную храбрость, «отважился в той десперации себя неприятелю живым не давать», открыл прицельный залповый огонь, «который неприятелю немалый урон заделал».

Дагестанцы были вооружены устаревшими пищалями. По дальности стрельбы они уступали солдатским ружьям. Это давало серьезное преимущество. Но все же главную роль в спасении отряда сыграли дисциплина, выучка и отвага. Именно эти качества через семь часов боя позволили нашим вырваться из окружения... вместе со слоном.

В своем рапорте Лопухин указал: «убито солдат — 1, лошадей — 3, ранено солдат — 6, конюхов — 1, слоновщиков — 1, лошадей — 5. Слон в трех местах слехко ранен». С неприятельской стороны убитых было более 10 человек, раненых — 50.

Так, выполняя важнейшую операцию, таща за собой, а может, толкая впереди себя лопоухого великана, с боями двигался по враждебной территории наш разведывательно-дипломатический отряд.

Так талантливые и отчаянно смелые люди, имена которых, к сожалению, уже мало кто помнит, творили историю Российского государства.

Отряд Лопухина вместе со слоном добрался до Астрахани и соединился с посольством 7 июня, его рейд длился без малого три месяца. Таким образом «дипломатическая» миссия была успешно завершена.

Жалко только слона. Достойно выполнив свою боевую задачу, вероятнее всего от переживаний, выпавших на его долю по дороге в Россию, он умер.

Интересно сложилась судьба крепостного Семена Аврамова. В 1720 г. решением российской и персидской сторон его повторно утвердили в должности консула в Исфагане. Он стал обладателем первой консульской экзекватуры. В дальнейшем Аврамов был возведен во дворянство, сделал блестящую дипломатическую карьеру, завершил ее в звании статского советника.

ГЕНКОНСУЛЬСТВО В ИСФАГАНЕ

В последующие сто восемьдесят лет историю консульства в Исфагане проследить достаточно сложно. В этот период российско-персидские отношения начали складываться не лучшим образом, да и внутренняя обстановка в каждой стране тоже.

В мае 1722 г. Петр I напал на Персию и отнял у нее все западное и южное побережье Каспия. А в октябре афганские племена Мир Махмуда, вошедшие с востока, заняли Исфаган и свергли Султан Хосейна. После смерти Петра в 1725 г. в России началась долгая череда дворцовых переворотов, и нам стало не до персов. В 1732–1735 гг. Анна Иоанновна отдала им все захваченные земли. Екатерина II, правда, пыталась их вернуть, но Павел I свел на нет успехи ее полководцев. В общем, вплоть до восшествия на престол Александра I ничего путного на этом участке мы создать не смогли.

В начале XIX столетия, когда Россия вновь пришла сюда воевать, столицей Персии был уже Тегеран, а Исфаган превратился в провинцию, куда в качестве губернаторов отправляли вторых по ранжиру наследных принцев дожидаться очереди на престол⁴³. Серьезного политического и экономического значения на этом этапе военной экспансии и колонизации город для нас не имел. Он попал в сферу политических интересов колонизаторов только к концу XIX в., когда Персия была захвачена и поделена на две

43 Первый наследный принц назначался губернатором Азербайджана и жил в Тебризе.

части Россией и Великобританией. Расположенный в центре страны, Исфаган оказался на стыке границ иностранных влияний: юг у британцев, север у нас. Вот тогда и возникло генеральное консульство, которое действует там до сих пор.

Генконсульству не достались веселые сплетни, подобные тем, что ходят о нашем посольстве. Его прозаично купили за деньги. Я сам видел купчую: основательный документ, на толстой бумаге, с огромной сургучной печатью. В нем обозначены схема участка, жилые здания, стойла верблюдов, конюшни, амбары, пристройки, сады. Часть этих необычайно красивых строений, которые, я полагаю, можно отнести к памятникам архитектуры, сохранилась до наших времен⁴⁴.

Генконсульство расположено недалеко от площади Шаха (сейчас — Имама Хомейни), в районе улицы Чахар-баге паин⁴⁵. Его северная сторона смотрит на переулок Масджеде софречи⁴⁶, а восточная граничит с территорией городского базара. С юга и запада к генконсульству примыкают жилые дома. Это самый центр Исфагана, очень престижное место.

Первым генконсулом в Исфагане 18 февраля 1897 г. был назначен статский советник Петр Егорович Панафидин. К сожалению, мне не удалось отыскать документы,

44 По легенде, парк Атабека в Тегеране, на территории которого с давних времен расположено наше посольство, принадлежал одному кадjarскому принцу — картежнику и неудачнику. Однажды принц вдрызг проигрался. Платить было нечем, он взял и заложил парк, а выкупить не смог. Учетно-ссудный банк Персии, в чью собственность перешла земля, сдал ее в аренду МИДу России, как потом оказалось, на вечные времена.

45 Чахар-баге паин (перс.) — четыре нижних сада.

46 Масджеде софречи (перс.) — мечеть скатертников.

характеризующие его работу на этом посту. Могу только предположить, что по форме и содержанию она вряд ли чем-либо отличалась от деятельности консулов, упомянутых ранее: задачи перед ними стояли общие, да и колода служивших на персидском направлении сотрудников МИД была одна, хотя, как водится, ее периодически тасовали. В частности, с 1898 г. в течение какого-то времени парадом в Исфагане командовал князь Дабижа, тот самый, который позже разнес из пушек гробницу имама Резы в Хорасане.

С падением царизма в России статус генконсульства не изменился, его просто заняли новые люди. «Старым кадрам» большевики не доверяли, а собственных профессиональных дипломатов среди них тогда еще не было. Поэтому людей собирали откуда могли, по принципу «политической близости». Такой подход к делу, как правило, давал печальные результаты, но Исфагану в данном случае повезло.

Первым советским генконсулом сюда был назначен Владимир Геннадиевич Тардов. Он происходил из интеллигентной питерской семьи, до революции занимался журналистикой. По этой линии в 1909 г. оказался в Персии. То, что молодой журналист увидел на месте, настолько его возмутило, что он выступил с серией критических статей по поводу российской политики на Востоке. После октябрьского переворота Тардов примкнул к большевикам и в 1920 г. был назначен представителем НКВД⁴⁷ в Гилянской республике, а затем генконсулом в Исфагане. Тардов хорошо знал страну и язык, являлся автором нескольких серьезных

47 Народный комиссариат иностранных дел.

монографий по экономике и древней истории Персии. Он близко дружил с такими замечательными учеными-иранистами, как Константин Чайкин и Юрий Марр, что также говорит о его незаурядности⁴⁸.

Из их личной переписки я почерпнул любопытные детали: судя по всему, в те годы советские граждане свободно приезжали в Персию, путешествовали по стране, гостили у друзей, без ограничений общались с местными людьми. Условия жизни наших сотрудников в Исфагане были более чем комфортными. Достаточно сказать, что переводчик персидского языка, т.е. лицо, занимающее низшую ступень в табели о рангах, имел собственный дом и прислугу. Впрочем, комфорт, конечно же, был относительный — канализации в городе не существовало и все помои и фекалии выбрасывались на улицу. «Что это, благоухание гурий или воздух Исфагана?!» — шутил по этому поводу в одном из своих писем к другу Ю. Марр.

Владимир Тардов служил в Исфагане до 1928 г. Его дальнейшая судьба, как и судьба многих его коллег-дипломатов первой советской волны, сложилась трагически.

48 Чайкин Константин Иванович, профессор, преподаватель персидского языка Московского института востоковедения. Арестован в феврале 1938 г. по обвинению в шпионаже. Расстрелян в апреле 1938 г. Реабилитирован в 1957 г.

Марр Юрий Николаевич, сын знаменитого академика Н. Я. Марра, племянник академика Бартольда, талантливый ученый-иранист, специалист по персидской литературе, языку, диалектам, этнографии, поэт и переводчик. Умер от туберкулеза в 1935 г. Вполне вероятно, что смерть «спасла» его от репрессии.

В феврале 1938 г. он был арестован, обвинен в шпионаже и вскоре расстрелян⁴⁹.

В первой половине XX в. у Советской России, а затем СССР не было развитых экономических отношений с Ираном, советских граждан в южной части страны — тоже, а значит, у Генконсульства в Исфагане отсутствовали рабочие задачи, связанные с его легальным статусом.

Но «свято место пусто не бывает» — мы разместили там резидентуру военной разведки. Работы хватало, особенно во время Второй мировой войны, ведь в Исфагане была расквартирована пехотная дивизия, командир которой, генерал Али Захеда, являлся одним из руководителей прогерманского националистического движения «меллийуне иран»⁵⁰. Он действовал в плотном контакте с резидентом немецкой разведки Францем Маером, тем самым «кладбищенским землепопом», находившимся на нелегальном положении и готовившим в Иране государственный переворот. Согласно плану переворота исфаганская дивизия при поддержке бахтиарских и кашкайских племен должна была взять под контроль весь юг страны.

В первые годы войны обстановка в Иране, несмотря на присутствие союзнических войск, была напряженной. Тогдашний британский консул в Исфагане оценивал

49 Судя по совпадающим датам ареста и казни, В. Тардов и К. Чайкин «проходили» по одному делу, так называемому «Москва-центр».

В. Г. Тардов реабилитирован в 1994 г.

50 «Националисты Ирана» (перс.).

ситуацию следующим образом: «99% иранского населения стоят за фашистов, а 1% — люди, берущие у нас деньги и предающие нас». Но активные действия советской и британской спецслужб очень скоро привели к полному разгрому германской агентуры и ее опоры — иранских националистов. И исфаганская резидентура сыграла в этом деле не последнюю роль.

После окончания войны, в связи с глубоким кризисом советско-иранских отношений, генконсульство в Исфагане было закрыто, флаг СССР спущен, сотрудники отозваны домой.

Единственным распорядителем этой части территории нашего государства на долгие годы остался неграмотный исфаганский крестьянин, необыкновенный трудяга, кристальной честности человек — сторож Махмуд.

Генконсульство возобновило работу только в 1969 г., через несколько лет после визита в Москву шахиншаха Ирана Мохаммада Реза Пехлеви и заключения договора о строительстве в Иране с помощью СССР ряда крупных промышленных объектов, в том числе металлургического комбината в Исфагане.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ КОНСУЛ

Пришло время сказать несколько слов о советских консулах. Кто они? Какое место занимали в системе МИД СССР?

Главная задача консула — защита интересов сограждан за рубежом.

По стечению обстоятельств на эту работу в основном попадали чиновники со средним и ниже уровнем интеллекта, слабой языковой и страноведческой подготовкой. Это делалось не специально, так получалось само собой.

Наши консульские учреждения за границей, особенно на восточном направлении, формировались преимущественно из числа дипломатов территориальных подразделений центрального аппарата. Никто из начальников «территориалок» не хотел отдавать толковых сотрудников, их и так было немного. А вот избавиться от дураков, которых девать было некуда, — милости просим! Это был достаточно распространенный способ освободить место в отделе, притом все оставались в плюсе: дурак радовался, что едет в заграникомандировку, а начальство — что есть шанс заполнить на его место умного.

В МИДе считалось, что консульская служба все стерпит.

Впрочем, бывало, что дипломаты шли на эту работу по собственной инициативе. Такое происходило в нескольких случаях:

— когда человек не очень любил шевелить мозгами;

— когда подходил срок очередного продвижения по служебной лестнице, а нужных вакансий в других местах не ожидалось;

— когда совсем немного оставалось до пенсии, а тянуть нелегкую лямку в посольстве уже не было сил;

— и наконец, когда человеку просто нравилось это дело.

Здесь необходимо уточнить: то, что сказано выше, являлось тенденцией, но никак не законом. На консульском направлении трудилось достаточно умных и талантливых людей, но тупых там всегда было больше.

Консульская служба — это лафа! Работа в центральном аппарате состояла из перекладывания бумаг с одного стола на другой. В этом процессе главное было их не растерять. За границей примерно все то же самое, но за другие деньги.

Консул всегда находился в привилегированном положении. У него имелись отдельный участок работы, куда никто не совал свой нос, здание, над которым развевался государственный флаг, бюджет, персонал. Он подчинялся только послу или лицу, его замещающему, другие начальники были ему не указ.

Власти страны пребывания рассматривали его как самостоятельную фигуру и относились соответствующим образом.

Если консул находился в штате посольства (зав. консульским отделом), он был избавлен от сложной и трудоемкой работы по изучению и анализу внешней политики страны, ее внутрисполитической и экономической ситуации, вопросов наших двусторонних отношений, деятельности

противников нашего государства на ее территории и вокруг. Этим занимались посольские дипломаты.

Если консул работал вдали от столицы, в других городах, в его обязанности входила информационная работа, но лишь в пределах зоны своей ответственности, т.е. консульского округа. Однако поскольку уровень его интеллектуальных способностей не являлся секретом для руководства в Москве, отношение к его сообщениям было соответствующим.

Но вы знаете, я не встречал ни одного консула, который по этому поводу переживал.

У консула хранилась государственная печать, которую он шлепал на разные документы, стараясь попасть в нужное место, но бывало, и мазал — это зависело от служебного опыта и степени трезвости.

Жилищные и бытовые условия жизни консулов обычно были значительно лучше, чем у других дипломатов. То же касалось и свободы передвижения. В странах со сложным режимом пребывания, где действовали ограничения местных властей или нашей собственной службы безопасности, консул шастал куда хотел и когда хотел, и это было в порядке вещей.

Надо сказать, что в совокупности такая жизнь с течением времени еще больше тупила мозги, в результате чего, поднимаясь по служебной лестнице, консул деградировал. И к концу карьеры, подходя к должности Генерального в ранге Посланника второго или первого класса, превращался в нечто. Я бы назвал это — окончательный советский консул.

Выделялись несколько типов.

К первой группе я отношу безобидных — «живчиков-жизнелюбов». Это были веселые, добрые, как правило,

полного телосложения люди — путешественники, охотники, рыбаки. Они сохраняли вкус к жизни и служебное положение использовали для получения от нее (жизни) максимума удовольствия. Работой озадачивались в пределах — «чтобы не мешала», были демократичны, имели добрые отношения с подчиненными, жили сами и давали жить другим. При этом своих коллег по работе без колебания «подставляли». Но в МИДе это особым пороком никогда не считалось.

Среди иранских кадров классическим примером такого начальника был наш консул в Реште, по прозвищу «Мазендеранский тигр». Он там служил (отдыхал) в середине семидесятых годов. Его приключения в джунглях этой живописной прикаспийской провинции сопровождались необычайным стечением обстоятельств. В местах охоты и рыбалки Тигра вскоре после его отъезда происходили крестьянские волнения антишахской направленности. Контрразведка САВАК не сводила с него глаз, но обнаружить ничего не могла. В консульстве, кроме него самого, об этих обстоятельствах знали все.

Вторая группа состояла из «неугомонных», биологически неспособных умерить служебный пыл. В силу отсутствия профессиональных навыков их активность в основном принимала всевозможные хозяйственные или схожие с ней формы. Зависело это от неведомых импульсов, как-то фазы луны, морских приливов-отливов: кто-то упорно пилил сухие деревья в саду, кто-то с неменьшей решимостью их сажал. Они любили красить фасад учреждения, могли организовать КВН. Примером этой категории был мой сосед из кабинета на девятнадцатом этаже (ляхи-ляхи иль аляхи).

Он сменил на посту знаменитого Тигра. Неугомонный обожал политинформации. В самом начале рабочего дня он вызывал в кабинет всех сотрудников консульства, а именно: секретаря, завхоза, водителя, трех комендантов, их жен-уборщиц — и зачитывал им вслух советскую прессу. Все подряд, не спеша. Поскольку наши газеты приходили туда из Баку с пароходом один раз в семь дней, то новости были недельной давности. Политинформация длилась без перерыва четыре часа (!), каждый день (!!), на протяжении трех лет (!!!), пока не закончился срок командировки Неугомонного.

К третьему типу следует отнести «растерянных». Эти совсем ничего не умели, всего боялись, зависели от подчиненных, с тоской и покорностью ждали пенсии. Но численность их не была велика.

Четвертая группа — «деспоты-самодуры».

Работать с ними — тяжелое испытание. Деспоты были искренне убеждены в высокой значимости своей персоны, умели и любили показать это другим. Неизменно суровый вид подчеркивал важность миссии, которую они выполняли, и вашу зависимость от их благорасположения. У них имелись «тылы», и при случае они непременно упоминали имя высокого покровителя. Считалось, что это укрепляет авторитет и предупреждает возможные интриги со стороны коллег. Деспоты любили комфорт, но расслабиться не умели. Расслабленность, в их понимании, была опасна для репутации начальника, а следовательно, недопустима. Деспоты бывали сокрушительными идиотами и не совсем. Получить от них повышение в должности или ранге возможным не представлялось.

Ярким примером четвертого типа начальников был Генконсул СССР в Исфагане по прозвищу Палыч. Мне запомнился один замечательный рассказ о его чудачествах. В консульстве ожидали приезда посла Виноградова. Стол для высокого гостя решили накрыть в тенистом саду у искусственного грота. Придумали сопроводить трапезу живой музыкой, для чего привезли гармониста, одолжив его на строительстве ТЭС. Гармониста посадили на стул рядом с гротом и приказали играть. Получилось громко — вряд ли послу такое понравится. Отодвинули дальше в кусты — все равно режет слух. Еще дальше — вот сейчас получилось неплохо. Но звук не льется, нет стереофонии. Послали за вторым гармонистом и начали их рассаживать по кустам, меняя позиции. В течение нескольких дней генконсульство не работало — все были заняты гармонистами. Наконец-то нашли нужные точки, добились нежности и чистоты звучания, выстроили правильный уровень громкости. И как же было обидно, когда в тот день пошел дождь и Виноградов с Палычем водку пить отправились в помещение.

Откуда брался весь этот народ?

У КПСС существовала четко выстроенная социальная кадровая политика, согласно которой интеллигенцию не следовало оставлять без присмотра. В ее состав постоянно вливали здоровые свежие силы: представителей рабочего класса и трудового крестьянства. Существовали даже процентные нормы, если мне не изменяет память, не менее 12% от общего состава коллектива.

Когда в 1972 г. я поступал в МГИМО и проходил предварительное собеседование, в очереди передо мной

оказался морячок, демобилизовавшийся недавно из ВМС. Он выделялся среди общей массы взволнованных школьников высоким ростом, широкой грудью, здоровым цветом лица, уверенным взглядом. Я помню, ему задали вопрос: какова цель визита в СССР президента США Никсона?

— Не могу знать! — отчеканил матрос. — Я в это время в морской пехоте служил!

— А зачем вы в МГИМО поступаете? — спросили его обескураженные члены приемной комиссии.

— Я-то? Да от отца хочу отделиться! — прозвучал прямолинейный флотский ответ.

Так вот, морячок этот в МГИМО таки поступил, в отличие от меня, набравшего «проходное» количество баллов. И я совершенно не удивлюсь, если сейчас он командует, к примеру, в солнечном Бангладеш Генконсульством РФ в Читтагонге.

Чтобы в консульстве все-таки кто-то работал, туда на низшие должности направляли толковых молодых ребят, знавших язык и страну. Они трудились за себя и «за того парня»⁵¹. Такая жизнь, как ни странно, приносила им пользу: молодежь, выкованная в первой командировке по рецепту дамаской стали, в дальнейшем была гибка, остра, никогда не ломалась и на любой укол со стороны недруга (а в МИДе интриги — норма) могла нанести ответный разящий удар.

51 Я не имел возможности проследить состояние баланса «умный–дурак» в консульских учреждениях до настоящего времени, но подозреваю, что пропорция сохранилась поныне.

Многие сегодняшние дипломаты, занимающие высшие посты в МИДе РФ и по заслугам считающиеся настоящими профессионалами, в юные годы стартовали с позиции секретарей генконсульств.

Что касается моих коллег и друзей, предшественников в Исфагане, то здесь статистика — 100%:

1. Дмитрий Рюриков, в дальнейшем: Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Узбекистан; Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Королевстве Дания.

2. Александр Садовников, в дальнейшем: Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Уганда; Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Исламской Республике Иран.

3. Константин Шувалов, в дальнейшем: Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Исламской Республике Иран; Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Федерации Босния и Герцеговина.

4. Замир Кабулов, в дальнейшем: Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Афганистан.

Пятым был я, в дальнейшем тоже посол, но в другом направлении.

В Исфагане мне выпала относительно легкая доля — служить под началом «растерянного». Наш коллектив состоял из него самого, меня — секретаря генконсульства, машинистки, бухгалтера, завхоза, водителя, трех дежурных комендантов и пяти уборщиц, «принятых на месте», т.е. жен завхоза, водителя и комендантов.

Этот боевой состав должен был обеспечивать защиту интересов советских граждан (около 2000 человек) на территории половины страны в условиях лютой ненависти к СССР со стороны правящего в ИРИ духовенства, а также вести информационно-аналитическую работу по многим направлениям, главными из которых являлись:

- военно-политическая обстановка внутри Ирана;
- экономическая обстановка внутри Ирана;
- афганские контрреволюционные организации на территории Ирана;
- антисоветские действия США и других западных стран на территории Ирана и вокруг него;
- положение на южном участке ирано-иракского фронта;
- положение на объектах советско-иранского экономического сотрудничества.

Вот такие пироги. На эту тему, пожалуй, всё!

РАБОТА И БЫТ

Я не был «начинающим специалистом». Работа в центральном аппарате МИД, где мне посчастливилось поднабраться уму-разуму у мудрого Кости Шувалова, во многом помогла разобраться в лабиринтах дипломатической жизни, наметить свой путь, задачи и способы их достижения.

«Имей в виду, — напутствовал меня Костя перед отъездом в Иран, — если не хочешь, чтобы тебя там смешали с говном, ты должен все проблемы в стране знать на уровне лучших специалистов посольства, а исфаганскую тему — как никто другой!» Поэтому первым, с чего я начал работу в генконсульстве, стала организация сбора информации.

У нас в кино и популярной литературе действуют устойчивые стереотипы: строгие мужчины в пальто с поднятыми воротниками, ночью, под дождем, в кривых переулках городских окраин встречаются с такими же мужчинами и получают от них перетянутые бечевой пакеты. В них содержится секретная информация.

Может быть, где-то так и бывает, но в данном случае все выглядело иначе: на местном строительном рынке мы с завхозом купили большое количество медной проволоки, из нее на крыше административного здания соорудили мощную крестообразную антенну; из Москвы доставили приемник «Север» отечественного производства, используемый на полярных станциях. Это был здоровенный, тяжелый железный ящик с кристаллической шкалой частот

и автоматической настройкой, по тем временам — явление уникальное. Когда к нему подсоединили антенну, он начал улавливать любые звуки на любом расстоянии, вплоть до шелеста волн Ледовитого океана. А уж голоса радиостанций иранской оппозиции, прятавшиеся где-то неподалеку, несмотря на маломощность, звучали из него как передача «С добрым утром, малыши» по домашней трансляции. К приемнику присобачили обычный магнитофон, и с ним он работал круглые сутки, автоматически перестраиваясь в нужное время на заданную частоту. Дежурные коменданты только кассеты в магнитофоне меняли.

Каждый день начинался с обработки информации. Я садился рядом с машинисткой, брал толстую пачку свежих центральных газет, журналов и местной исфаганской прессы и начинал вслух переводить с листа нужные мне материалы. Потом то же самое делал с записями вчерашних новостных радиопередач, собранных со всего мира, и материалами иранского телевидения. Закончив, раскладывал напечатанные переводы по тематическим досье. На все уходило два — три часа.

Вторая половина дня посвящалась приему посетителей или работе в городе, где я встречался с разными людьми — жителями Исфагана, с которыми вскоре после приезда сумел завести знакомства. Среди них были владельцы магазинов, антиквары, врачи, торговцы базара, промышленники, студенты и даже муллы. Я интересовался простыми вещами, относящимися к сфере их деятельности, и они, естественно, отвечали. Завязывалась беседа, в ходе которой так или иначе

разговор заходил о современной экономике и политике. При этом я в основном только слушал, и то, что узнавал, часто оказывалось весьма полезным для дела.

Таким образом, через несколько месяцев собранная из многочисленных альтернативных источников, сопоставленная, опровергнутая или подтвержденная информация превращалась в системную базу данных и позволяла ответственно информировать Центр по всему кругу интересовавших его вопросов. Эта работа не прекращалась ни на один день и продолжалась все пять лет моей командировки. Случалось, что я отправлялся на несколько дней куда-то по стране или в столицу, но материалы все равно собирались, и, вернувшись, я непременно их обрабатывал и перепроверял.

Этот труд не был для меня однообразным и утомительным, он имел свой вкус и азарт. Особенность провинции, в плане сбора информации, заключалась в относительной слабости местной цензуры. Здесь можно было обнаружить такие данные, которые ни при каких обстоятельствах не могли стать предметом гласности в Тегеране. Информация, поступавшая в эти годы из консульства, внимательно изучалась в Москве⁵².

Вот так! Все абсолютно легально, и никаких тебе агентурных встреч по ночам на кладбище.

⁵² На базе собранных в Иране материалов, вернувшись в Москву, я написал диссертацию, которая называлась «Методы подготовки и проведения государственных переворотов в условиях тоталитарных режимов». И как же был удивлен, когда вскоре многое из того, что я писал про Иран, начало происходить в Советском Союзе.

Второе, что я сделал, — сочинил марш генерального консульства. Мне неожиданно пришла в голову мысль: у кого только в нашей стране нет своих маршей?! У монтажников — есть, у сталеваров — есть, хлеборобов, скотоводов, ткачих, поварих, парашютистов, хоккеистов, практически у всех! А у работников консульской службы до сих пор нет! Следовало немедленно исправить этот пробел. По законам жанра слова должны были быть доходчивыми, музыка — бравурной. Сказано — сделано, и вскоре песня «пошла в народ» и «народ песню принял»!

Сочиненная в 1983 г., она до сих пор крутится на магнитофонных пленках (теперь уже на CD) в наших загранучреждениях по всему миру.

Солнышко рассеяло темной ночи мрак,
 В генеральном консульстве поднимают флаг.
 Яркое полотнище реет на ветру,
 Гордость разливается по всему нутру!
 Хоть в папуасском городе, а все ж имеет вес
 Внешнеполитический наш интерес.
 Вот почему по проволоке, разгоняя мрак,
 Вверх летит стремительно ярко-красный флаг.
 И пусть зубами щелкает за забором враг,
 Мы в генеральном консульстве поднимаем флаг!

Кроме информационно-аналитической работы и песенного творчества я занимался массой других дел. На мне были переписка и прямые контакты с генерал-губернаторством. Надо сказать, что его руководство, несмотря

на сложные двусторонние отношения, держало себя с нами весьма корректно. В этом деле большое значение имел личностный фактор: иранец может плохо относиться к твоей стране, но в первую очередь он видит перед собой человека, и если лично в тебе усматривает достоинство, порядочность и уважительное к себе отношение, то на генетическом уровне не может проявить враждебность. Так он выращен.

Может, я лгу себе, но полагаю, что было именно так. Важным моментом становления отношений стал случай с Махмудом.

Весной 1983 г., в самом начале моей командировки, из Центра пришло указание уволить сотрудников-иностранцев. Оно касалось не только консульства в Исфагане, но всех без исключения советских загранучреждений. Такая мера была вызвана активизацией международного терроризма, и КГБ принимал превентивные меры.

В нашем случае иностранцем являлся единственный человек — сторож Махмуд. Он верой и правдой служил здесь еще со Второй мировой войны, был надежным хранителем территории и имущества генконсульства, когда оно пустовало, т.е. в течение двадцати лет. После возвращения наших в 1969 г. перешел на должность садовника и так же честно исполнял эту работу еще пятнадцать лет, получая за нее гроши. Он был небольшого роста, худеньким, улыбчивым стариком, очень немногословным. О том, чтобы отстоять его, не могло быть и речи: кто в Центре будет слушать про какого-то Махмуда?! Нам предстояло сообщить этому человеку, что завтра его семье нечего будет кушать.

— Я туда не пойду, — кивнув головой на консульский сад, где трудился старик, сказал Растерянный, — иди ты, у тебя лучше получится.

Мне до сих пор нелегко вспоминать эту сцену. Когда я выдал из себя какие-то слова, Махмуд посмотрел на меня непонимающим взглядом и произнес: «За что?!» В ответ я молча развел руками. Он медленно повернулся, ушел за деревья в глубь сада, встал на колени и начал молиться. Затем собрал свои вещи в небольшой узелок и вышел за ворота генконсульства. Больше его здесь никто никогда не видел.

На этом можно было поставить точку, но я не смог. На следующий день поехал в политический департамент генерал-губернаторства, с которым мы были в постоянном контакте, и, нарушая все существующие у нас порядки, рассказал о случившемся. Попросил прислать нам официальное письмо о необходимости выплатить бывшему служащему денежную компенсацию за увольнение. Причем посчитать так, чтобы сложилась максимальная сумма. В департаменте работали толковые люди, и вскоре такая бумага с перечнем статей иранских законов и указанием внушительной цифры легла на стол Растерянному. Возражать он не мог, и бухгалтерия выдала деньги. Но тут возникла загвоздка: Махмуд отказался их принимать, причем не только от нас, но и от сотрудников губернаторства. Они мне потом рассказали, какую придумали хитрость: привели к старику известного в Исфагане муллу, которому заранее все объяснили, и мулла заявил Махмуду, что Аллаху угодно, чтобы он взял деньги. Лишь после этого гордый нищий старик принял конверт.

В моем поступке, безусловно, присутствовал риск. Если бы руководству стали известны его детали, голова моя тут же слетела бы с плеч. Но я считал, что действую по справедливости, а косвенным результатом явилось расположение ко мне иранцев, которое в дальнейшем всем нам значительно облегчало жизнь.

Помимо связей с генерал-губернаторством я занимался нотариатом. В Исфагане на металлургическом комбинате и ТЭС трудилось более тысячи человек, оставивших семьи в СССР, поэтому работы на этом участке хватало.

На стройках периодически случались ЧП, бывали со смертельным исходом: люди падали из окон, травились газом, денатуратом. К расследованию уголовных дел мне также приходилось подключаться.

Расскажу об одном случае, происшедшем в Ахвазе, где наши строили ТЭС «Рамин». Был там один переводчик персидского языка, по словам сослуживцев — роковая пьянь. Однажды, напившись до потери ориентации, он перепутал дом в рабочем поселке (они там все однотипные) и вошел в здание, где жили иранцы. Открыл чужую дверь своим ключом и улегся в одежде в кровать. Вскоре пришли хозяева, муж с женой, судя по всему, приличные люди, увидели пьяного «шурави»⁵³ на своем брачном ложе и, чтобы не поднимать скандал и не создавать человеку проблемы, решили тихонько его разбудить. Но не тут-то было. То есть разбудить-то они его разбудили, да вот тихонько не получилось. Открыл он красные глаза, увидел чужеземцев и

53 Советский (перс.).

осерчал — чего приперлись без приглашения?! Подскочил, схватил какую-то швабру и ну их по квартире гонять, иранцев этих, да с матерком, с угрозой оставить детишек сиротами. Примчались двое полицейских, он — на них. Ни дубинок, ни пистолетов не побоялся! Скрутить его смогли только наши: монтажники, сварщики. Более того, у ребят хватило ума тут же засунуть его в джип, накидать сверху какого-то барахла и помчаться напрямик в Тегеран в посольство. На следующий день с утра полиция подтянула силы и окружила посёлок: «Выдавайте, — кричат, — хулигана!» А наши: «Какого?!» Ну, у тех уже данные есть: «Подайте, — кричат, — г-на Борю!» — «А он, — отвечают, — отъехал!» — «Как отъехал?! Куда?!» — «В Тегеран, — говорят, — на лечение!»

Целый год Борю прятали в посольстве. Мы представили дело так, будто он, бедолага, от переутомления на работе страдал бессонницей и выпил накануне не литр финикового самогона, а всего лишь пару таблеток снотворного. Они, мол, и послужили причиной инцидента. А что делать? В противном случае по иранским законам ему грозило наказание палками, а потом еще много лет тюрьмы. Но нет худа без добра: от страха Боря полностью бросил пить.

Я был наслышан об этой истории, но впервые увидел героя спустя год, перед поездкой в суд. В посольстве ко мне подошел маленький щедедушный мужчина средних лет, с несчастным тоскующим взглядом. «Выручи, друг! Век не забуду», — неожиданно обратился он ко мне по-грузински. Оказалось, он раньше жил в Тбилиси, там и выучил грузинский язык.

Суд в Ахване был профанацией, все вопросы с иранцами были обговорены заранее. Мулла, заседавший в суде, произнес какую-то формальную речь и выдал мне Борин паспорт. Вскоре радикально непьющего Бору в сопровождении пары наших здоровенных ребят вывезли из Ирана в Союз.

Чтобы подобные инциденты не становились нормой, генконсульство проводило с советскими гражданами постоянную разъяснительную работу. Называлась она — «консульская беседа». Все вновь прибывающие из СССР специалисты должны были через нее пройти. Их привозили к нам на автобусах, сажали в актовЫй зал, и я в течение часа рассказывал им о «правилах поведения советского гражданина на территории Исламской Республики Иран». Особый акцент в этих беседах делался на недопущении изготовления и употребления алкоголя и последствиях его изготовления и употребления. Карательные меры со стороны как исламских, так и советских властей я описывал, не жалея красок. Вновь прибывшие слушали с подавленным настроением, вопросов почти не задавали и в конце расписывались в журнале, что всё теперь знают. Но наши страшилки пугали народ недолго, а на спецов, приезжавших во вторую или третью командировку, не действовали вообще. Как-то после завершения одной такой беседы с группой «старичков» на предложение задавать вопросы из зала спросили: «Скажите, а как по-персидски будет — можжевельник?» Я искренне растерялся. Знаете, когда ты считаешься классным специалистом в каком-то деле и вдруг выясняется, что в нем тебе неизвестны элементарные вещи, становится неловко. Так случилось и со мной. Я постарался

скрыть смущение, обещал уточнить и обязательно сообщить при случае. На этом и разошлись. Но все-таки что-то в том вопросе мне показалось странным, и дня через два, когда оказался на ТЭС, я перепроверил свои сомнения у опытного человека. «Лукьян Акимович, — спросил я у начальника стройки, — как думаешь, зачем им можжевельник?» — «А что здесь думать, — ответил убежденный сединами кавалер орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени, — обычный самогон им давно надоел, коньяк, видно, тоже, к джину теперь подбираются».

Замечательную историю на эту же тему рассказал мне однажды Саня Балакин, в те годы руководивший консульским отделом посольства.

Саня встречал в тегеранском международном аэропорту «Мехрабад» какую-то советскую делегацию. Будучи консулом, он свободно прошел через таможенную, чтобы встретить гостей прямо у паспортного контроля. Самолет из Москвы уже приземлился, и в зале прилета стали появляться пассажиры. Неожиданно кто-то сзади потянул Саню за рукав. Рядом с ним, качаясь, стоял пьяный в дымину мужик, по всем приметам — строитель. «Слышь, земляк! — обратился он к Сане, обдавая его перегаром смеси водки и пива. — Помоги, брат, отсюда выбраться в город, но только так, чтоб никто не заметил». Саня, человек опытный, хладнокровный, быстро оценил ситуацию и просчитал перспективу. Она имела альтернативы: либо Саня каким-то неведомым образом, минуя несколько пунктов контроля, выводит этого мужика из аэропорта, либо мужика «загребают» и Сане, уже в качестве консула, придется вытаскивать его из местной

тюрьмы. Я знаю много людей, которые на месте Сани в такой ситуации растерялись бы или пришли в негодование, что в принципе одно и то же. Но Саня был не промах, к тому же обладал развитым чувством юмора. «Слушай, зачем же ты так напился?!» — спросил он того мужика. «Как зачем? — удивился мужик и, припав губами к уху заведующего консульским отделом посольства, прошептал: — Я ж из Союза приехал!»

«И как ты его оттуда выволок?» — спросил я коллегу. «Секрет фирмы», — ответил он. Но, хорошо зная Саню, подозреваю, что мужик избежал иранской тюрьмы, пройдя все кордоны в составе официальной советской делегации, которую встречал наш консул.

Шутки шутками, но мы и сами были не без греха и, конечно же, тоже пили. Я, к примеру, делал вино. Днем с водителем Витей Журбой ехал на исфаганский базар и там покупал кишмиш. Время рассчитывал так, чтобы вернуться в консульство в обеденный перерыв, когда все сидят по домам и не видят, как мы с Витьком тащим ко мне на третий этаж здоровенный мешок с продуктом. Затем замачивал его в воде, чтоб размягчить, используя для этого ванну, и, когда он доходил до нужной кондиции, пропускал через мясорубку. Витя крутил ручку и собирал в тазик фарш, а я раскладывал его по здоровым стеклянным бутылкам: пять с половиной килограмм кишмиша на двадцать литров воды. Через два-три дня из бутылки раздавалось легкое шипение — начинался процесс брожения. Тогда в горловину вставлялся тоненький шланг, сама она заливалась стеарином, а второй конец шланга опускался рядом в банку с водой — получался

гидрозатвор: газы брожения из бутылки свободно выходили наружу, а кислород, который мог испортить все дело, внутрь не поступал. В таком состоянии бутылки, а их было немало, стояли двадцать один день: столько длился первый этап приготовления вина. Любопытно было смотреть на то, что происходит в это время внутри. В толще размолотого кишмиша, лежащего на дне, появлялся небольшой пузырек. Он увеличивался в размере и вдруг взрывался с вулканической силой, поднимая за собой все содержимое емкости. Иногда несколько таких взрывов следовали один за другим. Потом взвесь медленно оседала. Картина сопровождалась звуками барабанной дроби — через гидрозатвор на свободу стремительно вырывался газ.

Созерцание этой дикой красоты стимулировало философские настроения. Ты неожиданно понимал: именно так миллионы лет назад на земле зарождалась жизнь. К середине срока процесс замедлялся, взрывы прекращались, взвесь кишмиша спокойно лежала на дне. Из бурой жидкость постепенно превращалась в вишнево-красную, затем высветлялась и, наконец, становилась совершенно прозрачной. Тогда бутылки вскрывались, их содержимое переливалось в чистую посуду. Она помещалась в холодильник, где при температуре $+4^{\circ}\text{C}$ в течение недели шел процесс «выпадения винного камня» — желтоватого песка, выделявшегося под воздействием холода. Теперь вино было совершенно готово. Процесс являлся полностью безотходным, поскольку оставшийся от вина материал отправлялся на ТЭС, где облеченные особым доверием люди варили из него самогон.

— Как ты это готовишь? — спросили меня как-то измученные жаждой посольские друзья.

— Записывайте, — сказал я и продиктовал рецепт.

Их было трое: два молодых дипломата и старый радист-шифровальщик, с которым они скорешились в предыдущей командировке в Афганистане. Друзья ретиво взялись за дело. Периодически они звонили мне в Исфаган по телефону и запрашивали дополнительные инструкции, уточняли детали технологического процесса... и вдруг замолчали. Месяца через два я приехал в командировку в посольство. В первый же день один из них пригласил меня на обед.

— Что за гадость ты нам насоветовал? — спросил он, наливая мне и себе в большие высокие стаканы какую-то фиолетовую бурду. Я глянул и с удивлением увидел на дне стакана небольшой пузырек, потом второй, третий. Они быстро увеличились в размере и вдруг рванули наверх с пулевым треском, потянув за собой со дна муть.

— Ты говорил: каберне-е-е! А видишь, что приходится пить?! — сказал мне друг с легким упреком и опрокинул в себя содержимое стакана.

— Ну-ка, покажи мне рецепт, — попросил я. — Хочу посмотреть, что ты там записал.

Он принес тетрадь, я проверил — вроде все верно. Тут к нам присоединился второй товарищ. Горько вздохнув, он посмотрел на меня с тенью обиды, налил и тут же выпил стакан сиреневой жидкости. Через полминуты щеки его надулись, рот сам собой приоткрылся и издал звук стартующего мотоциклета.

— Ребята, — сказал я, — а вы технологию, часом, не нарушали?

— Ты чего? — возмутились они. — Мы носились с этой бутылкой, как с первой любовью, разве что цветы не дарили!

Но тут двух вариантов быть не могло, я дождался, когда подойдет третий, и устроил им строгий допрос. Сначала все отпирались, но я наседал, и под жестким давлением один наконец раскололся. Им оказался радист. Однажды сменившись с ночного дежурства, он заглянул проведать бутылку. Хозяин квартиры был на работе. Неожиданно нос радиста учуял легкий запах браги, его несли с собой пузырьки, поднимающиеся из гидрозатвора. И сердце мужчины дрогнуло, он не смог удержаться, вскрыл бутылку и выпил часть содержимого. Как водится, одно преступление повлекло за собой другое. Чтобы скрыть свой безнравственный поступок, похититель долил воды, бросил немного дрожжей и закупорил отверстие. Но этим дело не кончилось.

— Ты сколько раз туда дрожжи бросал?! — потребовал я ответа.

— Пять, — признался он, отведя в сторону взгляд.

Ну что вам сказать?! Их дружба, слава Богу, из-за этого не распалась, но в дальнейшем они химичили с кишмишом по отдельности.

Среди служебных задач, которые мне приходилось решать, был «прием в гражданство СССР». Это совершенно уникальная работа, которой в Иране ни до, ни после меня, по-моему, никто не занимался. Дело в том, что в провинции Исфаган с давних пор проживает большое число грузин. Они оказались там во времена шаха Аббаса, частично по

собственной воле, частично насильно. Первую категорию в основном составляли воины, вторую — ремесленники и крестьяне. Иранские грузины приняли ислам, но сохранили древний язык и часть национальных традиций. Их общая численность в стране — около 250 000. Местом компактного проживания является Ферейдуншахр, расположенный в 140 км от Исфагана.

Когда им стало известно, что в советском генконсульстве появился грузин, они потянулись ко мне с просьбами рассказать о современной Грузии, снабдить книгами, журналами, фотоальбомами (тогда интернета не существовало), а через некоторое время несколько семей обратилось с ходатайством о приеме в советское гражданство.

Я подходил к этому делу очень серьезно. Во-первых, надо было понять, не шпионов ли я засылаю к нам в тыл? Во-вторых, нужны ли вообще эти люди нашей стране? В-третьих, нужна ли на самом деле наша страна этим людям, или это эмоциональный поступок с их стороны? Для решения вопросов предстояло много встречаться и говорить. А как это сделать, когда любой визит в консульство мог завершиться для них в местной тюрьме или, как минимум, жесткой беседой в контрразведке? Тем не менее работа велась.

Общаясь с иранскими грузинами, я видел перед собой искренних, честных людей и понимал, что ими, безусловно, движет любовь к исторической родине. Однако они, даже отдаленно, не представляли себе советских реалий.

Я не имел права сказать им: «Не езжайте в Советский Союз, это — другая планета!», но предоставлял максимум

информации для принятия взвешенного решения. В итоге около 30 семей выехало в СССР.

В последующие годы я не раз вспоминал исфаганских грузин: куда я отправил этих людей, на какие беды обрек?! Мне было неведомо, как сложились их судьбы после распада нашей большой страны, жестокой гражданской войны в Грузии и многолетней разрухи. Беда накрыла здесь всех, поэтому, скорее всего, клянут и меня, и свою опрометчивость. Впрочем, вряд ли мне доведется когда-нибудь точно об этом узнать.

Но говорят же: «Пути Господни неисповедимы!» — у этой истории оказалось неожиданное продолжение.

Спустя много лет меня самого судьба вернула в Грузию. Дипломатическое поприще осталось далеко позади, я занимался новым творческим делом: писал сказки и летал на воздушных шарах. Моя красавица жена, поддерживавшая меня во всех начинаниях, создавала уют в нашем тбилисском доме. «Давай купим растения!» — сказала как-то она. Я согласился и набрал телефон близкой подруги, которая занималась озеленением города.

— Ната, ты же знаешь нашу квартиру?! Хотим купить симпатичную зелень, что посоветуешь и где это можно достать?

— Тебе нужен «фикус Бенджамена», — ответила Ната, — красивый и не требует яркого света. Запиши телефон. Продавец, кстати, — твой тезка. Живет на окраине города, там же у него парники. Но только никому не давай его номер, не хочу лишней конкуренции, у него лучший товар и самые низкие цены.

Я не стал тянуть с этим делом и в тот же день позвонил садовнику.

— Добрый день, господин Реваз! Меня зовут Реваз Утургаури, хочу приобрести «фикус Бенджамена», ваш телефон мне дала...

— Здравствуйте! — неожиданно радостно воскликнул садовник. — Как хорошо, что вы позвонили! Я много раз видел вас в небе над городом и по телевидению, пытался найти, но не знал, как связаться! Очень хочу с вами встретиться!

И не то было удивительно, что совершенно незнакомый человек обрадовался моему звонку, а то, что он говорил по-персидски.

— Мое настоящее имя Эзатолла, — раздалось в трубке, — я из тех исфаганских грузин, которых двадцать лет назад вы отправили в Грузию! Помните нас? Мы все вас помним, приезжайте, пожалуйста, буду искренне рад.

Конечно же, мы скоро встретились. И я услышал невеселый рассказ о перевернутых судьбах. Но жалоб не было, хотя в прошедшие годы Эзатолла и его жена, тоже иранская грузинка, потеряли двух сыновей, дом, землю и стали практически бедняками.

— Жизнь в Советском Союзе была очень тяжелой, — признался Эзатолла. — У нас оказался совершенно разный менталитет. И дело не в вере или условиях быта. Вы помните Исфаган: песок и камни?! А какой замечательный урожай грузины собирали на этой земле?! А здесь?! Чернозем выглядел как пустыня — люди совсем не хотели трудиться! В первые годы особенно мы были для многих как бельмо на глазу. Сколько раз тогда вспоминали ваши слова: не спешите,

еще раз подумайте! А после провозглашения Грузией независимости сразу же началась война! Она полностью все смешала: убийства, разбои, грабежи на захваченных врагом территориях, полмиллиона беженцев. А затем еще десять лет всеобщего разорения под властью собственных воров-политиканов. Только недавно жизнь изменилась, дай Бог, чтоб так было дальше.

Почему же Эзатолла не уехал обратно в Иран? Он сам не сказал, а я не решился спросить.

Они с женой принимали нас в маленьком домике, расположенном на территории небольшого питомника. Помещение из трех комнат отапливалось железной «буржуйкой». Мы пили чай с ароматным айвовым вареньем. Эзатолла говорил о горьких, порой даже страшных вещах, но удивительно: в его словах не звучало ни злобы, ни даже обиды. Немолодой уже человек рассказывал про свою жизнь, ровесница жена подкладывала ему варенье и называла ласково — Резико. А я в этот момент вспоминал, как четверть века назад в Исфагане он — школьный учитель персидского языка и литературы — настойчиво убеждал меня принять его ходатайство и позволить вернуться на родину предков.

Ну а «фикус Бенджамена», завезенный, кстати, в Грузию из Ирана, мы получили в подарок.

Исфаган расположен на пути из Тегерана в Персеполис — столицу великой империи Ахеменидов, бывшую одним из центров древней культуры Востока. Поэтому через наш город часто проезжали путешествующие по стране иностранные дипломаты (никаких туристов

в Иране тогда и в помине не было). Путь из столицы до популярных развалин — 900 км. Многие останавливались в генконсульстве на день-другой, осматривали местные достопримечательности и двигались дальше. В мои приятные обязанности входили прогулка с гостями по историческим местам и прием дома младшего дипсостава. Коллеги чувствовали себя очень свободно, живо интересовались историей города, которую, конечно же, и сами знали, но без таких подробностей, как я, много фотографировали, покупали недешевые сувениры и непременно приглашали в гости в Тегеран. От этих встреч сохранились светлые воспоминания и несколько замечательных друзей — болгар и чехов, с которыми отношения не прекращаются до сих пор.

В отличие от иностранцев, советским гражданам, даже дипломатам, праздные поездки по стране были запрещены. Поэтому если кто-нибудь из наших и посещал Исфаган, то только в составе делегаций различного уровня. В основном они состояли из солидных мужчин, отвечавших за вопросы развития двусторонних экономических отношений. Даже в жару эти люди не снимали белых рубашек и галстуков, а местную старину осматривали без восторженных эмоций, давая понять, что им это не в диковинку. Сувениров не покупали, экономя командировочные. Иногда среди них встречались продвинутые востоковеды. Помню, однажды в Шахской мечети, входившей в обязательную программу маршрута, какой-то иранец, сидя на коврике, заунывно что-то читал нараспев.

— Молится по-арабски! — объяснил подчиненным глава сопровождаемой мною делегации, демонстрируя свое интеллектуальное лидерство.

Я прислушался: «Нет, не молится».

— Ну да! Коран вслух читает, — просвещенно поправился он.

— Нет, не Коран.

— А что?

— Поет по-персидски рекламу похоронной фирмы и адрес мастерской, где делают надгробные плиты.

Впрочем, «экономистам» такое было простительно. Знать язык и страну — не их прямая задача. Беда заключалась в том, что некоторые советские дипломаты находились на том же уровне.

В начале XX в. российская ориенталистика была необычайно сильна. Она делилась на научное и практическое направления (под вторым подразумевалась разведка). Здесь творили такие титаны, как Николай Рерих, Василий Радлов, Петр Чихачев, академики Бартольд и Марр! А чего стоит история генерала Корнилова, писавшего стихи на персидском, владевшего также дари! Боевое крещение он принял в Афганистане, где, переодевшись дервишем, пробрался в глубь чужой территории и добыл бесценные сведения о британской крепости Дейдади! А затем во главе разведывательного отряда скрытно прошел по восточному Ирану, той его части, которая на картах была отмечена белым пятном.

В советский период подобных умов не возникало, больше того, многие рядовые востоковеды: ученые,

военные, дипломаты, выделявшиеся из общей среды знаниями и талантом, в тридцатых годах XX в. были без вины уничтожены как враги государства. На их место пришли новые, социально близкие кадры, среди которых «растерянные» оказались не самыми худшими.

Мой Растерянный был классическим экземпляром этого вида: всю жизнь провел на одном направлении, но даже к концу карьеры толком не мог объяснить, чем занимался. Языка он, естественно, тоже не знал.

Характерный пример — история с пишущей машинкой.

Когда я уезжал из Исфагана в отпуск, то оставлял готовые к отправке информационные материалы, не имевшие, правда, оперативного значения. Он их подписывал и с интервалами посылал в Москву, чтобы там видели — в генконсульстве кипит работа! Кроме того, я клал на стол несколько заполненных бланков-заявок на поездку по стране. Ему оставалось вписать туда только маршрут, к примеру: «Исфаган — Тегеран — Исфаган», поставить цифрами дату и шлепнуть печать. Всё! Это была единственная задача, где требовалось знание персидского языка, за которое, кстати, он получал надбавку 20% оклада.

Дальнейшее мне известно со слов водителя Вити Журбы: «Он сказал, в Тегеран поедem, готовь, мол, машину, а время не уточнил. Ну, я и пошел спросить, когда? Стучусь в кабинет — не отзывается. Я дверь приоткрыл, заглянул: Господи! От табачного дыма вся комната синяя, в пепельнице — гора окурков! Смотрю, на столе — твоя пишущая машинка, справа один том персидского словаря,

слева — второй, оба раскрыты. Он сам за столом в кресле сидит. Бычок дымящийся зубами стиснул, взгляд напряженный, меня не видит. Смотрит в один словарь, потом в другой, потом на клавиатуру, потом по клавише пальцем — бац! Глядь в бумагу, хвать руками за голову: «У-у, твою мать!», и ну из машинки бланк вытаскивать. Новый вставил и все сначала: глянет в один словарь, потом в другой, по клавише — бац! И за голову: «У-у, твою мать!» Несколько раз так повторялось. Я не стал его отвлекать, пошел к себе в гараж, пусть, думаю, сосредоточится».

Вскоре после моего возвращения из отпуска возникла необходимость напечатать какое-то письмо по-персидски, тут я обнаружил, что каретка машинки не движется, ее заклинило намертво.

— Здорово погнулась! — сказали в ремонтной мастерской. — Вы что, ее с высоты роняли?!

— Нет, — ответил я, не вдаваясь в подробности, — это всё одним пальцем!

Кстати, насчет моих отпусков, с ними вечно возникали проблемы.

— Кто будет работать, если ты поедешь отдыхать?! И как же ты поедешь отдыхать, если отдыхать еду я?! — на чистом глазу сообщил мне однажды Растерянный. Я отлично помню эту гениальную фразу. Она прозвучала в жаркий летний день на краю консульской пожарной ямы, которая служила нам также бассейном. Растерянный стоял по пояс в воде, большими пальцами он заткнул себе уши, указательными — глаза, а средними — правую и левую ноздрю, сделал глубокий вдох, надул щеки и ушел под

воду, подводя этим черту в разговоре. Когда он вынырнул, я спросил:

— А зачем глаза?

— Чего?

— Я говорю, зачем пальцами затыкать глаза? Ну, уши и нос — можно еще понять — там дырки, но глаза-то зачем?!

Он вылез из бассейна, подтянул черные семейные трусы, сел на лавку и серьезно задумался.

Однако хочу вас порадовать: таких, как он, было немного. В условиях сложной военно-политической обстановки в Иране шансы для выживания этого вида резко снижались.

В советском посольстве в этот период работали блестящие профессионалы: советник Николай Козырев, первый секретарь Филипп Сидорский, второй секретарь Александр Садовников, третий секретарь Сергей Третьяков, позже к ним присоединился второй секретарь Константин Шувалов. Все они в дальнейшем сами возглавили посольства в разных странах, а Сережа, Костя и Саша стали послами России в ИРИ.

Руководил коллективом Вил Константинович Болдырев. Это был высокоэрудированный человек, востоковед по образованию, дипломат, прошедший путь от переводчика до Чрезвычайного и Полномочного Посла и на этом пути много и серьезно трудившийся. Болдырев в совершенстве знал историю Ирана, современную обстановку в стране. В беседе с ним не требовалось лишних слов.

— Знаете, Вил Константинович, это — внук Кашани, — сообщали ему, к примеру, о малоизвестном политике, назначенном неожиданно на важный государственный пост.

— Как, того самого, аятоллы?

— Да.

И можно было не сомневаться, что в мыслях посла сразу складывалась четкая клановая схема и новая мозаика взаимоотношений среди правящего иранского духовенства. С ним было очень интересно работать.

В отношениях с подчиненными Болдырев был разумно демократичен, но требователен, а случалось, и строг, если возникала такая необходимость. А еще он обладал замечательным чувством юмора. Одну историю, рассказанную им самим, я обязательно должен вам передать.

Однажды на прием к Болдыреву запросился посол Великобритании. Дело происходило вскоре после штурма исламскими боевиками посольства США в Тегеране и захвата заложников. Аккредитованные в ИРИ дипломаты живо обсуждали вопрос «кто следующий?!» Обстановка в дипкорпусе, мягко говоря, была напряженной. Скорей всего, англичанин шел на встречу именно в связи с этим. Тут надо пояснить: посольства СССР и Великобритании расположены в самом центре города на одной улице. Их территории огорожены кирпичными заборами, между которыми — неширокая проезжая часть. Англичане с точки зрения безопасности находились в менее выгодном положении: у них мало земли и административное здание стоит вплотную к забору, а у нас земли много, здания расположены в глубине территории, а непосредственно за забором — огромный тенистый парк с большим бассейном и прилегающей к нему зоной отдыха с лежаками, креслами и столиками.

Серьезные дипломатические переговоры не допускают пустословия. После коротких приветствий стороны сразу же переходят к делу. Но британский посол начал беседу издалека:

— Мы понимаем, сейчас все на взводе. Все ждут провокаций, мы это хорошо понимаем.

Болдырев выжидающе смотрел на собеседника.

— Конечно же, надо быть наготове, — продолжал англичанин, — отрабатывать систему защиты! Мы это хорошо понимаем.

Болдырев терпеливо ждал продолжения.

— Наша охрана тоже ждет нападения, каждый день идут тренировки.

«Чего ему надо?!» — подумал Болдырев, начиная слегка удивляться.

— Мы все понимаем, господин посол, все понимаем! Но поймите и нас! Люди находятся на пределе нервного напряжения, наши заборы расположены в двадцати метрах друг от друга.

Было ясно: англичанин чем-то сильно встревожен, но причина оставалась загадкой.

— Мне кажется, — вступил в разговор Болдырев, — вам стоит прямо сказать о сути вопроса. Если мы чем-нибудь можем помочь...

— Да, можете и очень серьезно! — тут же ответил британский посол. — Нам известно, что советский спецназ интенсивно готовится к бою. Каждый день мы слышим, как ваши бойцы тренируются, и, я не скрою, это нас беспокоит. Их стрелковый тир расположен слишком близко к забору,

стрельба идет в течение всего светового дня и даже в сумерки, до позднего вечера. Пока что пули не залетали на нашу территорию, но такое может случиться, и это реально опасно. Господин посол, мы просим вас перенести стрелковый тир от забора в глубь территории!

Болдырев посмотрел на собеседника серьезным понимающим взглядом и коротко, по-деловому ответил:

— Причина вашего беспокойства будет устранена. Если вопрос только в этом, считайте, что он решен!

Англичанин облегченно выдохнул, поблагодарил и отправился к себе через дорогу.

А Болдырев в тот же вечер собрал техсостав посольства и категорически запретил свободному от дежурств персоналу — рабочим, водителям, комендантам играть в домино в зоне отдыха у бассейна.

Приятно было, когда через пару дней британский посол позвонил и еще раз поблагодарил советского коллегу за принятые меры.

Вот какая веселая штука — дипломатическая работа!

В Тегеране, в отличие от провинции, жизнь дипкорпуса всегда была насыщена массой событий! Еще в конце XIX в. один из царских чиновников, повествуя о ней, сообщал: «Бывало много балов и приемов. Устраивали даже разные спорты: скачки на ишаках, а также бег наперегонки между французом, немцем и русским. При этом француз и немец бежали пешком, а русский скакал на лошади. В основном же играли в карты и нарды, крупно и много».

В провинции таких приключений никогда не случалось, да и зарплата была — копейки! На эти обстоятельства

в тот же период жаловался русский генконсул в Исфагане, сообщая о нелегких условиях государственной службы: жара такая, что донесения он пишет, исключительно сидя в бочке с водой.

По сути, с тех пор мало что изменилось. В Исфагане, правда, до исламской революции действовали консульства США и Великобритании (все — шпионы, ни одного «чистого» дипломата), но за пару лет до моего приезда их прикрыли. Поэтому дипломатическая жизнь в этой части страны ограничивалась моим общением с Растерянным и его со мной.

Что же касалось остальных сотрудников, то там тоже все складывалось непросто. Жизненное пространство техперсонала состояло из однокомнатной квартирки и небольшого консульского дворика. Двенадцать человек в течение нескольких лет обречены были общаться здесь только между собой: отпуск им не полагался, письма от родных шли около двух месяцев, наши газеты поступали одновременно с почтой, советское телевидение отсутствовало. Выход в город был ограничен, а нередко вообще запрещен: шут его знает, что может случиться — повсюду лозунги «Смерть СССР!». Туда отправлялись только группой, сообщая дежурному цель, маршрут и время возвращения. Транспорт — собственные ноги, далеко не уйдешь, только за хозмелочами и едой. Впрочем, на остальное денег и не тратили, копили для обустройства жизни в Союзе.

Общение с нашими специалистами на ТЭС и МЗ (там было много народа) для техперсонала генконсульства

возможным не представлялось — эти объекты находились за городом.

В числе удовольствий оставались пинг-понг, бильярд и просмотр одних и тех же художественных фильмов в консульском клубе два раза в неделю. Сюда же следует отнести купание в уже известной пожарной яме размером пять на три метра.

Тест на совместимость перед поездкой в Иран эти люди, естественно, не проходили, поэтому в их среде постоянно шел скрытый процесс брожения. Любые мелочи становились причиной обид и неприязни. Кто-то на кого-то не так посмотрел или о ком-то не то сказал и т.п. При этом каждый из них наивно искал покровительства у руководства. Растерянный любил разбирать эти тяжбы, выявлять морально-нравственные проступки среди подчиненных и на этой почве интриговать.

Главными «преступлениями» этого плана в советские времена считались любовные связи и алкоголь. «Кто с кем переспал?» — тема номер один дискуссий любого заграничного коллектива. Порочащие советского гражданина связи обсуждались со вкусом и подробностями, кулуарно. Публичному же порицанию виновника предавали без указания имен и деталей, так сказать, в общем плане.

Объектом недоказанных обвинений по первому пункту у нас был водитель Витя Журба — молодой, веселый, обаятельный парень. Надо честно признаться, что при виде красивой и даже не очень красивой женщины взгляд у Вити воспламенялся. Но пламенный взгляд еще не есть доказательство совершенного преступления, а поймать

Витю с поличным никто не сумел. Это обстоятельство чрезвычайно раздражало Растерянного, и он мучил беднягу как только мог. Основной темой придинок была собачья шерсть на заднем сиденье консульского мерседеса.

У Растерянного был пес, японский хин — мелкая, волосатая недружелюбная тварь. Он путешествовал всюду вместе с хозяином, сидя на заднем сиденье машины. После каждой поездки Витя выгребал оттуда кучу шерсти, орудуя щеткой и мокрой тряпкой — пылесоса ему не давали. Но что-то, естественно, оставалось. Это и было поводом для постоянных служебных разносов, вплоть до угрозы сделать «оргвыводы», т.е. откомандировать в Союз! Пса этого Витя от души ненавидел.

— Тиль-Тиль-Тиль! — ласково подзывал он к себе собачонку, держа в руке кусочек колбаски, и когда пес подбегал, оглянувшись по сторонам, с возгласом «Тия, ... твою мать!» давал ему со всех сил пенделя. Хин с визгом летел в кусты, а коварный, никем не замеченный Витя шмыгал в открытую дверь гаража и для укрепления алиби спускался в ремонтную яму.

Надо сказать, что пес отвечал ему тем же. Дать Вите пенделя он не мог, но на общих служебных собраниях, которые Растерянный собирал у себя в кабинете, крепко обнимал лапами Витину ногу и начинал онанировать. Оттащить его было почти невозможно.

Обвиняемых по второму пункту у нас в генконсульстве не было. Дело в том, что Растерянный сам оказался запойным. По отлаженной схеме, чувствуя приближение «момента», он звонил начальнику строительства ТЭС и

сообщал, что вечером приедет в рабочий поселок проверять «пожарную безопасность». На стройке понимали, о чем идет речь, и «накрывали поляну». Он напивался со второго стакана, но после этого в него помещалось еще несколько литров водки. На это уходило пять-шесть часов. Потом он падал, безразлично куда. Строители — народ крепкий, но даже они не выдерживали такого прессинга: начав пить в девять вечера, Растерянный отключался к трем утра, и так повторялось каждый день в течение недели, не меньше. Я в этих мероприятиях участия не принимал. Нагрузка ложилась все на того же Витю.

Пока Растерянный «тушил пожар» самогонкой, Витя ждал его в мерседесе у дверей дома начальника стройки. Я же, находясь в генконсульстве, согласно инструкции по безопасности, не спал, готовый в любую минуту мчаться их выручать в случае какого-либо инцидента. Под утро Растерянного загружали в машину, и Витя трогал домой. Въехав в консульский двор, он вытаскивал тело, перекидывал его через плечо головой назад и, придерживая за ноги, тащил в резиденцию. Протискиваясь в дверной проем, неловкий Витя обязательно спотыкался и стучал Растерянного головой о косяк. Голова издавала бильярдный звук. Часто бывало, что неуклюжий Витя спотыкался в этом месте два раза подряд. Дежурные коменданты, менявшиеся на вахте каждую ночь, с любопытством наблюдали за ритуальными действиями водителя. Показательно, что, при всех сложностях взаимоотношений в их коллективе, Витю никто ни разу не заложил. Свалив на кровать бесчувственное тело, одетое по сезону в костюм или пальто, Витя отправлялся спать. Укладывался

и я. Рабочий день в генконсульстве начинался в восемь утра, поэтому спать нам оставалось недолго.

На следующий день Растерянный появлялся на службе только после обеда, на нем всегда были темные солнцезащитные очки.

— Слышь, Валерьяныч, — говорил он мне, — что-то у меня после вчерашнего голова трещит, не выручишь похмелиться?!

— Да вы же на прошлой неделе все выпили, — стандартно отвечал я. — Но, по-моему, у Вити в гараже есть в заначке «чекушка». Может, у него попросить? Он — отзывчивый, добрый...

Растерянный спешил в гараж налаживать мирные отношения с Витей, чтоб получить выпивку, и в жизни водителя наступала счастливая передышка.

Вообще-то мы с Растерянным жили достаточно дружно. В целом он был неплохим человеком, а на мелочи я внимания не обращал.

Проблемы возникли, когда настал срок моего перевода в посольство, как было условлено еще в Москве. Растерянный понимал: вместо меня сюда пришлют мальчика с институтской скамьи, так как должность, которую я занимал, соответствовала этому уровню, а другой в штатном расписании генконсульства не было. Он стал защищать свои интересы теми методами, которые были ему привычны. Плохого обо мне сказать ничего не мог, поэтому говорил только хорошее: «Замечательный парень Резо, — хвалил он меня тегеранскому руководству, — живем с ним душа в душу! Правда, любит чуток погулять. А что делать?

Один ведь мается, жена-то к нему не едет! Но я смотрю на это сквозь пальцы — парень уж больно хорош! Ну, выпивает, случается! А как тут не выпить?! Он ведь только сейчас узнал, что ребенок не от него».

Растерянный не подозревал, что эти беседы слово в слово передавались мне его собеседниками, и так как источник был не один, сомнений в надежности информации не возникало. Я делал вид, что ничего не знаю, и по утрам, придя на работу, отвечал на улыбку улыбкой и пожимал протянутую руку, а в это время Витя Журба уже мастерил по моему заказу из толстой ореховой ветки и автомобильной камеры очень серьезную пацанскую рогатку.

Административное здание консульства расположено в центре сада. Каждый вечер сюда с окрестных помоек слетались многочисленные стаи ворон. Они рассаживались на ветках старых платанов и устраивались на ночлег. Практически полнеба было закрыто ими. В фойе здания стояло много кадок с зеленью. В одной из них, недалеко от стеклянных входных дверей, замаскированная фикусами лежала рогатка. Когда Растерянный после работы отправлялся домой, я позволял ему углубиться в сад метров на сорок и стрелял из рогатки по веткам деревьев. Сотни отъевшихся на помойке ворон с диким карканьем и хлопаньем крыльев взлетали вверх, и море помета обрушивалось на Растерянного. Натянув на голову пиджак, он зигзагами мчался по садовой дорожке. Чтобы не вызывать подозрения, я был вынужден ограничить стрельбу двумя днями в неделю.

— Ты знаешь, — жаловался он мне на ворон, — такое ощущение, что они из жопы целятся! Но я главного понять не могу, почему именно по вторникам и четвергам?!

Мой перевод в Тегеран откладывался на неопределенное время. Но интриги Растерянного были здесь ни при чем. Весной 1985 г., в ходе обострения военного конфликта, иракская авиация начала атаковать иранские города. Основным объектом нападения стал Исфаган. Сирены воздушной тревоги звучали здесь каждые три часа. После этого максимум через пару минут на головы людей валились бомбы. Глухие мощные взрывы доносились из разных концов города.

Иракские летчики «работали», практически не рискуя, с большой высоты «по сектору». Мишенью являлись жилые кварталы, задачей — создать массовую панику среди гражданского населения.

Особенно тяжелыми для исфаганцев были ночные бомбардировки. Вслед за сигналом тревоги, поступавшим по радио, городское электричество отключалось, улицы и дома погружались в полную темноту. Черное небо рассекали огненные пунктиры трассирующих снарядов. Они тянулись от земли вверх в никуда. На большой высоте то там, то здесь начинали мелькать яркие вспышки разрывов. Осколки горячего металла сыпались на город, в том числе и на нас, попадали в крыши и стены домов, с резонирующим свистом рикошетили и застревали в стволах деревьев консульского сада или падали на асфальт во дворе.

Зенитный огонь почти не препятствовал бомбардировкам. Система ПВО Исфагана, судя по всем признакам,

имела устаревшее вооружение, к тому же была выстроена по схеме «круг»⁵⁴. Это говорило о том, что сил у иранцев мало. Самолеты противника легко обходили заградительный огонь, наносили удары и невредимыми возвращались назад. Сразу же после «отбоя» город наполнялся звуками автомобильных сирен «скорой помощи».

За одну ночь иракская авиация совершала три-четыре налета. Но сигналов воздушной тревоги было намного больше, поскольку они подавались также в том случае, когда самолеты летели бомбить соседние города.

На вооружении у иракских ВВС стояли МИГи советского производства, и мирных людей они убивали бомбами, сделанными в СССР. Надо ли говорить, что отношение иранцев к нашей стране, и без того недружелюбное, приняло форму нескрываемой ненависти?

Для сотрудников генерального консульства ситуация дополнительно осложнялось неадекватным поведением Растерянного. Во время ночных налетов он прибежал в убежище первым, совершенно не беспокоясь о том,

54 В те годы существовали две наиболее распространенные схемы организации ПВО: «квадрат» и «круг». Представьте себе небо над обороняемым объектом, расчерченное в виде шахматной доски. Зенитные орудия ведут огонь не по самолету, в который почти невозможно попасть, а по черным или белым квадратам. Самолет противника, входя в эту зону, с высокой степенью вероятности попадает под заградительный огонь. Если средств ПВО было мало, то применялась схема «круг»: огонь велся по периметру охраняемого объекта. Предполагалось, что самолет противника попадет под обстрел при входе в зону и на выходе из нее, но степень эффективности в данном случае была намного ниже.

что происходит с остальными людьми⁵⁵. Одет был в хлопчатобумажные «треники» с пузырями на коленках, домашние тапочки на босу ногу и макинтош поверх майки. На голове тирольская шляпа с коротким перышком. В темноте под землей он доодевался. «Гоша! — громким шепотом рычала на него жена. — Не растопыривай пальцы, я не могу надеть на тебя носки!» Скоро он впал в глубокий запой и полностью ушел в зазеркалье.

Я понимал, что пускать ситуацию на самотек недопустимо. Любая случайность в такое время могла привести к катастрофе. Попади бомба или ракета в один из соседних домов, искать виновников смерти людей далеко не пойдут — вот они, «шурави», здесь под боком... и полетят от нас только клочья. Поэтому собрал у себя в кабинете всех мужчин, и вместе мы составили план действий, включавший в себя несколько вариантов на случай прямого падения бомбы, разрушения здания, пожара, нападения извне. Каждый теперь знал «свой маневр». При этом поскольку мы вынужденно тренировались не менее десяти раз в сутки, то вскоре наши действия были отработаны до совершенного автоматизма.

В это же время из прифронтовой провинции Хузестан, которую тоже нещадно бомбили, началась эвакуация советских специалистов, строивших там ТЭС «Рамин».

55 На территории хоздвора генконсульства имелась траншея глубиной в человеческий рост. Сверху ее закрывал тонкий лист стали, вниз спускались кирпичные ступеньки. Это и было нашим убежищем. В лучшем случае «щель» могла защитить от осколков. Но при близком попадании бомбы или ракеты нас бы всех в ней и похоронили.

В Москве наконец-то поняли, что жизни наших людей реально угрожает опасность, и дали такую команду. Около восьмисот советских граждан выехали на автобусах колонной из Ахваза в Тегеран, чтобы оттуда отправиться в СССР. Их маршрут лежал через Исфаган. Это решение противоречило интересам иранцев. Наши люди служили своеобразным щитом самого крупного энергообъекта юга страны. Теперь электростанция была обречена.

Не буду говорить, каким образом, но мне удалось узнать, что в Исфаган из Тегерана по линии КСИР⁵⁶ поступила команда во что бы то ни стало задержать колонну и под конвоем вернуть назад в Хузестан. Информация пришла поздно вечером, когда автобусы должны были подъезжать к городу. Я оставил за старшего одного из дежурных комендантов, срочно поднял водителя, и вдвоем на старой консульской «Волге» мы помчались навстречу строителям. Нам удалось перехватить их за двадцать километров от Исфагана. Объяснив ситуацию старшему группы и сообщив, что следует делать, я поставил «Волгу» в начало колонны, и мы продолжили путь.

Перед въездом в г. Исфаган на контрольном посту уже стояло несколько десятков вооруженных людей. Один из них вышел вперед и поднял руку, давая понять, что проезд закрыт. Каково же было их удивление, когда «Волга», а за ней все автобусы, не доезжая поста, сделали поворот, выехали на второстепенную дорогу и по ней, увеличив скорость, проследовали в рабочий поселок ТЭС

56 Корпус стражей исламской революции.

«Исфаган», расположенный в километре от автобана. Руководство строительства было заранее предупреждено, и нас там ждали. Когда опомнившиеся пасдары⁵⁷ примчались вслед, их встретил объединенный коллектив в количестве около двух тысяч советских мужиков.

В течение последующих трех дней, пока шли напряженные переговоры между посольством в Тегеране и иранскими властями, я находился в поселке ТЭС, а наша «Волга» с консульскими номерами демонстративно стояла на въезде у ворот.

Впрочем, эта история имела также и ряд приятных моментов. Мне стало известно, что среди эвакуируемых из Ахваза людей находятся десять грузин. Я попросил собрать их вместе в доме одного из моих друзей, накрыл стол, поставил вино, и мы, согласно обычаям, начали поднимать тосты.

В застолье грузины говорят искренне, и я, когда пили за Родину, сказал, что для меня это понятие связано с маленькой, Богом забытой деревней высоко в горах Имеретии. Там в сопливые годы я рос под присмотром прабабушки, в окружении таких же, как она, горцев, которые не вполне понимали, для чего им в сельпо привезли странное приспособление под названием «замок». «Имя этой деревни — Хорити», — закончил я. И вдруг неожиданно один из сидевших спросил: «Ты на самом деле хоритец?!» В ответ я назвал имя прабабушки. Человек встал из-за стола и пошел меня обнимать, мы оказались соседями, близкой

57 Стражи (перс.).

родней и в детстве бегали по одним и тем же горным тропинкам.

Надо было оказаться за тысячи километров от родных гор, в той ситуации, которую я описал, чтобы выяснить эти обстоятельства.

Но в любом случае спасибо Ирану за необыкновенное знакомство с замечательным человеком Автандилом Брегвадзе, ставшим впоследствии моим близким другом и крестным отцом.

Через три дня, когда проблемы, связанные с эвакуацией наших строителей, были урегулированы и их колонна продолжила путь в Тегеран, я вернулся в генконсульство. К этому времени Растерянный вышел из очередной комы и приступил к руководству учреждением, но неожиданно резко сменил амплуа, решив испытать себя в роли «деспота-самодура». Он начал топтать ногами, оскорблять людей словесно, давать им бессмысленные, противоречивые указания.

Все, что делал Растерянный, носило отпечаток легкого помешательства. В частности, завхозу было приказано вырыть могилу, застрелить и похоронить в ней сторожевых собак. На мой недоуменный вопрос: «Саша, зачем?!» стоявший уже по колено в яме завхоз злобно ткнул лопатой в землю и буркнул: «х... его знает!»

В один из вечеров ко мне в кабинет пришли все мужчины – сотрудники консульства: «Реваз Валерианович, больше нет сил, с таким командиром не только псы, но и мы сами здесь в землю ляжем. Собираемся ставить вопрос: или он, или мы. Хотим знать ваше мнение?!»

Утром я зашел в кабинет к Растерянному и попросил выслушать. Смысл моих слов сводился к следующему: все мы сейчас связаны одной судьбой. Бомба не станет выяснять, шофер ты или генконсул, и, если толпа начнет рвать нас на части, тоже не спросит паспорт — дипломатический он или обычный. Среди наших людей нет военнообязанных, никто из них не подписывался ехать сюда погибать. Тем не менее они без паники вкалывают по полной. В этих условиях между нами не должно быть корпоративной дистанции, и командовать ими можно, только подавая личный пример.

— Ты молодой еще и неопытный, — ответил Растерянный, — а я эту публику давно изучил. Каждый сверчок — знай свой шесток, тем более в такой обстановке! Какое тут равноправие?! Тут гайки закручивать надо!

Выйдя из его кабинета, я сказал: «Действуйте, ребята, возражать не стану».

Дальше события развивались достаточно быстро. Состоялось открытое партийное собрание коммунистов, на котором Растерянному предъявили неоспоримые обвинения в воровстве государственного имущества, регулярном пьянстве, интригах, личном малодушии и паникерстве, проявленном во время бомбардировок. Партийная организация единогласно приняла решение о вынесении ему строгого выговора с занесением в учетную карточку, и весь коллектив ходатайствовал перед руководством Министерства иностранных дел о снятии Генерального консула СССР в Исфагане с занимаемой должности и откомандировании в Советский Союз.

Я подробно рассказал про случай с Растерянным, так как он совершенно уникальный. В истории советской дипломатии не было других примеров, когда техсостав снимал с должности руководителя загранучреждения. Мне его не было жалко. Собственные поступки привели этого человека к позорному финалу.

В результате его откомандирования я оказался в тупиковом положении: о переводе в Тегеран теперь не могло быть и речи. Приказом посла я был назначен Управляющим делами Генерального консульства СССР в Исфагане (в ранге атташе).

В Исфагане за мной постоянно следили. Это происходило по двум причинам. Во-первых, местная контрразведка не могла допустить и мысли о том, что среди сотрудников консульства нет разведчиков. В их понимании в этом случае все остальное теряло смысл. Во-вторых, им больше не за кем было следить (я имею в виду иностранцев), и получалось, что меня одного сторожило целое Управление.

Вычислить разведчика, действующего под дипломатическим прикрытием, в большинстве случаев сложности не представляет. Его рабочий режим, обусловленный спецификой деятельности, совершенно иной, чем у «чистого» дипломата. Разведчик вынужден больше двигаться. В «опасных» странах, таких как Иран, где для обычных дипломатов существуют ограничения в передвижении по городу, предписанные собственной службой безопасности, разведчик особенно легко узнаваем. Он появляется в такое время, в таких местах, куда никто

из мидовцев даже случайно заехать не может. Машину паркует всегда «носом» к выезду: это — железное правило, в отличие от «чистого», который бросает как попало. Существует масса деталей, всех не перечесать, по которым определяется «кто есть кто», и плотное наружное наблюдение в течение максимум полугода дает на этот счет, как правило, точный ответ.

Исключение составляют консулы. В отношении консула сложно наверняка сказать, из какой он конторы! Он ездит куда хочет и когда хочет, и черт его знает, то ли по «чистому» делу, то ли нет. Может сесть за руль ночью и поехать кататься. Посольскому дипломату за это снимут голову, а ему, шельмецу, ничего не будет. И опять же не поймешь: тайник он поехал закладывать или просто, дурак безбашенный, выпил и бузотерит! Консулы всегда были для контрразведки двойной головной болью.

Иранцы «пасли» меня скрытно, но через несколько месяцев все были уже хорошо мне знакомы. Уважая их труд, я не вредничал и если, скажем, в автомобильной пробке они отставали, не отрывался, а ждал, пока подтянется «хвост». Такие вещи профессионалами ценятся, тем более что особой нужды играть с ними в «казаки-разбойники» у меня не было.

Вспоминается один показательный случай. Как-то в пятничный день⁵⁸ я тормознул свою «Волгу» у открытого ресторана на берегу Заяндеруд, присел за столик и заказал пару кебабов. Боковым зрением заметил: бежевый

58 В Иране пятница — выходной.

«Пейкан» проехал чуть дальше, остановился у перекрестка, в машине — водитель и два пассажира, мотор работает, водитель смотрит в зеркало заднего вида; мотоцикл остановился, не доезжая до ресторана, на нем двое мужчин, прикрыты кустами, мотор работает, оба сидят в седле.

Скоро мне принесли заказ, и я с аппетитом принялся за еду. Неожиданно к ресторану подкатил тот самый мотоцикл. Его седоки, двое мужчин средних лет, быстрым шагом направились к свободному столику. Бросив короткий взгляд в мою сторону и прикинув время, которое потребуется мне на еду, они заказали себе по гамбургеру и кока-коле. Видно, парни чертовски проголодались, иначе вряд ли бы так грубо нарушили правила наблюдения.

Я продолжал уплетать вкусный кебаб и, когда дожевывал последний кусок, вдруг обнаружил: контрразведчики смотрят на меня напряженнейшим взглядом, держа у рта недоеденные бутерброды. И такая досада была в их глазах: сейчас придется все бросить и снова катить вслед за «Волгой» неизвестно куда. Я оценил ситуацию, окликнул официанта и попросил принести чай. Парни облегченно вздохнули и продолжили есть. Я спокойно сидел за столиком, не притрагиваясь к стакану, что означало: чай мне не нужен — это знак уважения с моей стороны. Поступок был правильно понят. Когда они всё доели, старший по возрасту, вставая из-за стола, приложил правую руку к сердцу и слегка кивнул головой: «Принято с благодарностью!». Затем они сели на мотоцикл и отъехали на исходное место.

Можно не сомневаться, что иранская контрразведка дружеских чувств ко мне не питала, тем не менее через

несколько лет во время вооруженного нападения на генеральное консульство один из этих парней спас мне жизнь. Не исключая, что причиной было чисто профессиональное уважение.

В те годы в Советском Союзе один за другим умирали вожди. Какая-то на них, горемычных, навалилась тогда напасть. С одной стороны, особо удивляться не приходилось — все были людьми весьма преклонного возраста, но с другой — все-таки странно — уж больно тесно они сгущались у выхода!

Уход из жизни советского лидера всегда тянул за собой цепочку кадровых перестановок в высших партийных и государственных эшелонах власти. Как только очередной вождь навечно закрывал глаза, его соратники начинали рядить, кому достанется освободившееся кресло. Этот процесс в зависимости от ранга усопшего занимал от нескольких часов до нескольких суток. О его смерти народу пока не говорили. Однако по радио и телевидению сразу начинали транслировать печальную музыку. Пальма первенства среди мелодий почему-то досталась «Лебединому озеру». Знаменитое анданте Чайковского в то время стало сродни похоронному маршу: как услышишь Петра Ильича заиграли — значит, кто-то в Кремле перекинулся. Но нет худа без добра: таким образом широкие массы советских трудящихся почти на регулярной основе приобщались к шедеврам музыкальной классики.

Имя ушедшего из жизни советского руководителя первыми сообщали западные «радиоголоса». Мир все уже

знал, а у нас по-прежнему продолжал играть симфонический оркестр. Когда кадровый вопрос наконец был решен, населению официально сообщали, кто умер. В стране объявлялся национальный траур, партийный чиновник, заявленный в качестве руководителя похорон, после их завершения пересаживался в кресло покойного.

В советских загранучреждениях по этому поводу организовывали два мероприятия: созывали граждан на митинг и открывали «книгу соболезнований». Траурный митинг отдельного повествования не заслуживает, он мало чем отличался от рядового партийного собрания. А вот по поводу книги стоит сказать несколько слов.

Все начиналось с «Лебединого озера». О тревожном сигнале мне обычно докладывал дежурный по консульству, у которого на столе двадцать четыре часа работал приемник. «Реваз Валерианович, — сообщал он по внутренней связи, — Чайковского играть начали!» Это настораживающее известие я перепроверял самолично: всякое бывает, вдруг просто так завели! И только убедившись, что одна и та же мелодия звучит по всем советским каналам, звонил в Тегеран.

«Слава, — спрашивал я шефа протокола посольства, — приспускать?» Речь шла о государственном флаге на крыше генконсульства, который на треть опускался в случае официального траура. И если слышал в ответ: «Повремени!» — было ясно, что в посольстве еще не получили на этот счет указания из Москвы.

Мы со Славой хорошо понимали друг друга, но для невидимого противника смысл беседы должен был оставаться тайной.

Тем временем музыка по радио продолжала играть, и в консульство звонили взволнованные руководители исфаганских строительных коллективов:

— Реваз Валерианович, уже полдня Чайковского играют!

— Слышим.

— Какие будут указания?!

— Продолжайте работать!

После этого я снова набирал номер посольства: «Слава, приспускать?» И получал все тот же ответ: «Повремени!»

Но в конце концов тайное становилось явным: диктор ТАСС произносил известное имя и подробности предстоящих траурных мероприятий. В посольстве и генконсульстве приспускали государственные флаги. Наш завхоз снимал со стенки очередной портрет, оборачивал его верхний угол черной лентой и ставил на стол в зале приемов. Перед портретом клали толстую тетрадь, которую обклеивали черной бумагой, — это и была «книга соболезнований». Затем мы направляли официальную ноту в генерал-губернаторство Исфагана, в ней извещали местные власти о печальном событии и что в генконсульстве открыта «книга соболезнований» и начинали ждать, не придет ли кто из иранцев посочувствовать нашему горю.

Отчет о том, кто приходил, когда, какую запись оставил, направлялся в Центр. Считалось, что по записям в «книге соболезнований» можно сделать вывод об отношении к нам политической элиты страны. Возможно, такой хитрый способ получения информации где-то в других местах и мог быть оправдан, но в Иране он представлялся совершенно

излишним. Все, что здесь о нас думали «верхи и низы», без утайки, большими буквами писалось на заборах, и самая приличная надпись, которую мне довелось прочитать, гласила: «Смерть СССР!»

Тем не менее в течение всех траурных дней с 10.00 до 18.00 мы должны были дежурить в зале приемов в бессмысленном ожидании посетителей. Ближе к обеду Растерянный не выдерживал: «Все равно никто ни хера не придет! — озвучивал он наши общие мысли и, вопросительно глядя на меня, предлагал: — Давай лучше выпьем?»

В Тегеране дела обстояли иначе, «отмечаться» к нам приезжал весь иностранный дипкорпус. Происходило это следующим образом.

Дипломаты на машинах подъезжали к воротам, пограничники пропускали их внутрь территории. Машины следовали по дорожкам посольского парка к главному зданию (тому самому, где проходила Тегеранская конференция) и парковались. Гости поднимались по широким ступеням к парадному входу. Здесь на просторной площадке их встречал один из наших младших дипломатов (условно — атташе), он гостеприимно распахивал двери. Иностранцы входили внутрь здания и попадали в огромный торжественный зал с большими зеркалами, золотой лепниной на стенах, высоченными потолками. В зале находился другой дипломат (третий или второй секретарь), он делал приглашающий жест по направлению к двустворчатой двери, находящейся в противоположном конце помещения. Пройдя через эту дверь, гости попадали во второй зал, размером и пышностью превосходивший первый. На этот раз их приветствовал

кто-то из старших дипломатов (как правило, в ранге советника) и... отправлял дальше. И только в третьем зале гостей встречал сам посол, стоявший рядом с траурным столиком, на котором размещались портрет в черной рамке и книга.

Первыми приезжали послы стран «соцлагеря». Они с улыбкой здоровались с атташе у входа, тепло жали руку третьим и вторым секретарям, обнимались с советником. Войдя в траурный зал, целовались с нашим послом, затем принимали скорбный вид, присаживались за столик, длинно писали в книге, вставляли, склоняли голову перед портретом. На выходе процедура прощания повторялась в обратном порядке: целовались с послом, обнимались с советником, жали руку второму-третьему секретарям, улыбались атташе, распахивающему перед ними дверь.

Ближе к полудню подъезжали послы стран третьего мира и не слишком враждебные нам капиталисты, а за ними уже в самом конце рабочего дня послы стран — членов НАТО.

Эти не замечали атташе у входа, через раз кивали секретарям, не всегда протягивали руку советнику. Войдя в траурный зал, спокойно здоровались с нашим послом, скорбного вида не принимали, делали краткую запись и, не задерживаясь перед портретом, направлялись к выходу. На этом пути процедура расставания повторялась в обратном порядке. С послом прощались без сантиментов, с советником — за руку через раз, секретарям просто кивали, а атташе опять-таки не замечали.

Однажды я приехал на пару дней в Тегеран, чтобы, как говорили у нас, «отписаться», т.е. передать в Центр информацию, которую можно было отправить только шифротелеграммой. В это время в Москве в очередной раз кто-то умер. В посольстве проходили стандартные траурные мероприятия. Меня они напрямую не касались, я был из другого учреждения. Но случилось так, что в середине дня я проходил через ближний от входа зал, где гостей встречал мой приятель Сережа Копейко. «Послушай, старик, — сказал он мне, — выручи! С утра здесь стою, ничего не ел, подмени на полчаса, пока я сгоняю перекусить!»

Помочь другу — святое дело. «Иди, — говорю, — заправляйся».

Я заступил на траурный пост, а Серега отправился кушать. Но не прошло и десяти минут, как мимо меня в сторону зала, где находился посол, неожиданно побежала вереница людей.

— В чем дело, что за суета?!

— А ты не слышал?

— А что я должен был слышать?!

— Как что?! Велаяти сюда едет!!!

Вот-те раз! Сам министр иностранных дел Ирана, доктор Велаяти решил выразить соболезнование! При нынешних отношениях — это знаковое событие! За ним, безусловно, стоит какая-то интрига! Скорее всего, иранцам от нас что-то срочно понадобилось.

Через несколько минут из глубины парка к зданию посольства на большой скорости подкатили два бронированных джипа. Дверцы первого сразу открылись, и из него

высыпала охрана: здоровые молодцы в камуфляже, бронжилетах, с автоматами. Они профессионально оглядели всю территорию вокруг, в том числе и воздух. Только после этого из второго джипа вышел министр.

Доктор Велаяти, в прошлом врач-педиатр, образованный человек, каким-то образом оказавшийся среди исламских революционеров, был в те годы бессменным министром иностранных дел и влиятельной в стране персоной. Среднего роста, спортивного телосложения, с правильными восточно-арийскими чертами лица, короткой аккуратной стрижкой, цивильно одетый, он внешне приятно отличался от большинства своих партнеров по власти. Что же касалось политических взглядов доктора, то он был таким же ярким врагом коммунизма и антисоветчиком, как и его коллеги в чалмах.

Велаяти прошел в здание вместе с группой чиновников иранского МИДа, занимавшихся советским направлением. Охрана министра осталась у входа. Ни на кого из наших дипломатов Велаяти внимания не обратил. Неизвестно, о чем он говорил с советским послом, разговор этот длился не менее часа, но из траурного зала министр вышел в замечательном настроении. То ли реализованный на практике лозунг «Смерть Советам!» придавал ему тонус, то ли он получил от Болдырева желаемые ответы на заданные вопросы? Так или иначе, проходя через последний зал, т.е. мимо меня, он решил попрощаться и протянул руку. Это была великая честь, если б не одно обстоятельство: в этот момент Велаяти шел быстрой походкой, пересекая зал на расстоянии не менее десяти метров от того места,

где я стоял. Наши позиции и скорость его движения предполагали, что я должен сейчас же сорваться и подбежать к нему, чтобы успеть пожать руку, пока он не вышел за дверь.

Чисто восточный ход: отношение большого начальника к маленькому служке, эдакий вариант барского расположения с обязательным элементом унижения младшего. Гарантирую — любой иранец тут же побежал бы. Надо признаться, что такой импульс на долю секунды возник и у меня (все-таки грузинское воспитание — уважение к старшему), но я сразу же его подавил: еще не хватало, чтобы советский дипломат униженно спешил подхватить снисходительно поданную руку чужого министра, который спит и видит крах СССР! Однако следовало немедленно что-то делать, оставлять Велаяти без внимания было нельзя. Выручило знание восточных традиций, в том числе и траурных процедур. «Твою мать! У кого в доме покойник, — задал я себе риторический вопрос, — у тебя или у меня?! Кто здесь скорбит, ты или я? Кто к кому по законам Востока в этом случае должен бежать?!»

Опустив голову, я предался глубокой печали, причем так погрузился в образ, что действительно начал ее ощущать, одновременно из-под бровей наблюдал за министром. Улыбка сошла с его лица. Он был далеко не дурак и ситуацию оценил моментально. Ему стало ясно, что, шагая по залу посольства с вытянутой рукой, он в этой же идиотской позе через десять секунд выйдет за дверь. Мой ответный ход лишил его основания рассчитывать на иное. Мне понравилась его быстрая реакция: Велаяти развернулся и, не опуская

руки, направился в мою сторону. Подождав, когда министр приблизится, я сделал ему навстречу один-единственный шаг, пожал руку, и с тяжелым траурным вздохом вновь отступил назад.

— Извини, старик, задержался, — сказал Серега Копейко, стряхивая ладонью крошки со рта. — Жены-то нет... пока туда-сюда. Как у тебя тут, все нормально?!

— Да вроде справился, — ответил я.

Осенью 1987 г. мне наконец-то прислали замену. Им оказался выпускник ИСАА МГУ Юра Наумов, очень толковый, образованный парень, но совсем еще молодой и неопытный. Наш новый посол в Иране Владимир Гудев попросил меня задержаться с отъездом, чтобы ввести Юру в курс дела. Этим я и занимался с утра до вечера, понимая, что дата моего долгожданного возвращения домой напрямую зависит от способности молодого коллеги как можно быстрее разобраться с делами. Надо отдать Юре должное, он схватывал все с полуслова, хотя некоторые вещи на первых порах его искренне удивляли.

— Смотри! — говорил я, открывая массивный сейф в своем кабинете. — Видишь в маленьком отделении материалы на папиросной бумаге? В случае форсмажора их следует уничтожить в первую очередь. Потом досье из этого отделения, потом из того, а уже потом вали все на пол и жги кучу разом — тут уже несерьезная мелочь.

Я торопился преподать ему нашу науку, поэтому через пару недель уже подходил к концу.

— И последнее! Ответь на вопрос: как ты поступишь, если над Исфаганом собьют иракский бомбардировщик,

а пилот катапультируется и на парашюте приземлится на территорию генерального консульства?!

— А что, такое бывало? — насторожился Юра.

— Пока что нет, но ты обязан быть готовым ко всему.

— Знаешь, — обиделся он, решив, что я издеваюсь, — иди ты...

В Исфагане в это время стояла прекрасная осень, в ярко-голубом небе светило нежаркое солнце, в саду пели птицы и вообще... У Юры было отличное настроение: первая командировка — начало карьеры! Он не подозревал, как обманчиво здешнее всё...

Через неделю, когда мы уже третий день не вылезали из бомбоубежища, иранцы сбили над городом вражеский самолет. Сначала пилот выделял в небе кульбиты, пытаясь загасить пламя, но вскоре МИГ ярко вспыхнул и, оставляя за собой черную полосу дыма, вертикально пошел к земле. От самолета отделилась точка, и в небе над нашими головами раскрылся купол иракского парашюта. «Только не сюда!» — машинально вырвалось у Юрки.

Впрочем, уроки высокого консульского мастерства оказались у него еще впереди. Через пару недель на генконсульство было совершено вооруженное нападение афганских контрреволюционеров в количестве около пятисот человек. Нам удалось отбиться, а Юре посчастливилось приобрести навыки по уничтожению с помощью керосина и спичек секретной документации. А после на Исфаган стали падать здоровенные иракские ракеты класса «земля-земля» советского производства, и местные жители обсуждали вопрос, не разорвать ли всех «шурави» к чертовой матери?!

В результате совокупности обстоятельств, когда через пять месяцев, в марте 1988 г., я покидал Исфаган, душа моя была совершенно спокойна, поскольку управлять делами здесь оставался закаленный в боях Юрка Наумов, уже матерый консульский волк.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИРАНЦАХ

Я думаю, пришло время сказать несколько слов об иранцах. Какие они?

На эту тему написано достаточное количество толковых книг. Постараюсь никого из известных мне авторов не повторять и расскажу о своих личных наблюдениях и впечатлениях.

В древние времена центром мировой культуры на Евразийском континенте был Восток, где одну из доминирующих позиций занимал Иран. К нему устремлялись взоры соседей, ему подражали, завидовали, его боялись, с ним торговали и воевали и многому, многому у него учились. Так продолжалось тысячелетия. Это, безусловно, наложило отпечаток на современных иранцев: они амбициозны, традиционно хорошо воспитаны, умны и хитры.

С точки зрения государственного устройства Иран до последнего столетия являлся классическим примером восточной деспотии (да и сейчас недалеко от нее ушел), а это значит — в любой момент можно было остаться без головы. Такое немаловажное обстоятельство тоже отразилось на людях. До сих пор, желая удачи, они говорят: «Сае то кутах нашавад» — «Чтобы твоя тень не стала короче».

Вероятно, отчасти в силу тех же причин иранцы чрезвычайно учтивы. Этикету и комплиментам у них может поучиться любой дипломат. Разговор они ведут не спеша, с тактом и красноречием. В беседе и даже споре никогда не вспыхивают. Это у нас способом убеждения

является повышенная интонация, у них — исключительно аргументы и логика. В разговоре с иранцем вы непременно попадаете под его обаяние, но будьте уверены — в результате вас непременно попытаются обмануть.

Иранцы щедры на обещания, но редко их выполняют, если это не связано с личной выгодой. Иранцу ничего не стоит поклясться, хотя при этом он врет. Клятвы у них оригинальные. Они никогда не клянутся собой, они клянутся вами. «Бе джане то!» — говорит иранец, что означает: «Клянусь твоей душой!». В лучшем случае он скажет «Бе джане баче!», т.е. «Клянусь детьми!», но пропустит обязательное по правилам персидской грамматики местоименное окончание. Таким образом, невозможно установить, чьи это дети.

Знаки почтения в Иране соблюдаются до тонкости: старшего и гостя всегда посадят на главное место. При их входе и выходе все встают. Угощение подают, начиная с них. Пока не справятся о состоянии здоровья, по существу говорить не начнут. Вышие с низшими общаются снисходительно, нередко надменно. Низшие по отношению к высшим держатся подобострастно.

Иранцы ни за что не позволят усомниться в своей воспитанности. Вы никогда не встретите от них прямого и тем более грубого отказа. Мне вспоминается случай с собранием сочинений Владимира Ильича Ленина на языке дари⁵⁹, которое числилось в подарочном фонде генконсульства. Оно пылилось на складе много лет и не

⁵⁹ Диалект персидского языка, один из двух официальных языков Афганистана.

имело никакого будущего, поскольку при слове «коммунизм» у местных вождей рука тянулась к пистолету.

Так вот, когда в 1985 г. в результате пожара (поджога) сгорела библиотека Исфаганского университета, я отвез сочинения Ильича в политический отдел генерал-губернаторства с просьбой передать книжки в дар Университету... и их приняли!!! Потом, скорее всего, выкинули. Но это потом, а развернуть меня на пороге и выгнать вместе с этой крамолкой не позволило воспитание.

Впрочем, может, и не выкинули, может, и ознакомились: через много лет Костя Шувалов, будучи уже послом в Иране, рассказывал мне, что во время встречи с Рафсанджани в его кабинете он заметил на книжных полках произведения всех «классиков» революций — от Робеспьера до Мао. А Рафсанджани для пустой красоты книжки на полки не ставил.

Иранцы своеобразно деликатны даже в нецензурной брани. Самое распространенное — «педар сухте» — «отец, сгоревший в огне», подразумевает, что отец оскорбляемого человека по причине гибели в огне не попал в рай (?!). По грубости оно соответствует русскому «... твою мать» и употребляется в качестве как личного оскорбления, так и простого восклицания в разговоре.

Ругаются практически все, в том числе и интеллигенция, но до драк дело, как правило, не доходит.

Иранцы не отличаются особой храбростью, хотя трусами их тоже не назовешь. В беседе с иностранцем они любят вспоминать победоносных предков, ходивших в походы при шахах Аббасе I и Надире. При этом их не заботит, что среди тех героев собственно персов-то было раз-два и обчелся.

Иранцы любят свою страну, хотя многие эмигрируют. Они весьма способны к восприятию европейской культуры, делают это естественно и легко. Но, возвратившись в свою среду, немедленно переходят к прежней жизни по форме и содержанию.

Значительная часть мужского населения занимается торговлей. С раннего утра иранец сидит в своем магазине или лавочке на базаре. Он в меру трудолюбив, но южный климат делает свое дело, поэтому убиваться на работе он не будет ни при каких обстоятельствах. Понятие «агрессивная позиция на рынке» ему совершенно чуждо. «Кому надо, придет и купит», — считает он. И поскольку так ведут себя почти все, то в целом принцип оправдывается.

Но не следует считать, что иранская торговля — сонное царство. Совсем наоборот, особенно это касается базара. Здесь сосредоточена жизнь города: на огромном крытом пространстве размером в сотню, а то и больше гектаров продают, покупают, едят, пьют, не прекращается движение носильщиков, тележек, мотоциклов, пикапов, осликов с поклажей. Толпы покупателей движутся по кривым узким улочкам от лавки к лавке, мальчишки бегают с подносами, уставленными стаканчиками с чаем. Попад в этот хаос и суматоху, вы очень скоро начинаете понимать, что в них есть свой скрытый стройный порядок.

Городской базар — это отдельный мир, где происходят события, напрямую влияющие на жизнь всей страны. У иранцев имеется даже специальный термин «базариан» — это социальный класс иранского общества — торговцы базара, весьма уважаемые люди,

с которыми считаются все без исключения, в том числе и правящее духовенство. У них отлажены вековые коммерческие связи, цеховые порядки, есть свой этикет и, конечно же, хитрости.

В обхождении с покупателем иранский купец предельно учтив. Когда вы спрашиваете: «Сколько стоит?», он непременно отвечает: «Габель надаре!», что означает: «Не стоит того...», имеется в виду — бесплатно. Но попробуйте не заплатить! Я ради смеха однажды сделал вид, что понял эти слова буквально, взял товар, поблагодарил хозяина и направился к выходу. Бедняга чуть не заплакал.

С иранцем надо обязательно торговаться, это неотъемлемая часть процесса купли-продажи. Если вы торгуетесь весело, с душой, выдумкой, не жалея времени, вам непременно пойдут на уступки. Это доставляет иранцу огромное удовольствие, он ценит ваш юмор, сам умеет и любит шутить. Вместе вы разыгрываете мини-спектакль, который длится минут двадцать-тридцать, в результате чего цена может снизиться вдвое.

Если иранец вступает с вами в долгосрочные коммерческие отношения, главный вопрос, который будет его волновать помимо прибыли, — это сможет ли он вас обхитрить в процессе ведения дел. Ему необходимо быть уверенным в этом, поскольку сам он, исходя из опыта жизни, все время будет ждать от вас обмана. Если такой уверенности у него нет, он не чувствует себя в безопасности и в бизнес с вами вряд ли пойдет. Поэтому, выстраивая деловые отношения с персом, надо обязательно дать ему эту иллюзию: повесить морковку на удочку и держать

перед бегущим вперед ишачком. Уверяю, в результате все будут довольны.

Иранцы в своей массе доброжелательны, но эгоистичны и неискренни, причем по отношению не только к чужакам-иностранцам, но и к своим. По их собственному признанию, говорят одно, думают другое, делают третье.

Внешне иранцы-мужчины, особенно фарсы, красивый народ: среднего и выше среднего роста, хорошо сложены, имеют правильные черты лица, смуглые брюнеты.

Женщины также привлекательны: в основном брюнетки, с правильными чертами лица, тонким правильным носом, четко очерченными бровями, большими выразительными глазами, красивой грудью средних и выше размеров. Все, что ниже талии, к сожалению, в большинстве случаев вызывает грусть. Практически все – безобидные кокетки. На собственно иранца они не поднимут ресниц, но на иностранца непременно блеснут глазами, особенно если рядом нет своих. Но это ничего не значит, просто кокетство и любопытство у них в крови.

В основном женщины занимаются хозяйством в своем доме, иное муллы не поощряют. Исключение составляют остаточные случаи на государственной службе, медицинские сестры и секретарши в частных фирмах.

Положение замужней иранки нельзя назвать угнетенным. Наоборот, в большинстве случаев мужчина у нее под каблуком, причем без страданий. Жена имеет сильное влияние на мужа, в доме она полная хозяйка. При этом в отношении своих мужей иранки очень ревнивы, хотя те, как правило, повода не дают. В подавляющем

большинстве они добрые семьянины и очень любят детей. Я ни разу не слышал, чтобы родители здесь повысили голос на ребенка, о физическом наказании речь вообще не идет.

Разводы в Иране довольно редки. Причиной этого, на мой взгляд, являются традиционно высокие моральные нормы в отношениях между мужчиной и женщиной в сочетании с безжалостной системой наказания отступников: сексуальные связи вне брака во все времена, кроме периода Пехлеви, карались здесь очень сурово. Мужчинам, как ворам, отрезали уши, а женщин сажали в мешок с кошками и били палками по кошкам. Существовали и другие не менее экзотичные варианты, которые в начале прошлого века Реза Мохаммад-шах отменил. Хомейни, придя к власти, восстановил казнь в виде «забрасывания камнями».

Многоженство разрешено. Максимально допустимое количество жен — четыре. Но для большинства иранцев это признак убогой культуры. Полигамия присутствует у кочевников, незначительной части крестьян и торговцев базара. Не более того. Дома женщины-горожанки надевают обычную европейскую одежду, а на улице, после победы исламской революции, хиджаб — покрывало, скрывающее формы. Открытыми могут оставаться только овал лица, кисти рук и ступни. Прядь волос из-под материи (в мои годы) считалась фрондерством, а косметика — явной контр-революцией. Со временем положение слегка изменилось в сторону либерализации, но на первом этапе с этим вопросом было предельно строго. Нарушительниц арестовывали патрули Исламских революционных комитетов, доставляли

в свои штабы, где подвергали физическим унижениям, штрафам, нередко тюремному заключению.

Иранцы-мужчины, за исключением мулл, дома и на улице носят одежду европейского покроя. Правда, исламский переворот привел за собой новую моду, так называемый «стиль милитэр» — фасон наподобие военного. Он свидетельствовал о революционном настроении обладателя. Образ дополнялся обязательной небритостью, придававшей мужчине повышенную суровость. Так выглядели не только реальные исламские боевики, но и те, кто в целях безопасности пытался слиться со средой, хотя ничего общего с ней не имел. Про таких в народе с насмешкой говорили: «рише хафтадо нохом», что в переводе означает «борода семьдесят девятого», то есть щетину он начал отращивать после исламского переворота (приспособленец).

В последующие годы обстановка с мужской одеждой нормализовалась, за исключением шляп и галстуков⁶⁰. По мнению иранского духовенства, эта часть гардероба олицетворяет враждебную исламу культуру, символизирует образ мирового угнетателя, в связи с чем их обладатели не могут рассчитывать на революционное снисхождение.

Вспоминаются два случая.

Первый произошел в самом начале моей командировки. Я вышел из консульства купить газету. Для этого следовало

60 Во внешней атрибутике революционных переворотов, где основной движущей силой является люмпен, вне зависимости от стран и эпох очень много общего. В данном случае четко прослеживается аналогия с нашими френчами и кожанками времен Октябрьской революции, бородами и обращением к почему-то ненавистной интеллигенции: «Эй ты, в шляпе!»

перейти улицу. Мне пришлось остановиться на краю тротуара, чтобы пропустить поток машин, была сильная пробка. На небольшой скорости ко мне приблизился дорогой мерседес. Его владелец (из бывших) с ужасом посмотрел на меня, одетого в костюм с белой сорочкой и галстуком. Поскольку внешне я похож на иранца, он, видимо, принял меня за своего. В его глазах я увидел одновременно испуг и восхищение.

Он покрутил пальцем у виска, потом указал им на мой галстук и резко провел ладонью по своему горлу. Все вместе это означало: «С ума сошел, тебя же зарежут!»

Второй случай приключился на четвертом году «исфаганского сидения», когда у меня почему-то закололо сердце и я отправился к доктору. Профессор Данеш, известный в городе кардиолог, был почтенным мужчиной за семьдесят. Седые волосы до плеч, красиво зачесанные назад, свидетельствовали о благородном происхождении. На стенах в приемной и кабинете висели многочисленные дипломы американских и европейских университетов. Почему профессор до сих пор не удрал отсюда, оставалось загадкой.

— Доктор, — сказал я ему, — у меня болит сердце!

Он внимательно посмотрел на меня и неожиданно произнес:

— Вы очень счастливый человек!

— Спасибо. Но как вы определили? — поинтересовался я.

— Очень просто, — ответил пожилой аристократ. — Вы носите галстук!

— И что?

— Что значит «что»?! Меня, к примеру, за это могут повесить! — И он с ностальгической грустью посмотрел на мою грудь.

Мы уклонились от нужной темы, и я деликатно напомнил:

— Доктор, у меня болит сердце!

— И правильно, — отозвался Данеш, — в этой стране здоровых людей вообще нет. У кого не болит сердце, тот болен головой. А у кого с головой все в порядке и он понимает, что происходит, у того болит сердце.

Такая форма обследования меня совершенно не устраивала. Я покосился на лежавший перед доктором стетоскоп, как бы давая понять, что мне известно предназначение этой штуки, и тем самым направляя его на традиционную медицинскую форму общения с пациентом.

— Г-н Данеш! — настойчиво произнес я. — Колет вот здесь!

— Это все ерунда! — живо откликнулся тот. — Поезжайте в Майями! Рекомендую категорически. Вы дипломат, вам всюду открыта дорога. Три месяца на пляже, и как рукой снимет! Гарантирую! С благодарностью будете вспоминать! — дал свое окончательное заключение кардиолог-светило.

Я понял, что ничего иного от него не добьюсь (а других кардиологов в Исфагане не было), и притворно наивно спросил:

— Доктор, а вы не могли бы выписать справку... про это... ну, про Майями? Но только, чтоб непременно — три

месяца. Нужно ведь как-то объяснить руководству, почему я надолго уехал.

— Без проблем, — ответил Данеш и красивым почерком выправил мне соответствующий документ. На выходе его секретарша взяла с меня плату по профессорской ставке. Но за такую бумагу никаких денег не было жалко.

Иранцы — мусульмане-шииты. Разница с суннитами, если не вдаваться в подробности, у них примерно такая же, как у католиков и православных: на заре становления веры не поделили власть в общине и продолжают собачиться до сих пор⁶¹.

Ислам пришел в Иран вместе с арабскими завоевателями в середине VII в., вскоре после своего возникновения на Аравийском полуострове. С той поры он является господствующей религией в этой стране.

В Иране арабский ислам претерпел изменения. Иначе и быть не могло, ведь он попал на почву древнейшей культуры, наслои́лся на бытовавшие здесь до него вероучения: зороастризм, манихейство, христианство, буддизм, кроме того, он был навязан персам в результате их поражения в войне, что, естественно, вызывало протестные настроения. Но главное заключалось в том, что ислам как идеология вынужден был обслуживать в Иране совершенно иную социально-экономическую формацию: его изобретатели-арабы еще находились в процессе перехода от кочевого образа жизни к оседлому, а персы к тому времени имели тысячелетнюю развитую государственность.

61 Арабское слово «шие», от которого произошло слово «шииты», означает — партия.

Все эти факторы привели к тому, что иранцы, вынужденно приняв ислам, не поддались арабизации, более того, постоянно вносили в религиозное учение свои собственные изменения как концептуального, так и формального порядка, приспособлявая его под свой характер и нужды. Находясь в составе арабского халифата, они являлись носителями оппозиционных центральным властям настроений, неоднократно устраивали вооруженные восстания. Вырвавшись на свободу в конце IX в., остались мусульманами, но объявили своих угнетателей-арабов нарушителями заветов пророка, а себя — ортодоксами.

Любопытно, что при этом персы, верные своему извечному лукавству, никогда не отказывали себе в удовольствии под разными оправдательными предлогами пить вино, петь веселые песни, танцевать, курить опий, рисовать людей и зверей и т.п. Тон задавала элита, начиная с монархов и их окружения, включая великих иранских поэтов и ученых.

Наверно, поэтому и сегодня иранцы в своей массе хотя и религиозны, но без фанатизма. Многие из них критически относятся к собственным муллам, часто подтрунивают над ними, рассказывают анекдоты⁶², тем не менее подчиняются их власти. Бедняки, как всякий темный народ, опасаясь остаться без защиты перед сложностями жизни, а остальные из страха репрессий.

62 В мое время их по ночам краской писали на городских заборах. Они, как правило, высмеивали «мудрые» нравоучения мятежного аятоллы. «Огурец — зеленый!» — было написано огромными буквами и подпись — имам Хомейни.

В современном Иране степень религиозности зависит от социальной принадлежности человека, образования, общей культуры. Верующий иранец, как и все мусульмане, молится пять раз в сутки. Для этого существует несколько несложных приспособлений: Коран, моленный коврик и камешек из святого места (в большинстве случаев из Кербелы или Мешхеда). В ходе молитвы мужчина касается лбом камешка. Мозоль на лбу является признаком многолетнего и регулярного исполнения намаза. В среде верующих ее обладатель пользуется уважением. Впрочем, камешек — дело добровольное и мозоль на лбу у мужчин — явление нечастое, а у женщин мозолей я вообще никогда не видел.

Среди моленного инвентаря может быть также особый компас без делений на градусы, его стрелка указывает одноединственное направление — на Мекку. Но компас — это уже пижонство.

Иранцы терпимо относятся к иноверцам, но могут быть и весьма агрессивны, если кто-то, даже неосознанно, покушается на их религиозные каноны.

Характерная история произошла однажды на ТЭС в Исфагане. Как-то утром в генконсульство приехал начальник строительства Лукьян Акимович Айзбеков, очень уважаемый мною человек. Весь на нервах:

— Муллы собрали антисоветский митинг, полтысячи местных рабочих, собираются нас громить!

— Лукьян Акимыч, — говорю, — подробнее!

— Мы не так построили туалеты!

— А что там может быть не так?

— Не той стороной к Мекке!

Тут надо пояснить, что из себя представляла рабочая площадка ТЭС, а также местный туалет.

Теплоэлектростанция — это небольшой город, размещенный на сотне гектаров земли. Согласно проекту, на площадке должны иметься туалеты. Туалет на стройке — это деревянный скворечник с круглой дыркой в бетонном полу, под которым яма. Из дополнительных (местных) атрибутов — кувшин с водой для совершения омовения. Количество таких туалетов — около 100 штук. Где тут сложности?

Оказалось, что есть, и очень серьезные. Вопрос заключался в том, какой частью тела мусульманин должен быть обращен к Мекке в такой пикантный момент. Не задом, конечно, это понятно! Но и не передом, а только боком. Такие нюансы советским проектировщикам, естественно, были неведомы. И вот сейчас оскорбленные муллы призывают бить неверных. Наших там около тысячи мужиков, в обиду себя, конечно же, не дадут, но кому нужны эти проблемы.

— Лукьян Акимыч, — говорю, — а дело-то просто решается!

— Да ну, а как?!

— Скворечники по оси поверни!

Окрыленный специальными знаниями, начальник строительства помчался назад, и антисоветские происки в тот же день были прекращены. Имелись, впрочем, и противоположные примеры, когда иранцы проявляли по отношению к нам небывалую терпимость.

В Исфагане расположено несколько мировых памятников исламской архитектуры. Одним из них является гробница суфийского дервиша Абу Абдоллы, больше известная как «Качающиеся минареты». Это миниатюрная мечеть с двумя кирпичными минаретами на входе. Подняться в башенку одновременно может только один человек, уж очень она узкая. Ее верхняя площадка находится невысоко, на уровне третьего этажа обычного здания. Если, оказавшись на этой площадке, вы начинали перемещать свое тело справа налево или наоборот, минарет повторял ваши движения. Но самое интересное, что в такт ему раскачивался и второй минарет. Так они удивляли и радовали людей с четырнадцатого века до семидесятых годов двадцатого, пока наши со стройки не приехали сюда по профсоюзной линии. Им местком организовал экскурсию. Советские тетки (по 10 пудов живого веса) залезали в башенки и раскачивали их. Да с визгом, с гиканьем. Туда потом долго никого не пускали. Даже местных. Года через два мне довелось заглянуть. Минареты уже не качались — их пришлось изнутри укрепить каким-то хитроумным способом, чтоб не обрушились. И, что странно, никто по этому поводу слова плохого нам не сказал⁶³.

Как у всех нормальных людей, в жизни иранцев происходят и веселые и траурные события.

Главный траур — Ашура. Он посвящен памяти имама Хосейна, внука пророка Мухаммеда, поднявшего восстание против погрязшего в пороках халифа Язида. Хосейн был

63 Говорят, к настоящему времени их частично восстановили, но посетителей в башенки все равно не пускают.

жестоко убит в битве при Кербеле⁶⁴ в 680 г. По преданию, ему нанесли 69 ран. Затем враги разрубили его тело на части и разбросали Бог знает куда. Для шиитов Хосейн — символ борьбы за чистоту веры.

В дни Ашуры толпы верующих ходят по улицам городов и сел «в поисках останков имама», славя его благие деяния и поминая вероотступников и тиранов недобрыми словами.

Траур длится несколько дней и имеет форму мистерии, которая в реальном времени повторяет ход битвы и мученическую смерть Хосейна. Шествия возглавляют, естественно, муллы, за которыми следуют группы небритых мужчин в черных рубашках. Они бьют себя по спинам плетками из металлических цепей, скорбно восклицая: «Ах, Хосейн! Вах, Хосейн!», за ними идут обычные люди. В России этот траур известен под названием «шахсей-вахсей».

Самое веселое торжество — Ноуруз⁶⁵ (Новый год). Это к тому же единственный нерелигиозный праздник. Он существует с языческих времен, задолго до прихода в Иран ислама. Его отмечают в начале весны. Люди готовят угощение, ходят друг к другу в гости, дарят подарки, покупают новые вещи, а старые, кому позволяет материальное положение, раздают беднякам. В принципе почти всё, как у нас, только никто не напивается и не хулиганит.

Обычные дни отдыха иранцы любят проводить за городом на природе. Я часто наблюдал, как целые семьи, а

64 Кербела является шиитской святыней, сейчас это территория Ирака.

65 Дословно: новый день (перс.).

здесь это много народа, располагаются на траве недалеко от дороги, по возможности в тени, рядом с бегущей водой, кушают, о чем-то неспешно беседуют, дети бегают, бабушки и мамы периодически пытаются их чем-нибудь накормить. В общем нормальная жизнь, нормальные люди.

Иранская кухня не славится особыми достижениями. Главные блюда — плов и кебаб. Конечно, это не единственная еда, но так или иначе все крутится вокруг одной темы. Имеются кое-какие экзотичные для нас кушанья, например жареные ослиные яйца. Вкусно, но мало чем отличается от куриного мяса.

В Иране далеко не все едят сытно. Бедные люди, а их большинство, питаются фруктами, зеленью, фасолью, хлебом. К примеру, наш садовник Махмуд обедал арбузом, разрезав его пополам и ложкой черпая, как из тарелки.

Иранцы любят сладости. Традиционные — это халва, нуга, пахлава, сухофрукты, орехи.

Халву готовят повсеместно в полудомашних условиях в мелких лавочках, там же и продают. Она лежит на прилавках в огромных алюминиевых тазах, откуда хозяин отрезает ножом сколько вы скажете. Рецептов — уйма, у каждого свой, но качество всюду отменное — иначе не купят. О вкусе рассказывать бессмысленно, надо пробовать! Вкус, как говорил классик, — «списифисский», и, познав его, уже не захочется взять фабричную ерунду в красивой упаковке, которую продают у нас в супермаркетах.

Сухофруктов много: инжир, финики, курага, яблоки, груши; из ягод — вишня, тута. Но самый распространенный вид сухофруктов — кишмиш. Причина

простая: винограда — хоть отбавляй, а вино вне закона. Кишмиша здесь десятки сортов. Один мне особенно полюбился, у нас такого в продаже нет: длинный (до трех сантиметров), без косточек и зеленый! Берешь три штучки, добавляешь одно ядрышко крупного миндаля... и лучшей закуски к хорошему коньяку не найти! Но иранцы употребляют кишмиш, естественно, в ином сочетании.

Из орехов на первом месте по благородности — миндаль, затем кешью, фисташки, грецкий, фундук и арахис. Есть еще сушеный соленый горох, семечки тыквы и подсолнуха. В этом списке продуктов самый любимый и распространенный — фисташки. Ими торгуют повсюду: сырыми, жареными, очищенными и в скорлупе, расфасованными и на вес. Это — крупный орех, светло-зеленого цвета с нежно-розовой цедрой в приоткрытой скорлупе. Имейте в виду: то, что продается у нас в магазинах, — без исключения больные орехи. У них не хватило сил раскрыться естественным образом, тогда хитрые люди положили их в воду, а потом нагрели на сильном огне. Скорлупа лопнула, обнажив кривые мелкие ядра, их засыпали большим количеством соли и прожарили выше нормы, чтобы скрыть отсутствие вкуса. В Иране никому и в голову не придет выставить такую пакость в витрине — заплуют тут же! Но иностранцу, который сам хочет это купить, почему не продать?!

Иран является крупнейшим экспортером фисташек в мире. 70% бизнеса принадлежит семье экс-президента страны Рафсанджани. Я, кстати, был первым, кто в 1993 г. импортировал в Россию иранские фисташки, купив партию

в 40 т у его фирмы. Отменный был товар. Жаль, потом конкуренты «сломали» рынок, начав покупать отбросы.

Иранцы живут в окружении красивой разнообразной природы. У них есть моря, снежные горы, джунгли в субтропиках, большие плодородные равнины и даже пустыни. При этом огромные территории до сих пор остаются нетронутыми человеком. Теплый солнечный климат на значительной части пространства создает необыкновенный комфорт. Люди здесь, безусловно, умеют видеть и ценить красоту. Однако особенностью их восприятия красоты, точнее, вкуса городского человека является видение отдельной вещи, детали, мелочи при редкой способности собрать их в единый ансамбль. Это отражается во всем — от одежды до современной архитектуры.

Исламская революция 1979 г. перевернула вверх дном всю городскую массовую культуру, сложившуюся с начала двадцатого столетия: исчезли национальные театр, эстрада, кинематограф, значительная часть собственной и зарубежной художественной литературы. Под строжайший запрет попали азартные игры, куда отнесли в том числе шахматы. В спорте остались в основном футбол, борьба, поднятие тяжестей.

Слава Богу, не стали душить изобразительное искусство: миниатюры и чеканку. Благодаря этому замечательному обстоятельству сейчас на стенах моего кабинета висят необыкновенной красоты работы знаменитого на весь Иран исфаганского художника Оховатпура с дарственной надписью: «Дорогому другу, Ревазу Утургаури».

Обобщая всё сказанное выше, доложу вам свое личное мнение об иранцах: если исключить из оценки религиозных фанатиков, в целом — очень симпатичный народ. Только надо держать ухо востро!

ИСАА при МГУ, или О ПОЛЬЗЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова в мои годы был лучшим вузом страны, где преподавали восточные науки и языки.

Наши ребята распределялись в МИД, КГБ, МВТ, становились журналистами-международниками, т.е. получали самую престижную и высокооплачиваемую по тем временам (для гуманитариев) работу. ИСАА был мужским институтом, девочек туда почти не принимали. Все объяснялось достаточно просто. Дело в том, что изучение китайского, японского, арабского и даже незамысловатого языка фулла, на котором в Африке беседуют десять миллионов не очень образованных людей, — вещь архисложная. На это уходит минимум пять-шесть лет. И если получив уникальное и дорогостоящее образование за счет государства, выпускник вуза вдруг решил выйти замуж, забеременеть и в Африку к папуасам не ехать, то как быть казне с потерянными деньгами? Поэтому девочек в ИСАА можно было по пальцам пересчитать. Это, конечно, печалило, но, с другой стороны, давало и положительные результаты — мы меньше отвлекались от дел. А их было невпроворот.

Нас, длинноволосых (по моде тех лет) молодых людей, прессовали в высшей степени талантливые преподаватели. На вооружении у них были знания и методики, отшлифованные в течение нескольких веков российской и советской востоковедческой школой. По языку нас дрючили особенно. Занятия попеременно вели два преподавателя, один из которых обязательно был носителем языка. Мы занимались

с ними как проклятые, по несколько часов в день, а потом еще самостоятельно в лингафонном кабинете.

Существовало негласное правило: если студент «тянул» восточный язык, ему прощали любые грехи. Если язык «не шел», но в целом парень был не дурак, то не выгоняли, а переводили на другой факультет МГУ: исторический, филологический, юридический — там тебе и воля, и девочки.

В отношении преподавателя персидского языка мне особенно повезло. После вынужденного академического отпуска, в который я угодил по причине неуспеваемости в связи со страстной и разделенной любовью на первых двух курсах, мне посчастливилось очутиться в группе Ирины Константиновны Овчинниковой. Ирина, как мы ее называли, являлась автором учебников и словарей, которыми иранисты пользуются до сих пор. Она была великолепным методистом, любую тему преподносила так, что понять мог даже слон в зоопарке. Кроме того, она считала личным для себя оскорблением, если ее студенты учились плохо. После институтских занятий Ирина Константиновна грузила меня книжками и тетрадками, которые ей самой нести было трудно (она страдала пороком сердца), и на троллейбусе с Охотного ряда везла на Маяковку к себе домой. Там кормила обедом и сажала рядом с собой делать уроки. Это происходило три раза в неделю и продолжалось год. О деньгах не было речи, максимум, что она принимала, — недорогие цветы. Благодаря этому уникальному человеку я не стал студентом истфака, филфака, юрфака, а через несколько лет с отличием окончил ИСАА.

Помимо первого восточного языка мы должны были изучать еще западный: английский, французский, а также второй восточный. Для иранистов это были арабский или пушту. Вы когда-нибудь слышали, как говорят на пушту? Положите в консервную банку пригоршню гвоздей, привяжите к хвосту дворового кота и смажьте ему задницу скипидаром... В общем, мы настояли, чтобы нам дали арабский. Но арабский раз в двадцать сложнее фарси, а на изучение отводилось всего два года! Естественно, что второго восточного никто толком не знал. Единственное, что отложилось в моей памяти от занятий арабским, — это несколько строк из маленьких рассказов, с которых начинался институтский учебник: «захаба мухаммед аль хахира ва назала фей фундуги омейята», что означает: «Вошел Мухаммед в Каир и остановился в гостинице “Омейяды”». И еще: «хараджа наболиун мын мыср ва...», т.е. «Вышел Наполеон из Египта и...», но последнее, в отличие от первого, в дальнейшем не пригодилось.

Несмотря на титанические усилия преподавателей и каторжный труд студентов, без прохождения языковой практики в стране выучить восточный нельзя. Поэтому на третьем-четвертом курсах студентов ИСАА посылали доучиваться на Восток: отличников — в вузы, а остальных — на так называемые «объекты советско-чьего-то экономического сотрудничества», а попросту говоря, стройки. На одну из такихстроек в 1977 г. отправили и меня. И поскольку в те годы знаниями я не блистал, то очутился, согласно ранжиру, в дикой глуши на юге Ирана. Там в солончаковой пустыне наши строили ТЭС.

Мой путь лежал из Москвы в Тегеран самолетом, с остановкой в столице на несколько дней для оформления документов, а дальше поездом в Ахваз. Мне было чуть больше двадцати лет, и я волновался. Хорошо понимал, что языком не владею и ждут меня скорые разоблачение и позор. На почве волнения забыл проследить за чемоданом, и он из аэропорта напрямую уехал в Ахваз. Остался я в Тегеране в одних штанах и рубашке, а главное, без словаря. Это было великой бедой, поскольку мой собственный вокабуляр был достаточно скромн. Вторым по значимости поводом для беспокойства было отсутствие зубной пасты и щетки. Я знал, что за границей их продают не в хозяйственных магазинах, как у нас, а в аптеках. Но как по-персидски зубная паста? Спросить у тегеранских коллег — значит расписаться в безграмотности, такое исключено, потом пересудов не оберешься. Мысленно выстроив план действий и текст своей речи, я отправился на поиски нужных товаров.

— Мир вам, господин! — сказал я, открыв дверь аптеки.

— Здравствуй! — пожилой аптекарь посмотрел на меня удивленно.

— Уважаемый господин, — обратился я к старшему по возрасту человеку, стараясь правильно, как учили, произносить долгие и короткие гласные, — не будете ли вы настолько любезны, чтобы продать мне то химическое вещество, которое используется для чистки зубов?

Брови аптекаря полезли на лоб, рот приоткрылся. Но пауза оказалась недолгой, он понял, что я иностранец, по-доброму улыбнулся и спросил:

— Где ты так хорошо выучил персидский?

— Я являюсь студентом Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. Михаила Ломоносова! — с гордостью процитировал я первые строчки урока № 1 учебника первого курса.

Аптекарь искренне рассмеялся.

— Молодец! — он снял с полки и протянул мне пластмассовый тюбик. — Это называется зубная паста, а это, — он вынул щетку, — зубная щетка. Это тебе от меня подарок!

Так безболезненно, спасибо доброму человеку, произошел мой первый языковой контакт в Иране. Он, правда, не изменил самооценки, но дал ценный практический опыт, что в дальнейшем позволило действовать смело.

Ахваз встретил меня неожиданной этнографической загадкой: советские специалисты, их там было больше трех тысяч, всех местных жителей называли гургенами. Вообще-то иранская провинция Хузестан (в прошлом — Арабестан) всегда была населена арабами, здесь и по-персидски-то мало кто говорил. И я никак не мог понять, при чем тут армянское мужское имя Гурген?! Попытка разобраться в этом вопросе и тем более вступить с нашими в спор ни к чему не привела.

Загадка раскрылась несколько позже, когда я вжился в среду и узнал обстоятельства десятилетней давности, ставшие причиной гургенизации Хузестана.

Стартовая команда советских спецов, приехавшая в Ахваз начинать строительство, состояла из дюжины геодезистов. Теперь спросите себя: что в первую очередь

попытается сделать наш человек, тем более рабочий-строитель, попавший в чужую глухомань? Совершенно верно — отыскать кабак! Дело происходило в шахские времена, и кабаки были даже в пустыне. Теперь до раскрытия тайны осталось совсем чуть-чуть. Да, да — хозяином был армянин! И звали его Гурген! Каким образом он здесь очутился, не знаю, но известно, что делал — поил наших водкой. Частота посещения его заведения советскими специалистами и количество выпитого привели к ошибочному обобщению: Гурген двоился, троился и так далее...

Вскоре в Ахваз приехала вторая группа спецов, третья, четвертая. Теперь спросите себя: куда в первую очередь поведет наш человек, уже обжившийся на месте, другого нашего человека, только что прибывшего сюда? В общем, все ясно — цепная реакция.

Через десять лет, к моменту моего приезда, никакого Гургена в Ахвазе не было и кабака его тоже, о них никто и не помнил. Но три тысячи советских людей, включая женщин и детей, искренне полагали, что эту землю населяет народ — гургены.

Я рассказал эту историю потому, что с гургенами был связан мой первый рабочий день на стройке. В середине дня в бюро переводов заглянула секретарша начальника строительства. «Слушай, — сказала она, — там какой-то гурген пришел, чего-то хочет, а чего — не понять. Начальник сказал, чтобы ты разобрался».

Я вышел из здания строительного управления и сразу столкнулся с местным арабом. Классический вариант — рубаха до пят, на голове платок. «Мархаба!» — произнес

он арабское приветствие, подтвердив свою национальную принадлежность. Я оказался перед малоприятным выбором: или попытаться объяснять нашим, что это — араб, а я — переводчик персидского языка, что арабский язык я знать не обязан, а араб, который родился в Иране, мог бы персидский и знать, но почему-то не знает; или разобраться с арабом своими силами без объяснений с начальством. Учитывая историю народа «гургены», я выбрал второй вариант.

«Мархаба!» — еще раз поздоровался араб, чтобы обратить на себя внимание.

В ответ я приветственно раскинул руки и громко произнес: «захаба мухаммед аль кахира ва назалья фей фундуги омейята!»

Араб дернулся, его глаза расширились от испуга. Он подобрал полы длинной рубахи и, прыгая через лужи (было начало хузестанской зимы), бросился наутек.

— Чего это он? — спросили меня вышедшие покурить инженеры.

— Ошибся, забрел не туда, — спокойно ответил я.

Возвращаясь в контору, я услышал за спиной одобрителный разговор: «Ты глянь-ка, гурген этот всего одно слово сказал. А наш новый как выдал ему по полной. Толковый, видать!»

Через пару часов араб появился снова, на этот раз вместе с сыном-школьником, знавшим персидский язык. С его помощью мы объяснились. Араб оказался шейхом соседней деревни. Наш бульдозер по ошибке засыпал его арык, и он пришел жаловаться. Проблему сразу решили, и все остались довольны.

На стройке в Ахвазе я быстро вырослел. Работа способствовала не только совершенствованию знаний персидского языка, но и расширению жизненного опыта в целом. Нас было три переводчика на несколько тысяч советских людей. Поэтому приходилось заниматься самыми разнообразными делами, начиная от переводов миллионных контрактов, кончая сопровождением дам к врачу-гинекологу. Что такое матка и маточные трубы, я узнал именно там, на стройке, причем по-русски и по-персидски одновременно. Дамы ложились в кресло, доктор работал у них в ногах, а я стоял сбоку и переводил. Пациенток это совсем не смущало, они общались со мной как с близким человеком, в их интонациях звучала полная доверительность. Перед походами к врачу я подробно расспрашивал женщин о проблемах, а потом со словарем готовился к переводу, они это ценили. Расположение женщин ко мне было очевидным для иранцев.

Поначалу доктор Ладжварди, гинеколог городской больницы, относился к этим визитам спокойно. Но на пятый раз я заметил в его глазах легкое удивление, на шестой и седьмой он был безусловно растерян, на десятый — подавлен. Уже не помню, который по счету это был визит, когда он не выдержал и спросил: «Господин Реваз, я не могу понять! Даже у нас, мусульман, четыре жены — это предел допустимого. Сколько же жен может иметь коммунист?!» Интеллигентному доктору и восточному мужчине в голову не могло прийти, что я вожу к гинекологу НЕ СВОИХ жен! Пытаться объяснить ему, что и как, было так же бессмысленно, как нашим растолковать про

гургенов. Поэтому я не стал развивать эту тему и коротко отсек: «Это не жены, это товарищи по партии, у нас строгая дисциплина, я выполняю приказ!»

Бедный, бедный доктор Ладжварди, если бы не исламская революция, разразившаяся буквально через несколько месяцев, это сообщение наверняка стало бы самым серьезным потрясением в его жизни.

Стройка в Ахвазе была серьезной школой во всех отношениях. Хузестан — это адское место. Всю зиму (пять месяцев) — проливные дожди, летом (пять месяцев) + 50°С и выше! И это в тени! А тени, как известно, в пустыне нет! Зимой, поскольку кругом солончак, вода не уходит в почву, разливается огромными лужами, в которых можно утонуть. Эти лужи черные, красные, желтые, бирюзовые (побочный результат развития нефтехимической промышленности). В них по голову стоят худые коровы и жуют целлофановые пакеты — больше жевать им нечего. Когда наступает жара, вода испаряется и на огромном плоском пространстве толстым слоем остается блестящая белая соль. Местные женщины-арабки выходят «в поле» с большими тазами на голове и, черпая ладонями, собирают дары природы.

Жару, страшней, чем в Хузестане, я в жизни больше нигде не встречал. Возьмите зажигалку и поднесите кончик пламени к ногтю большого пальца руки. В тот момент, когда резкая боль заставит вас палец отдернуть, на поверхности ногтя +50°С!

После 45°С каждый последующий ощущается как дополнительные десять. Невозможно ошибиться — 46 сейчас или 47, слишком уж разница велика. После 48-ми

воздух превращается в густой кипящий кисель, который обжигает при движении. Каждый шаг дается с трудом. И не дай Бог дотронуться до металла! Многие не выдерживали. Несколько раз я сам наблюдал: работает сварщик на высокой отметке, над головой у него пекло градусов 80 и перед ним дуга в 8000. Смотришь, раз и скувырнулся, повис на поясе. Ну и бежишь вместе со всеми снимать. Самая высокая температура, которую мне довелось испытать, +52°C.

Скидок на жару не было. Залезешь в такую погоду по скобам на отметку 200 дымовой трубы, растолкуешь там персам, что от них требует инструкция по технике безопасности, и мало не покажется. Кстати, насчет ТБ. Мне приходилось в большом количестве переводить тексты наглядных пособий, и официальных и народного сочинения. И это была очень полезная практика. Самый внушительный (самодельный) плакат висел на участке строительства дымовой трубы у инженера-москвича Аркаши Флоринского. На здоровой фанере красным цветом было написано по-русски: «Лучше семь раз пристегнуться, чем один раз наебнуться!». Действовало неотразимо. «Можешь на фарси перевести?» — спросил меня как-то Аркаша. К тому времени прошло уже полгода моей стажировки, и я с уверенностью ответил: «Могу».

Интересной и очень полезной практикой стала для меня подготовка к визиту на стройку шаха Ирана Мохаммада Реза Пехлеви.

Я столкнулся с незнакомым мне до сих пор высоким стилем персидского языка. Обыкновенный глагол «амадан» — «приходить, прибывать», в случае когда дело

касается уважаемого человека, превращается в «ташриф авордан», что дословно означает: «приносить (свой) почет». Но когда речь заходит о коронованной особе, иранцы произносят «ташриф-фармай» — «соблаговоление почета». И все приподнимаются на цыпочки.

С визитом шаха мне здорово повезло, я до сих пор ему благодарен. Если бы не Мохаммад Реза, я так бы и вернулся домой с одним только строительно-гинекологическим лексиконом.

Моим учителем высокого стиля персидского языка в течение целого месяца был милейший человек — полковник контрразведки САВАК. Внешне как две капли воды он походил на нашего институтского преподавателя Ахмеда Керимовича Мамед-заде, члена иранской коммунистической партии (Туде). Это веселое обстоятельство, известное только мне, создавало хорошее настроение и повышало усвояемость материала. Мы сидели с полковником в прохладном кабинете стройуправления. Он листал досье советских специалистов, которые в день визита допускались на стройку, потом беседовал с каждым из них, а я переводил. По ходу мы говорили о персидской литературе, истории Ирана и просто о жизни. Он был добродушным, умным, великолепно образованным интеллигентом, подробно и интересно отвечал на мои вопросы. Ему импонировало, что я знаю Хайяма, Хафеза, Фердоуси, Рудаки. Когда речь зашла об истории Ирана начала двадцатого века и я высказал мнение о том, что Мирза Кучек-хан патриот и герой, полковник просто растаял. А после того, как я прочитал на память слова песни «Поцелуй меня...», с ним произошло неожиданное.

— Скажи, — произнес он проникновенно, — кто всему этому тебя научил?

— Преподаватели в университете.

— Кто они?

— Иранцы.

— Коммунисты?

— Да, коммунисты. Но знаете, они любят родину не меньше, чем вы.

— Слушай, — в голосе полковника неожиданно зазвучали просительные нотки, — назови имена, я же их всех лично знаю!

В тот момент у меня не было никакого сомнения: старый контрразведчик не имел темных мыслей. В глазах пожилого человека стояли слезы. Это была совершенная ностальгия по молодости и, возможно, бывшим друзьям, с которыми пути разошлись в противоположные стороны. В эту секунду я вдруг ясно увидел — он похож на Керимыча не только внешне.

— Не обижайтесь, — ответил я, — не могу.

Он понимающе кивнул.

От нашей совместной работы помимо лингвистических приобретений у меня осталось удостоверение личности, выданное перед визитом шаха, где было написано: Министерство энергетики Ирана, Резван Гаури, переводчик персидского-русского языка, и поверх моего фото — печать САВАК⁶⁶.

⁶⁶ Иранцы часто путали мое грузинское имя — Ревас с персидским — Резван, а фамилию сокращали.

Шах прилетел к нам на вертолете, который пилотировал сам. Первыми вышли охранники, они оцепили машину. Затем ряд придворных и членов правительства и только потом Мохаммад Реза. Мы, советские специалисты: руководство объекта, часть инженеров и переводчики, стояли небольшой группой в ста метрах от вертолетной площадки. Вся территория стройки за сутки до визита была оцеплена контрразведкой. Высокие, крепко сложенные и одинаково одетые парни контролировали каждый метр. На земле перед ними лежали приоткрытые саквояжи. Что там внутри, я разглядеть не сумел. Шах проехал на джипе по разным участкам, потом остановился около нашей группы, вышел и обратился к начальнику строительства. Его интересовал только один вопрос: когда мы наконец построим ТЭС. Переводил шаху мой однокурсник Алик Бенинашвили, так же как и я, присланный сюда на стажировку. Алик по национальности — тат, жгучий брюнет, с большими навывкат глазами, крупным носом с широкими ноздрями, смуглой кожей — ну чистый аравиец. Персидский язык в нашей группе Алик знал лучше всех, а на стройку попал по причине неарийского происхождения. Шах слушал его перевод внимательно и, когда он закончил, спросил:

— Ты где выучил русский?

Алик расправил плечи, раздул аравийские ноздри и, прямо глядя в глаза шахиншаху Ирана, гордо сказал:

— Я сам — русский!

Возникла пауза. Мухаммад Реза изумленно смотрел на Алика, оценивая экстерьер. Все знали, что шах считает себя

проницательным человеком и этим весьма гордится. Было видно: ошибка его коробит.

— Тогда скажи, откуда знаешь персидский? — шах сдвинул брови.

— Выучил в Московском университете, — коротко ответил Алик.

— Ну что ж... — сказал шах, не раздвигая бровей, — хорошо выучил.

На этом исторический визит иранского монарха завершился⁶⁷.

Шах улетел к себе в Тегеран, а мы остались на прежнем месте с планом опережения графика строительства, которое должно было закончиться три года назад.

Проблем на стройке хватало. Причиной большинства являлись разгильдяйство и глупость. Как пример, расскажу о подъемном кране. Был у нас кран на базе автомашины. Его отгрузили из Союза в Иран как «временный ввоз» и, чтобы сэкономить на таможенной пошлине, в документах указали: «запчасть козлового крана». На стройку тогда отправляли состав за составом, всего не проверишь, и иранцы шлепули на эти бумаги печать. По прибытии техники в Ахваз возникли два безответных вопроса: как вывезти кран из Ирана назад? Но это — дело далекого будущего, а насущный вопрос — как на запчасть козлового крана оформить автомобильный номер, без которого машина ездить не может, а следовательно, обречена на простой. Сунулись

67 Визит действительно исторический. Это была последняя в жизни шаха поездка по собственной стране. Через полгода, в результате государственного переворота, он навсегда покинул Иран.

направо-налево, но иранцы разводят руками — козловой кран по дорогам не ездит. Наших такой ерундой не унять: «Как не ездит?! Обязательно ездит! Не ставите номера, ну и хрен с вами, поедет без номеров!» И поехал! Через пять лет его все же арестовали жандармы и поставили к себе во двор. Вызволять кран из жандармских застенков отправили меня. Тут нужно добавить немаловажную деталь: к моменту ареста машины на ней уже не было крана, его заменили цистерной для перевозки воды.

Жандармское управление провинции Хузестан смахивало на крепость: глухие стены, по углам вышки, посередине ворота, на входе вооруженные часовые. Мне надо было каким-то образом попасть внутрь, и желательно непосредственно к руководству. В лоб не пройдешь, следовало что-то придумать. Выручило меня то самое удостоверение с печатью контрразведки. Я предъявил его дежурному офицеру и сообщил, что хочу видеть начальство, но приехал вместе с советским шофером и не знаю, как правильно поступить.

— Шофера придется оставить снаружи, — ответил дежурный, взяв под козырек, — а вы, пожалуйста, проходите.

Он снял телефонную трубку и доложил обо мне по инстанции.

В кабинет начальника жандармерии я вошел, минуя всех сидящих в приемной. Судя по реакции, он полагал, что имеет дело с сотрудником контрразведки, приставленным к советским специалистам. Моя совесть при этом была совершенно чиста — я же не говорил, что работаю в САВАК, и не подделывал ее печати.

— Ну как я отдам им эту машину, на нее же нет документов? — возмутился жандармский полковник.

— Как это нет?! — я протянул ему таможенные бумажки.

Полковник внимательно их прочитал.

— А что такое «козловой кран»? — спросил он меня. Я объяснил (по-персидски — это «кран — ослиные ноги»).

Полковник посмотрел через окно во двор:

— Позвольте, но там же стоит грузовик?!

— Ну да, грузовик, — сказал я невозмутимо. — Понимаете, таможенники в Джульфе напутали. В декларацию вместо «подвижного» вставили «козловой». Вы же знаете джульфинцев, им что «подвижной» кран, что «козловой»...

Сваливая вину на северян, я бил без промаха: север и юг традиционно недолюбливали друг друга.

— Это точно, — согласился жандарм, — от этих парней никогда не знаешь, чего ожидать. — И он еще раз глянул во двор:

— Постойте, но там же цистерна!

— Ну да, цистерна, — опять согласился я, — это уже на стройке советские поменяли... у меня с ними столько проблем!

Я вернулся назад сидя за рулем мутанта-грузовика, гордый сделанной работой — это был уже не технический перевод, это было высокое творчество!

В самом конце стажировки со мной приключилась одна небольшая история, о которой стоит упомянуть. Как-то раз меня отправили в Абадан. Ничего особенного — рядовая командировка. Предстояло проехать 160 км, зайти

на торговую фирму, сделать нужный для стройки заказ и вернуться назад. В тот день я почему-то немного задержался с отъездом и добрался к месту в обеденный перерыв, который на юге длится не менее четырех часов. Чтобы не жариться на солнцепеке, зашел в первый попавшийся кинотеатр. Там, как помню, шла легкая американская порнушка. После окончания обеденного перерыва сделал дела и вечером был в Ахвазе. А на следующий день тот кинотеатр сгорел и вместе с ним куча народа. Это был «Рекс», с поджога которого началась в Иране кровавая смута.

Ее первыми признаками стали появившиеся из ниоткуда фотографии аятоллы Хомейни. Водители автобусов, доставлявшие нас из жилого поселка на стройку, въезжая в сельскую местность, водружали их на лобовое стекло, а возвращаясь в город, который контролировали армия и жандармы, меняли на портрет шаха.

Мне довелось застать лишь начало событий. Осенью 1978 г. я вернулся в Москву и продолжил учебу.

Ахваз сыграл важную роль в моей востоковедческой биографии, никакой иностранный университет не дал бы больше. Знания, приобретенные в тот период, стали прочной основой. В дальнейшем они постоянно расширялись, совершенствовались и применялись на практике, наиболее активно в период дипломатической службы. В общем, как правильно говорил основатель нашего университета: «Зря ничего не пропадает!»⁶⁸

68 На самом деле закон сохранения массы вещества звучит совершенно иначе (sogru).

В 1985 г., будучи уже дипломатом, я приехал из Исфагана в посольство. В тот период советско-иранские отношения были перенакалены. В Тегеране наши находились в ожидании очередного нападения. Ребята предельно устали. Меня попросили подежурить в приемной посла и заняться скопившейся рутинной работой — переводом писем и нот иранского МИДа. Я присел за широкий стол, заваленный стопками документов и уставленный телефонами, и стал разбирать бумаги. Работы было действительно много. К тому же большая часть корреспонденции, в силу упомянутых обстоятельств, содержала каверзы и завуалированные оскорбления, что портило настроение. Помимо этого постоянно звонил городской телефон, по которому несколько одних и тех же голосов на неграмотном персидском языке сообщали, что они «отымеют советскую маму!» «Алло, это посольство русских? — спрашивал голос. — Я твою маму... я твоего папу!...» Реагировать адекватно было категорически запрещено. По инструкции полагалось молча выслушать, дать выговориться и только после этого повесить трубку. Таким образом подчеркивались наше спокойствие, выдержка и безусловное превосходство над невидимым противником.

На столе стояло три городских телефона. Они непрерывно трещали и требовали ответа. Один из них, не угадаешь какой, с периодичностью в пять-шесть минут разражался похабнейшей бранью. Было понятно, что это не «глас народа», а местные спецслужбы компостируют мозги. Приемчик несложный, дешевый, но действенный. Любой нормальный человек в конце концов выйдет из себя. А на следующий день за телефоны сядет новый сотрудник

посольства и тоже получит свою порцию желчи. Такая вот дрянь.

В середине дня я коротко доложил об этих звонках послу и офицеру безопасности (так положено) и получил указание — терпи!

Мое молчание возмущало и распаляло звонивших: «Алло, это посольство русских? Чего молчишь?! Обосрался?!» И затем — известная уже тирада.

Настал вечер, кончился рабочий день, здание посольства опустело, но телефон в приемной продолжал звонить без умолку. Эта гнусь тянулась уже четырнадцать часов. И я подумал: «Чем я рискую? Рядом ведь никого уже нет». Одновременно в памяти промелькнули: Ахваз, стройка, дымовая труба.

— Алло, посольство русских?

— Да, посольство.

На той стороне произошло некоторое замешательство — я говорил без акцента, это дезориентировало. Но все-таки после короткого интервала оттуда вновь прозвучало: «Маму!.. Папу!..»

Я спокойно все выслушал и, когда он выдохся, вежливо спросил: «Ты все сказал?»

На той стороне снова возникла пауза, и совсем уже нерешительно: «Ну да... А что?»

— Кейфуешь?

— Ну, кейфую... А что?

— Хочешь послушать, что я скажу?

— Ну, скажи.

— Запоминай! Я тебе так в жопу вставлю, что у тебя пупок мхом покроется!!!

В трубке возникло гробовое молчание, потом ее аккуратно повесили. Я же забарабанил кулаками по груди вроде Кинг-Конга и победно взревел. И в этот момент шестым чувством вдруг ощутил чье-то присутствие за спиной. Обернулся. Сзади, в раскрытых дверях своего кабинета, стоял Вил Константинович Болдырев, Чрезвычайный и Полномочный посол Союза Советских Социалистических Республик в Исламской Республике Иран. Невероятно! Откуда он взялся?! Все ведь давным-давно ушли?! Но вычислять было поздно, катастрофа произошла! Болдырев владел персидским, как русским, и это обстоятельство ставило жирный крест на моей карьере. Мне ясно представилось падение тела с высокой скалы в глубокую пропасть.

Болдырев смотрел на меня поверх приспущенных на нос очков. В его взгляде читалась заинтересованность профессионала, в руках он держал карандаш и блокнот.

— Ну-ка, ну-ка, — произнес посол, — повторите, пожалуйста, как вы сказали?

А В ЭТО ВРЕМЯ В ИСФАГАНЕ МЕСТНЫЕ МУЛЛЫ...

На первом этапе исламской революции иранское духовенство вело бой на два фронта: против внешних врагов, где всегда сохраняло единство, и одновременно между собой.

Раздоры в своей среде муллы скрывали, но делать это было непросто, поскольку их свара подчас принимала свирепые формы.

Сторонники Хомейни не имели такой экономической и материальной базы, как их религиозно-политические противники. Они стремились укрепиться в государственном руководстве и, используя эти позиции, двигаться дальше к абсолютной власти. Делалось это жестко, без сантиментов: если надо, в воздух взлетал целиком съезд партии, и неважно, что собственной, исламской! Теракт списывали на леваков, а погибших объявляли шахидами и прославляли.

В начале 1983 г., после трех лет кровавой резни, когда общие враги были закопаны, скрывать междоусобицу от посторонних глаз стало еще сложнее.

Я прибыл в генконсульство именно в этот период.

Исфаган, с населением 2,5 млн. человек, является самым крупным административным и религиозным центром юга Ирана. Здесь действуют свыше 300 мечетей, два духовных медресе и теологический центр.

Накануне исламской революции особым влиянием в провинции пользовались великие аятоллы Гольпаегани и Хомейни⁶⁹. Последователи Хомейни подвергались притеснениям не только со стороны шахских властей. Традиционно сильная здесь группировка Гольпаегани всячески противодействовала росту чужой популярности.

Внешне противоречия носили форму религиозного спора: ортодоксальное духовенство не признавало теорию «веляйте факих»⁷⁰. На самом же деле борьба шла за паству и контроль над сбором добровольной и обязательной подати мусульман — «садака» и «закят».

69 Титул мусульманских шиитских богословов: пятая (высшая) ступень в иерархии — аятолла оль-озма («великое знамение Аллаха»), четвертая — аятолла («знамение Аллаха»), третья — ходжат оль-эслам валь-мослемин («доказательство истины ислама и мусульман»), вторая — ходжат оль-эслам («доказательство истины ислама»), первая (низшая) ступень — сэгат оль-эслам («доверие ислама»).

70 Дословно — «правление мудреца». Теория «веляйте факих», выдвинутая Хомейни, идеологически обосновывала теократическую форму правления государством.

Отношения обострились до такой степени, что в апреле 1976 г. религиозно-террористическая группа «Хадаф», руководимая Мехди Хашеми, организовала убийство аятоллы Шамс-Абади, наместника Гольпаегани в Исфагане. По данным следственных органов, террористы готовили покушение и на самого Гольпаегани.

После прихода Хомейни к власти в 1979 г., борьба продолжилась в новых условиях. Хомейни не решился физически устранить своего противника, поскольку его авторитет среди паствы и клира чрезвычайно высок. Гольпаегани находится в Куме, откуда скрытно руководит действиями религиозно-политической оппозиции. Великий аятолла покровительствует обществу «Ходжатие»⁷¹ — влиятельной организации, имеющей структуру масонской ложи. Основные центры общества расположены в Мешхеде, Куме и Исфагане.

В настоящее время религиозно-политическая оппозиция Хомейни в Исфагане по-прежнему остается

71 Общество «Ходжатие» возглавляли представители высшего шиитского духовенства Ирана и Ирака, большинство из которых являлись владельцами крупной земельной собственности (великий аятолла Хои в Неджефе, ходжат оль-эсламы Халяби и Нирубахш в Мешхеде). «Ходжатие» проповедовало доктрину невмешательства духовенства в мирские дела, выступало против теории «веляте факих». Хомейни неоднократно публично угрожал расправиться с «Ходжатие», обвиняя его в стремлении остановить революционный процесс в стране. В связи с этим в 1983 г. общество официально объявило о своем роспуске. На самом же деле оно продолжало действовать по всей стране, в том числе и в Исфагане.

сильна. Ее сторонники контролируют большую часть мечетей и до последнего времени занимали важные административные должности.

В финансовом и социальном плане оппозиция опирается на крупную и среднюю торговую буржуазию, так называемый «базар», пользуется поддержкой афганской эмиграции, которая превышает здесь 100 000 человек.

Оппозиция успешно срывает экономические и политические мероприятия, рассчитанные на одностороннее усиление группировки имама. Последователи Хомейни отвечают жесткими контрмерами.

В феврале на пост генерал-губернатора Исфaghана был назначен ходжат оль-эслам Голямхосейн Карбасчи, в прошлом представитель Хомейни в жандармерии страны. С его приходом в провинции начались кадровые чистки. С должностей были уволены до 70% чиновников, их место заняли лично преданные генерал-губернатору люди.

Первый удар был нанесен по афганской эмиграции. Карбасчи ужесточил режим пребывания беженцев в провинции. Одновременно местные СМИ придали гласности чинимые афганцами уголовные преступления. В результате оппозиционное духовенство лишилось возможности опираться на них без риска потерять авторитет среди собственно иранской паствы.

Второй удар был нанесен по «базару». Власти

объявили спекуляцию «прямым продолжением физического террора»⁷², квалифицировали как антигосударственную деятельность и передали такие дела под юрисдикцию исламских революционных судов. В провинции были проведены показательные аресты среди торговцев базара, сопровождавшиеся конфискацией имущества.

Противники имама в Исфагане, во главе которых после гибели Шамс-Абади стал руководитель местного теологического центра аятолла Хадеми, оказались готовы к натиску властей. Они ответили политической дискредитацией сторонников Хомейни.

В типографии Исфаганского теологического центра были отпечатаны открытки с изображением аятолл Шамс-Абади и Тахери (представитель имама в провинции), стоящих друг против друга, с надписью: «Кто убил Шамс-Абади?! Требуем назвать убийцу!». В результате личных усилий Хадеми дело об убийстве Шамс-Абади было возобновлено и передано в Высший судебный совет. Вслед за этим противники Хомейни организовали масштабный саботаж на транспорте.

В ноябре 1983 г. владельцы грузовиков в Исфагане, занимающем первое место в стране по количеству автотранспорта, отказались брать государственные подряды на доставку грузов

72 Любая торговля – спекуляция.

из южных портов в глубь Ирана. Все складские помещения в Бендер-Аббасе и Бендер-Бушере оказались заполнены до отказа, разгрузка иностранных судов была остановлена.

Нет сомнений, что для организации саботажа такого масштаба в условиях безработицы и военного положения в стране необходимы серьезное политическое прикрытие и немалые деньги.

И то и другое нашлось. Об этом свидетельствовал сам Тахери. Он возложил ответственность за сабатаж на тех, «кто еще в прошлые времена, подобно обществу “Ходжатие” стоял здесь на дороге имама».

Особое усиление политической конфронтации в Исфагане наметилось во время предвыборной кампании в меджлис и самих выборов в период лета 1983 — лета 1984 г.

В ходе подготовки к выборам стало очевидно, что оппозиционное Хомейни духовенство поставило задачу завладеть большим числом депутатских мандатов, добиться отставки кабинета премьер-министра Мусави и, используя свое экономическое преимущество, попытаться оттеснить последователей имама от государственной власти. В ответ на это Хомейни «строго предупредил теологов Кума и других городов, базар, меджлис, имамов-джоме и государственных служащих и потребовал, чтобы они отказались от курса, направленного на подрыв и ослабление правительства». В заявлении-фетве

Хомейни запретил какую бы то ни было критику правительства.

Впервые религиозно-политическая оппозиция получила столь полное и авторитетное определение.

После выступления Хомейни его сторонники в Исфагане усилили давление на оппозицию. В начале декабря 1983 г. генерал-губернатор Карбасчи объявил, что в целях обеспечения безопасности на выборах губернаторам шахрестанов передаются в подчинение все органы правопорядка, включая местные подразделения КСИР.

Сопротивление жестоко подавляли. В середине декабря 1983 г. пасады центрального исфаганского гарнизона, прибывшие в город Фалаверджан, разгромили местный корпус, который поддерживал имама-джоме Фалаверджана, сторонника оппозиции. В ходе вооруженного столкновения были задействованы танки и РПГ. Число жертв с обеих сторон превысило 100 человек.

По мере приближения даты выборов разногласия между враждующими группировками в Исфагане крайне обострились. Произошло еще несколько вооруженных столкновений.

В начале 1984 г. обстановка в провинции свидетельствовала о том, что сторонникам Хомейни, несмотря на все усилия, не удается подавить скрытую подрывную деятельность религиозно-политической оппозиции. В других районах страны

у Хомейни также не было очевидного перевеса. Прямым следствием этого явился перенос выборов с 11 февраля на 15 апреля 1984 г. Группировке Хомейни необходимо время, чтобы сбить волну антиправительственной агитации, достигшую к концу января 1984 г. своего апогея.

15 апреля результаты голосования по стране в целом оказались в пользу сторонников Хомейни, но в Исфагане дела обстояли иначе. Религиозно-политическая оппозиция представила неопровержимые доказательства подтасовок в списках избирателей, подмены бюллетеней. После ее протеста Наблюдательный совет отменил результаты выборов в трех избирательных округах: городах Хомейнишахр, Ферейдунишахр и самом Исфагане. Новый тур выборов был назначен на 9 августа 1984 г.

Сопrotивление оппозиции в Исфагане на этот раз не принесло ей желаемого результата. Слишком велик оказался административный ресурс власти. На повторных выборах 9 августа 1984 г. в меджлис были избраны 7 человек, все — сторонники Хомейни.

Но группировка Гольпаегани в Исфагане не смирилась с поражением. Ее представители, не прошедшие в меджлис, вскоре заняли важные государственные должности.

В генконсульстве мы внимательно следили за борьбой духовенства, старались разобраться в ее хитросплетениях и оперативно информировать Центр.

Секретно

Экз. № 1

... анализ текущих событий в Иране, в частности на примере провинции Исфаган, свидетельствует, что в ближайшее время в стране будет нарастать конфронтация между крупными религиозно-политическими группировками.

Совершенно очевидно, что авторитетные иранские богословы, за плечами которых многолетний опыт идеологической, политической и силовой конфронтации, не сложат оружие перед сторонниками Хомейни. Если властям удастся лишить их финансовой и экономической опоры внутри страны, оппозиционные аятоллы вероятней всего через посредников начнут искать поддержку за рубежом.

В этой связи возможен их альянс с монархической группировкой в эмиграции, сильной в финансовом отношении, чьи интересы близки оппозиционному Хомейни высшему духовенству.

Нельзя исключать также контакты с разведслужбами Великобритании и США.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГЛУПОСТИ или ТРОПОЮ ОГНЕННОЙ ВОДЫ

Иногда нас награждали. Случалось, что даже вполне заслуженно. Награды бывали разные: ордена, медали, почетные грамоты, благодарности в приказе. Но была одна — необыкновенная! Ни до, ни после я про такую не слышал. В списке желаемых она стояла на втором месте после ордена с медалью. И называлась «съездить за водкой»!

В Иране, исламском государстве, в те годы действовал строжайший сухой закон. Употребление алкоголя приравнивалось к наркотикам. Наказание для обычного смертного — смертная казнь. Для дипломата — *persona non grata*, что практически равнялось концу служебной карьеры. Начальство в Москве и Тегеране понимало (сами такие), что требовать от нас «сухого поста» бессмысленно. Но обстоятельства — есть обстоятельства, поэтому предупреждало, что если что... в общем, «кранты» будут всем...

В этих условиях пили практически «всё, что горело».

Аристократическим напитком номер один была водка. Ее небольшой запас (сколько можно утащить в чемодане?!) дипломаты возили с собой из отпусков. Она шла на вес золота (под день рождения, Новый год, 23 Февраля, 8 Марта, 9 Мая, Октябрьскую революцию, в подарок другим дипломатам, ближайшим друзьям без диппаспортов), но, как ни тяни, очень быстро кончалась.

На втором (уважаемом) месте находился разведенный медицинский спирт. Но в Иране он шел на фронт, и достать

его могли в ограниченных количествах лишь редкие специалисты, те, у кого имелись доверительные связи среди аптекарей. Эти контакты хранились в глубочайшем секрете, почти на уровне нелегальной агентуры.

В основном же потребляли некачественную «кишмишовку», покупая ее у местных армян.

В отличие от тегеранских ребят, я находился в привилегированном положении. Консул — сам себе командир. А на местном уровне к тому же большой начальник.

На территории исфаганского консульского округа (половина страны, вся южная часть) располагались три крупных объекта советско-иранского экономического сотрудничества. Люди, в разное время — от нескольких сотен до нескольких тысяч, варили. Не на продажу, для себя. При этом использовали добротные сорта изюма и фиников, да еще с фантазией в виде различных ароматических «присадок» из чеснока, красного перчика, полыни, зверобоя, можжевельника, перегородок скорлупы грецкого ореха и т.п. А поскольку у многих высшее техническое образование и светлая творческая мысль, а под рукой почти неограниченная инструментальная база, то качество продукта — слеза!

Вот так! Поэтому лично я до покупки сивухи не опускался, ну и сам, конечно, ничего не варил. Только маркировал. Обычные сорта шли под этикеткой «Имамовка», особые назывались «Консульский сбор» и «Консульская беседа». Моих командировок в Тегеран друзья в посольстве ждали с нетерпением. Они знали: я не подведу. И я не подводил.

Общий литраж всего этого, выпитый в условиях сухого закона под страхом выдворения из страны и крушения карьеры, в течение пяти лет войны с воздушными бомбардировками, ракетными обстрелами, терактами и т.п., думаю, не удастся уравнять последующими упражнениями до конца жизни.

Но... о награде!

Дипломатическая работа состоит из многих разнообразных задач, всех не перечислить. Но главная — это сбор и аналитическая обработка информации. Всё остальное вторично, сначала информация!

А для этого необходимо общение: встречи, беседы, приемы. Естественно, возникает вопрос их обустройства. Можно, конечно, сказать: «Приходите, господа, к нам в гости. Попьем чайку с бубликами. Чай у нас заваристый, воды улейся. Ну, а потом, напившись кипяточку, вы расскажете нам про ваши секреты, а мы про свои не расскажем. Можно, конечно, и так. Но почему-то за всю историю мировой дипломатии такого никому в голову не приходило.

Человека, от которого ждешь откровенности (или оплошности), надо к себе расположить, надо создать соответствующую его представлениям о комфорте раскрепощающую обстановку, чтоб информация из него если не рекой, то хотя бы «кап-кап, кап-кап». Причем эту обстановку создавать надо постоянно, чтобы встречи с тобой ассоциировались в его сознании с радостным праздником. Здесь одним разом не обойдешься. Здесь процесс нужен.

Ну, вот мы и подошли к ней, родимой!

Но перед этим сразу оговорюсь: отвергаю любые заменители. Не пытайтесь (раз на Востоке) предложить, допустим, траву в кальяне. Это вызовет смех. И в прямом, и в переносном смысле. Один только вид рассеявшихся на паркетe дам и господ в вечерних туалетах в количестве сотни человек по случаю Дня вашей независимости чего стоит?! И вряд ли вам удастся из них что-либо выудить, с чубуком-то во рту. А уж надымят, будьте любезны, проветривать придется до следующего национального торжества.

И опять мы вернулись к ней, незаменимой!

И всё бы теперь понятно и всё бы хорошо. Но вот незадача, где ее, милую, взять в исламском Иране?! Да еще в количестве, помноженном на дипкорпус и национальные праздники. Это же тонны!

— Как где взять, привезти!

— Каким образом?

— Да в багаже!

— В каком багаже?!

— В дипломатическом, он не обыскивается.

— А ну как всё-таки обнаружат, это ж скандал на государственном уровне!

— А ты государство сюда не впутывай. Ты пошли пацанов, пусть они тащат.

— А ну как их зацапают, это ж не пол-литра, ведь «кранты» же ребятам?!

— Да, действительно. А и хрен с ними, возьми добровольцев!

Съездить за водкой стояла длинная очередь!

Тяга была колоссальная. «Исламская действительность» подпирала так, что вырваться отсюда посередине года хотя бы на несколько дней мечтал каждый. Более того, особым ловкачам удавалось на один световой день смотаться в Москву, повидать родных.

Дело было так: представительскую водку из МИД СССР направляли в Баку, где она ждала нас на складе Азербайджанского МИДа. Из Тегерана до Баку курьеры ехали поездом. Там с помощью местных ребят, дай Аллах им здоровья, перепаковывали картонные ящики (1,5–2 тонны) во что-то типа баулов. Получался личный багаж. Паковать надо было так, чтобы если иранский носильщик при разгрузке «случайно» (такое бывало) долбанул тот баул об асфальт, он бы не звякнул, не булькнул, не завонял и, упаси Господи, не потек.

Обратно, чтобы «запутать следы», шли морем до Энзели. Оттуда на машинах в Тегеран. Путешествие в оба конца занимало четыре дня. Разница между прибытием в Баку и отплытием назад составляла полтора суток. Перед отъездом курьеров сурово предупреждали, что:

- они едут по собственной инициативе;
- по маршруту строго Тегеран — Баку — Тегеран;
- их появление (обнаружение) в этот период в стороне от указанного маршрута влечет за собой оргвыводы, вплоть до увольнения со службы;
- возможные проблемы на иранской границе являются их личными проблемами;
- выбор их кандидатур для этой поездки является результатом высокой оценки руководством их заслуг перед Родиной.

Курьеры понимающе кивали головами и лучистыми глазами смотрели в суровые очи начальства. При этом все отлично знали, что из Баку ребята дернут домой.

В начале 1986 г., на третьем году службы, настал и мой черед. Ехать «за огненной водой» мне предстояло вместе с советником нашего посольства Филиппом Сидорским, большим умницей, спокойным, веселым, знающим жизнь и дело человеком. Поездка обещала быть вдвойне приятной. Из Исфагана я должен был добраться до столицы, а там — с Филиппом на поезд и вперед! С собой до Тегерана я прихватил консульскую почту, дальше в Москву она шла с дипкурьерами.

В тот период война в воздушном пространстве Ирана приутихла. Иракская авиация временно перестала бомбить города. В воздухе впервые за долгие годы появились гражданские самолеты. Это событие радовало. Не надо тащиться на старой «Волге» 5–6 часов через перевалы. Сел в «Боинг», съел булочку, запил соком и через полчаса на месте.

Вот это и была моя большая-большая глупость!

Контрразведка встала на уши! Столько лет диппочту возили на машине и вдруг на самолете?! Неспроста!!!

Из Исфагана самолет вылетал рано утром. Было темно, часов пять. Я ехал в аэропорт по абсолютно пустому шоссе. Далеко впереди медленно катил какой-то трейлер. Поравнявшись, я начал обгон. Странно, он тоже увеличил скорость. Я поддал газу. И он поддал. Вот дятел... и я нажал до предела. Но старая консульская колымага, жми не жми,

больше 100 не давала. А трейлер свободно выжимал 150 и больше. В этот момент впереди вспыхнули встречные фары. По силе света это был трейлер.

То, что меня убивают, я понял потом. Совсем потом. В тот момент работал только инстинкт: с трассы не съехать, кювет выше метра, мчусь по левой полосе, справа в ту же сторону на той же скорости гонит здоровенная фура. И точно такая же летит навстречу. До лобового удара совсем чуть-чуть, метров 100! Я — по тормозам! И тот, который справа, по тормозам! Не успеваю! Сейчас конец!

До сих пор не знаю, как случилось?! В последний момент я крутанул руль и крылом «Волги» долбанул мчавшуюся справа фуру по переднему колесу. Грузовик завалился набок и перевернулся. Я успел проскочить в освободившееся пространство. Встречный трейлер, не останавливаясь, вихрем пронесся мимо.

Первая мысль, когда остановился, была: я убил людей! Выскочил из машины, побежал назад, забрался на опрокинувшийся грузовик, открыл дверь кабины. В глубине что-то шевелилось.

— Вы живы?

— Живы, — раздался голос. Из кабины с трудом вылезли двое. Один — маленький, тщедушный, руки трясутся — водитель. Второй тоже невысокого роста, но крепыш, одет в защитную форму без знаков различия — пассажир.

С момента аварии не прошло и пяти минут, когда со стороны города по пустому шоссе с включенной мигалкой (!) к нам подкатил жандармский патруль. Вышедшие из джипа

офицеры с удивлением посмотрели сначала на живого меня, потом на опрокинутый грузовик.

Я уже начал кое-что соображать. Было ясно, что жандармскому патрулю, шедшему практически вслед за мной, в это время суток на этой дороге делать нечего. Бесспорно, что этих парней направили сюда для оформления «результатов» ДТП⁷³ и, судя по их глазам, ожидали они совершенно другое. И еще было ясно, хотя и неожиданно, что увиденное их не опечалило, а скорее наоборот, но речь шла, естественно, не о личных ко мне симпатиях, а об антагонизме между ведомствами.

Оформление «происшествия» не заняло времени. Я просто показал свое удостоверение личности и дал визитную карточку. Протокола не составляли (это, кстати, тоже показатель), у пострадавших почему-то не оказалось ко мне претензий, хотя авария крупная и по всем положениям виноватым был я.

Уже рассвело. Вернувшись к «Волге», я только сейчас увидел впереди на пассажирском сиденье застывшего с выпученными глазами, белого как полотно, нашего завхоза, который должен был отогнать машину из аэропорта назад.

Удивительная все-таки штука — эта старая «Волга» завелась и поехала. А тот, двадцатифутовый, остался лежать в кювете.

А завхоз, пока не въехали в консульство и не заперли за собой ворота, так и сидел, застывши с выпученными глазами.

73 Дорожно-транспортное происшествие.

В Тегеран я вылетел следующим рейсом в середине дня. Добрался без приключений. В посольстве принял душ, смыл кровь из-под волос на голове, привел себя в порядок. Сдал диппочту, в которой находились бланки старых паспортов и хозяйственный отчет о списании трех огнетушителей и покупке новых (знали бы эти идиоты, за чем они охотились)⁷⁴. После чего явился к руководству и бодро доложил о готовности выполнить любое ответственное задание. И получил инструкцию, что:

- еду по собственной инициативе;
- по маршруту строго Тегеран — Баку — Тегеран;
- мое появление (обнаружение) в этот период в стороне от указанного маршрута влечет за собой оргвыводы, вплоть до увольнения со службы;

- возможные проблемы на иранской границе являются моими личными проблемами;

- выбор моей кандидатуры для этой поездки является результатом высокой оценки руководством моих заслуг перед Родиной.

Я признательно кивал головой и лучистыми глазами смотрел в суровые очи начальства. При этом мы оба отлично знали, что из Баку я дерну домой.

Это было замечательное путешествие. Я впервые своими глазами увидел, что наша граница действительно на замке.

На реке Аракс (тогда пограничной) стоял мост. Посередине моста — железные ворота. На воротах

74 То, что они искали, в портфелях я не возил, для этого есть голова.

огромный амбарный замок. Три вагона и тепловоз стоят с чужой стороны. Тепловоз гудит, но не нагло, вежливо гудит. С нашей, не спеша, соблюдая достоинство, движется воин в звании рядового. В руках у него связка ключей солидного размера. Ворота открываются. Тепловоз медленно трогается: чух-чух, чух-чух. Воин запирает ворота. Все, приехали, Родина!

В Баку нас ждали. Билеты на самолет были уже куплены, а груз упакован в коробки и баулы различных калибров. Оставалось только пообедать, что, с учетом гостеприимства бакинцев, неизменно переходило в ужин, а не летать бы в Москву, то и завтрак.

Если честно, я немного устал. Как ни храбрись, стресс был всё-таки сильный, к тому же двое суток вообще не спал. Да еще волновался, попаду ли домой. Шел сильный снег и гарантии вылететь не было.

Но вот поздно ночью мы все же уселись в самолет. Разбег и взлет. Притушен свет, откинуто кресло, закрываю глаза. Осталось каких-нибудь три часа, и я наконец обниму своих — год не виделись.

— Уважаемые пассажиры! — в дверях салона появилась симпатичная стюардесса. Поверх формы на ней висела какая-то хреновина, напоминавшая грелку.

— Отличные летные качества нашего самолета, — бодро звучал ее голос, — обеспечивают полную безопасность полета. Но мы пролетаем над водным пространством, поэтому под сиденьем у каждого из вас находится спасательный жилет. В случае аварийной ситуации наденьте жилет через голову и завяжите ремешки на поясе. Не надувайте жилет до того, как

покинете самолет, это затруднит выход. Оказавшись в водном пространстве, потяните за шнурок справа на нагрудной части жилета, и жилет надуется. Если он не надуется, то надуйте его ртом через клапаны надува, расположенные с двух сторон нагрудной части жилета. Если вы окажетесь в водном пространстве в ночное время, потяните за шнурок слева на нагрудной части жилета, чтобы загорелась сигнальная лампочка. Если лампочка не загорится, достаньте из клапана жилета сигнальный свисток и подайте сигнал бедствия.

И я представил...

Мы навернулись с высоты 10 000 м прямиком в Каспий! И каким-то чудом остались живы! Я не стал немедленно надувать жилет (не дурак же), а сначала вылез из самолета в водное пространство, где в феврале при +4 по Цельсию через пару минут яйца начинают звенеть как колокольчики. Дергаю за веревочку от насоса, а он, собака, не дует. Тогда беру в рот черную пипочку клапана, делаю «ф-у-у-у!» и надуваю половину жилета. Потом беру в рот вторую пипочку, делаю «ф-у-у-у!» и надуваю другую. Кругом ночь, и я дергаю за веревочку лампочки! Не горит, тварь! Тогда вынимаю из кармашка свисточек и посреди бушующей стихии, напыжившись, что есть мочи делаю: «Тр-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р!»

То, что произошло со мной дальше, назвать смехом нельзя! Я начал рыдать. Рядом, держась за живот, стонал Филипп. По лицу у него катились слезы. Через минуту трясся и ржал весь самолет. Заснуть до Москвы мне так и не дали.

День в Москве, как секунда, вечером в обратный путь. Снова без сна. Только урывками. Слишком дорого время.

Утром прилетели в Баку и сразу на пароход. Груз — уже на борту, капитан — на мостике. Капитан — Джабир Мамедов, пароход — «Гурьев». Они примерно ровесники, на двоих им в сумме около 140 лет.

И про того и про другого ходили легенды. «Гурьев» построили еще до Второй мировой войны, тогда он больше напоминал прогулочный катер. После войны его усовершенствовали: разрезали пополам и слегка удлинили. Говорить о его надежности, в частности о плавучести, избегали. Тем не менее это было единственное пассажирское судно, курсировавшее в течение долгих лет между иранским и советским берегами.

Джабир Мамедов был морским волком. По Каспию ходил с детства, проделал путь от юнги до начальника Бакинского порта, а когда подошел возраст, напоследок получил под команду единственное в то время пассажирское судно, ходившее в «загранку».

Седой капитан в белоснежной рубашке с галстуком, в отутюженном кителе и фуражке с вышитым «крабом» встретил нас радушно.

— Вечером жду у себя, — сказал капитан. — А сейчас прошу извинить. Начинается шторм. Выходим в море!

«Ай молодец! — подумал я. — Настоящий волк!» По молодости лет мне и в голову не приходило задаться вопросом, зачем нам на этой лоханке выходить в открытое море в штормовую погоду?

Действительно, небо затянуло серыми тучами, поднимался порывистый ветер. Отдали швартовые. «Гурьев» отошел от причала. Берег стал удаляться. Отойдя от него на

расстояние нескольких сот метров, пароходик замедлил ход и остановился, раздался звук опускавшейся якорной цепи.

— Чего это мы? — спросил я у пробежавшего мимо матроса.

— Шторм переживаем, — ответил тот.

Двое суток среди здоровенных волн и проливного дождя болтался «Гурьев» на рейде вокруг якоря. Вблизи, на расстоянии вытянутой руки, поднимался и падал недосыгаемый Баку. Зелено-желтые пассажиры — несколько иранских семей — не вылезали из галюнов. Мы с Филиппом пили в кают-компании лимонную водку, которой угощал нас добродушный капитан, и слушали его морские рассказы. На третий день, когда шторм утих и мы продолжили путь, я спросил старпома (к этому времени я всех уже знал), чего нам не сиделось в порту.

— Понимаешь, земляк, — сказал старпом, — когда сидишь в порту — командировочные «ёк»! А если успел выйти в море до начала шторма, командировочные «чик-чик, чик-чик».

— А какие у вас командировочные? — спросил я.

— 2 руб. 47 коп. в сутки, — сказал старпом. — В валюте!

На следующий день мы пришли в Энзели. Отдых закончился. Начиналась работа.

ПРЕЗИДЕНТ И МАСОНЫ

К началу 1985 г. термин «группировка Хомейни» во многом утратил свое прежнее значение из-за откровенной конфронтации между входившими в нее крупными религиозно-политическими деятелями. Они были едины при достижении главной цели — установления абсолютной диктатуры шиитского духовенства в Иране, утверждения самого Хомейни и его ближайших последователей на ключевых позициях в создаваемом государственном аппарате. После захвата власти в их действиях наметилась тенденция к укреплению единоличных политических и экономических позиций и нейтрализации попыток своих бывших единомышленников добиться превосходства. Эти тенденции усилились и переросли в откровенную конфронтацию в связи с заметным падением авторитета имама и его постепенным отходом от практического руководства страной из-за ухудшающегося состояния здоровья.

Центральными фигурами междоусобной борьбы стали председатель меджлиса Хашеми-Рафсанджани и президент страны Хаменеи.

Секретно
Экз. № I

... Хашеми-Рафсанджани пользуется поддержкой клана Хомейни, куда входят: сын имама Ахмад, министр КСИР Рафигдуст, командующий вооруженными силами КСИР Резаи, министр информации ходжат оль-эслам Рейшахри, министр внутренних дел ходжат оль-эслам Мохташами, генеральный прокурор страны ходжат оль-эслам Хоэниха и ряд других крупных религиозно-политических деятелей, занимающих высокие государственные посты. Группировка поддерживает связи с аятоллой Монтазери и прочит его на место Хомейни.

Президент Хаменеи опирается на высший командный состав армии и флота. Однако это не дает ему перевеса, поскольку по указу Хомейни в КСИР стали создаваться военно-воздушные и военно-морские силы, чем снизилась роль армии в борьбе группировок. Кроме того, недавно с государственных постов были сняты сторонники президента: министр внутренних дел ходжат оль-эслам Нури и первый заместитель руководителя исламских ревкомов ходжат оль-эслам Салек. На их место были назначены люди Хашеми-Рафсанджани. Им даны широкие полномочия для проведения кадровых перестановок в МВД и ревкомках.

В настоящее время, в ходе предвыборной президентской кампании, борьба двух группировок особенно обострилась.

Испытывая необходимость в дополнительной поддержке, Хаменеи вступил в не прямые контакты с частью высшего иранского духовенства, принадлежащей к обществу «Ходжатие».

Контакты состоялись при посредничестве Исфаганского теологического центра, тесно связанного с теологическим центром Мешхеда, где находится штаб-квартира общества, ортодоксальным духовенством Хузестана — третьим по значению центром этой организации — и частью духовенства Кумского теологического центра во главе с великим аятоллой Гольпаегани, самым авторитетным противником группировки имама, приверженцем «Ходжатие». В результате возник новый альянс.

Новые политические альянсы в Иране — явление частое. Они зависят от личных, клановых и корпоративных интересов участников на каждом отдельном этапе борьбы за власть. Уникальность данного случая заключается в том, что президент Хаменеи вступил в контакт с силами, выступающими против самих основ нынешней формы государственного правления.

Общество «Ходжатие» по структуре аналогично масонской ложе. Оно является одной из самых влиятельных религиозно-политических организаций страны. В нем объединены авторитетные представители ортодоксальной части высшего иранского духовенства, которые выступают против единоличной власти Хомейни и ведут с ним непримиримую скрытую борьбу.

В настоящее время связь с «Ходжатие», даже через посредников, представляет для президента высшую степень риска, но в стратегическом отношении открывает путь к самым широким возможностям.

Союз с «Ходжатие» дает Хаменеи реальный шанс занять место имама после его ухода со сцены.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АН⁷⁵

Они летели из Герата на юг. Сбились с курса. Пытались сориентироваться визуально. Но внизу песчаная буря — ни черта не видеть. По прикидке штурмана аэродром назначения был где-то рядом. Снизились, и вот удача, в просвете мелькнула взлетная полоса. «Садимся, командир, — облегченно выкрикнул штурман, — приехали!»

Маленький АН-26РТ приземлился. Он совершал транспортный перелет, вез людей и никакой боевой задачи не выполнял. Экипаж и несколько наших военных инструкторов спустились с борта и огляделись. Местность для здешних краев обычная: солончак, две чахлые пальмы, одинокий сараюшка, но почему-то пустое летное поле и ни души. Зашли в помещение. Сидевший там служка подобострастно привстал, залопотал что-то по-своему, видно, приветственное. У наших переводчика не было, сами языка не знали. Поэтому поздоровались («салам» он и в Африке «салам») и спросили по-русски, где самолеты и люди — военные «шурави». Служка оказался какой-то странный, не смея присесть, с ужасом глядел на них и ни слова не понимал. «Тупой какой-то!» — подумал командир.

75 АН-26РТ (радиотрансляционный) — небольшой двухмоторный самолет. Его задача — обеспечение связи. Особенно полезен в горах, где связь неустойчива из-за рельефа местности. Он кружит над территорией боевых действий, выполняя роль ретранслятора. Самолет оснащен соответствующей аппаратурой. Никакого авиационного вооружения у него нет.

В те годы в Афганистане люди, связанные с техникой, тем более авиацией, русский язык знали. Пустой разговор «на пальцах» шел минут сорок. Отчаявшись втолковать этому дураку элементарные вещи, командир устало поднял глаза и увидел... портрет Хомейни!

Это был не Афганистан! Это был Иран! ⁷⁶

Мгновенно оценив ситуацию, наши бросились к самолету. Но на полосе перед АН-26 уже стоял тяжелый бульдозер, а периметр поля окружала пехота.

Поначалу иранцы опешили и до смерти перепугались. Еще бы, среди бела дня им на голову падает зеленый самолет с красными звездами, из которого выпрыгивают вооруженные люди в советской форме и по-хозяйски, как у себя дома, направляются к зданию аэропорта. Первая мысль, которая пришла иранцам в голову, — это начало вторжения! Но надо отдать им должное, они быстро опомнились. К аэродрому стянулись пасдары.

Наши всё же пытались взлететь. Они решили объехать бульдозер, но иранцы открыли огонь и попали в мотор. Самолет встал. Через пару часов из Тегерана прибыла группа сотрудников контрразведки с переводчиком русского языка. Нашим предложили сдаться. В ответ командир потребовал вызвать советского консула.

Это было наивно. Иранцы ответили, что консул если и не стоит за ближайшей пальмой, то вот-вот там появится.

⁷⁶ В этом районе территория Ирана треугольником вклинивается в земли Афганистана. Очень похоже на Африканский Рог. Заблудившийся АН-26 приземлился в г. Заболь.

А пока он не подоспел, лучше все-таки выйти и сложить оружие. Наши на ложь не поддались и приготовились драться.

Надо понять состояние этих людей. Они прилетели из войны. На этой войне, в каких-то сорока километрах отсюда, каждый день убивали. Чем Иран в этом смысле лучше Афгана, ребята не знали. Но знали отлично, что плен — это лютая смерть, в пытках и муках: отрежут язык, нос, уши, яйца, живьем сдерут кожу. Так было на той войне, откуда они прилетели. Они считали, что будут убиты, но хотели от пули в бою.

Захват самолета начался ночью. Его со всех сторон осветили прожекторами, открыли отчаянную автоматнo-пулеметную стрельбу в воздух, закидали дымовыми шашками, пустили слезоточивый газ. Наши, ослепленные газом, задыхающиеся, стали выпрыгивать наружу. Их били прикладами и вязали. Внутри самолета остался штурман — виновник ошибки. Он застрелился.

Их везли в Тегеран с завязанными глазами, допрашивали в контрразведке, тоже не снимая повязок.

И вдруг решили освободить (!!) Да еще вернуть самолет!!!

Причем без шума: ни тебе прессы, ни ТВ. Только одна заметка в «Джомхурие эслами» со ссылкой на общее мнение имама, президента, председателя меджлиса и премьера: «Мол, это не “таджавоз”, а “воруде эштебахи”», т.е. не агрессия, а ошибочный залет.

Уникальный исход! Чтобы иранские лидеры, ярые антисоветчики, отказались от такого подарка?!

Поразительно! Для непосвященного — полный туман. Но были причины: в это время иранцы зондировали почву для тайных переговоров, хотели в обход эмбарго купить у нас «Тюльпан» и «Гвоздику»⁷⁷.

Я прибыл в Тегеран по срочному вызову. «Полетите в Заболь, — сказал мне посол, — это ваш консульский округ. Надо забрать самолет. В принципе обо всем договорились, осталось только перегнать машину в Союз. Но все же будьте там осторожны, сами знаете, это — Гуляйполе.

Легко сказать: «Слетайте в Заболь», хорошо бы знать, как оттуда вернуться?

Маленький, богом забытый Заболь находится в провинции Систан и Белуджистан. Это юго-восток Ирана, пустыня и горы, стык границы с Афганистаном и Пакистаном. В те годы там проходили наркопути.

Афганские племена напрямую через Иран тащили зелье к Заливу, где арабские «доу»⁷⁸, оснащенные моторами торпедных катеров, перевозили его в Эмираты⁷⁹. Племена не знали слова «граница». Это были их кочевые земли. И подчинялись они только собственным шейхам. Идет караван: сотни верблюдов с тюками, несколько тысяч диких людей. У всех стволы: английские «лиметфорды» столетней давности, наши «калаши», станковые пулеметы, РПГ, безоткатные орудия. Кому придет в голову встать на пути каравана?

77 «Тюльпан» — миномет, калибр 240 мм, «Гвоздика» — САУ (самоходная артиллерийская установка), калибр 122 мм.

78 Большие деревянные лодки.

79 Оттуда после первичной переработки наркотики поступали в Марсель и распространялись по всей Европе.

Была и другая достопримечательность края. С иранской стороны вдоль афганской границы натканы десятки тренировочных лагерей. Там проходили подготовку отряды афганской вооруженной оппозиции.

Центральные власти контролировали обстановку в этом районе процентов на тридцать, не более.

Это, пожалуй, всё, что мне было известно о месте предстоящих действий. Получить более развернутую информацию не представлялось возможным. После Афанасия Никитина в ту глушь из наших никто не забирался. Спросить было не у кого.

Из Тегерана в Заболь прямых рейсов нет. Лететь предстояло до Захедана, это центр провинции, а оттуда непонятным образом добираться до места. Мне выдали командировочные, на которые можно было купить три бутерброда, немного денег «под отчет» и письмо с гербовой печатью о том, что я полномочен принять у иранцев заблудившийся АН.

Перед отлетом я встретился со своим тегеранским коллегой, Саней Балакиным, зав. консульским отделом посольства. Он только что опрашивал наших ребят, освобожденных из контрразведки, и знал обо всем в деталях. Сейчас занимался отправкой людей и тела погибшего штурмана. «Ты прикинь там, на месте, если удастся, — попросил Саня, — сам ли он застрелился?»

Плана действий у меня не было. Чего сочинять, когда ничего неизвестно. В этих случаях решают по обстановке. Первое, что увидел, когда приземлились, — пасдара на летном поле. Он проверял документы у спускавшихся пассажиров. Ну вот и ответ на вопрос «с чего начинать?».

Подошел к пасдару, спросил, где у них штаб. Пасдар нахмурился: дело в том, что я говорил по-персидски, как местный, внешне тоже не отличить, но одет был в добротный английский костюм и белую рубашку с галстуком.

В совокупности по канонам революционного времени это — измена. Понимая причину, я объяснил, что я не иранец, а «шурави», и показал документы. Парень остолбенел. Он начал оглядываться по сторонам, готовясь увидеть новые русские самолеты с десантом. Крутил головой минуты две-три, проверил небо, землю и горизонт. Наконец, убедившись, что я совершенно один и вышел из тегеранского «Боинга», бормоча что-то под нос, как мне послышалось, про чертей, повел меня к зданию аэропорта.

Стороннему человеку трудно понять всю прелесть момента, поэтому поясню: явление наших военных и дипломата в том уголке земного шара в те годы можно сравнить разве что с нашествием инопланетян — страшилок из современного блокбастера про крушение мира.

В штабе Корпуса долго куда-то звонили, выясняли, кто я такой. Получив подтверждение, дали джип и охрану, и мы тронулись из Захедана⁸⁰ в Заболь.

Сопровождающих было двое — молодые ребята из КСИР. Поначалу вели себя настороженно, но любопытство все-таки одолело (когда еще встречаешь разумное существо

⁸⁰ Захедан запомнился мне как абсолютно неиранский город. Грязный, унылый, с верблюдами на мостовой, дурным запахом улиц и помещений. Иранцев почти нет, кругом пакистанцы, индийцы, афганцы — босые смуглые ноги в пластмассовых тапочках. Тапочки — разноцветные.

из потустороннего мира). Слово за слово — разговорились: о жизни, войне, истории с самолетом. Без злобы. Не из симпатии к нам, конечно, просто у них в печенках сидели афганцы, наркотрафик и собственная беспомощность. С горькой усмешкой они рассказали про караваны и что на этом участке границы их всего девятнадцать парней, с одним вертолетом и парой джипов. Держать больше, видимо, не было смысла, граница-то условная.

Я в ответ «по секрету» раскрыл им военную тайну — несколько наших старых армейских баек, добавил свежий тегеранский анекдот и сумел расположить их к себе. В результате узнал, что в Заболе делами ворочает местный шейх, он же «шахрдар»⁸¹, амбициозный, упрямый и злобный. Решать вопросы придется непосредственно с ним и следует быть осторожным. Информация ценная. Впрочем, я и до этого не расслаблялся.

Но вот и Заболь. Городом не назвать — деревенька. Дома из самана (глина с соломой) в один этаж, есть и кирпичные, но очень мало. А вот и аэродром. На поле стоит простреленный АН, а рядом — транспортный АН12. На нем из Союза доставили двигатель, ремонтников и новый экипаж.

Группа прибыла накануне, старшим у них — заместитель командующего ВВС Среднеазиатского округа, полковник. Остальные тоже военные, но все в гражданском, конечно. Полковник дельно и коротко доложил о техническом состоянии АНа: «Двигатель заменен, лететь можно в любую

81 Городничий.

минуту». И добавил, перейдя на шепот, что с той стороны ирано-афганской границы нас пугает десантный полк. И если у нас возникнут проблемы, стоит только добраться до рации в самолете и через двадцать минут на эту пустыню обрушатся наши (!!!)

Во как! Этого только нам не хватало! Ну, генералы — светлые головы! Последствия могут присниться только в кошмарном сне. Чтобы закрыть эту тему, я объяснил, что полк за горой — это здорово, но если кто-то из нас сделает шаг к запечатанной рации, нам всем перережут глотки.

— Это точно? — спросил полковник.

— Точно. Я давно здесь живу.

Полковник был человеком толковым, он кивнул головой, и мы отправились ужинать.

Ночевать я остался у летчиков. Они разместились в маленьком домике на территории аэродрома. В одной из комнат я обнаружил свободную койку у большого окна. В душную летнюю ночь в этой дыре лучшего не отыскать. Поздно вечером к нам заглянул начальник аэродрома, с ним какой-то пасдар, видимо местный. Они сообщили, что встреча с шейхом назначена завтра на полдень. Начальник — это тот самый служака, с которым беседовал наш командир. Он обладал приятным чувством юмора и со смехом поведал, как наложил в штаны, когда к нему в кабинет ввалились блондины в тельняшках. Скоро они распрощались, я пошел провожать их до двери. В коридоре пасдар неожиданно приотстал и в какой-то момент оказался рядом со мной один.

— Не ложись у окна, смени место, — сказал он тихо. — Не говори о делах — дом на прослушке, — и тут же, ускорив шаг, быстро вышел.

Вот так сюрприз! Иранский пасдар в Заболе меня, советского дипломата, предупреждает об опасности (!!!). Чушь какая-то. Такое исключено. Проверка нервной системы? Это возможно. А вдруг не проверка? И что?! Лечь под кровать? Положить сверху чучело? Плохое кино. Захотят грохнуть, грохнут вместе с чучелом, этим домишкой и всеми, кто в нем живет. Ладно, и не такое бывало, надо быть в форме, сейчас время спать.

Утром я залез в самолет. Предстояло выяснить, как погиб штурман. Со мной на борт поднялись пасдары, охранявшие поле, — следить, чтобы я не взлетел. Убеждать их, что я не имею враждебных намерений и вообще не обучен летать, было впустую. Для них «дипломат» — означало «шпион», способный на любое коварство. Это была аксиома.

Аллах с ними. Начинаю осмотр. Вот сиденье штурмана, справа от входа. Черная кровь на чехле. Вот в переборках следы от пули. Я знал: она вошла ему в голову слева сверху наискосок. Вижу: дважды прошила металл, застряла где-то в обшивке. Мысленно прочертил прямую. Рост штурмана приблизительно мой. Сел в кресло. Сходится. Надо узнать, был ли погибший левшой? В этом случае он высоко поднял левую руку, согнув ее в кисти, локте и... Я повторил возможные действия штурмана. Дурацкая поза. (Пасдары недоуменно следили за мной: не юродивый часом?) Выстрел был с близкого расстояния, в упор. Но чей? Слева сиденье командира. Дай-ка примерюсь.

Но тут эксперименты окончились. Моя попытка сесть в кресло пилота убедила пасдаров, что юродивым я притворяюсь, на самом же деле хочу улететь. У парней сделались строгие лица, они обнажили стволы. «Ладно, ребята, — сказал я, поднявшись, — не горячитесь. Где у нас выход?»⁸²

В двенадцать поехали к шейху.

Шейх — красавец! Ему лет сорок. Маленький, толстый, с окладистой бородой, ручки короткие, пальчики пухлые, четки перебирает. Одет в цивильное черное, но туфли без задников⁸³. Смотрит ласково, угощает. За спиной у него здоровенные парни с густыми сросшимися бровями, недобрыми лицами, в камуфляже, увешанные «калашами», человек десять.

Я — напротив, пью чай вприкуску из пузатого стаканчика и тоже дружески улыбаюсь. У меня за спиной наш полковник в ковбойке и джинсах, безоружный, один.

Между шейхом и мной низенький столик. На нем документы, которые следует подписать. Но я их подписывать не буду. Тяну время и думаю...

Любопытно, кто готовил эти бумаги? Дословно в них говорилось так: «Советский боевой самолет, с бомбами на борту, большим количеством вооруженных солдат, совершил коварное нападение на исламский Иран. Советская

82 Мне было ясно, как погиб штурман. Но я принял решение, что следователем в этом деле не буду. В отчете указал: «Выяснить обстоятельства гибели на месте не представилось возможным».

83 Туфли без задников, как правило, означают, что владелец — человек религиозный: часто молится — проще снимать.

армия вторглась в святое воздушное пространство Ирана, а затем, осквернив его землю, совершила подлую агрессию не только в отношении исламского государства, но и ислама в целом». Пять страниц убористого рукописного текста. В конце сообщалось, что «в качестве жеста доброй воли, которого агрессоры не заслужили, иранцы передают нам целыми самолет и людей».

Стилистика текста а-ля «сказки Востока» с завитушками, эпитетами, восклицаниями. По форме смешно, по содержанию глупо. Запомнилось, что агрессия («таджавоз») в отношении воздушного пространства Ирана сравнивалась с надругательством (изнасилование — тоже «таджавоз») над девственницей.

Что делать? Признаться в военной агрессии и дефлорации и расписаться от имени СССР?!

Я понимал: эти блудни — творчество толстяка с позиции Тегерана не связаны. Но парадом сейчас командовал он.

— Не могу, — вежливо начал я.

— Что не можешь? — заботливо справился шейх.

— Подписать не могу, — развел я руками.

— Что это вдруг?

— Это не «таджавоз», а «воруде эштебахи».

— Кто так решил, уважаемый? Ты?

— Нет, Имам Хомейни.

— Не может быть!

— И президент Хаменеи.

— Да ну!

— И председатель меджлиса Рафсанджани.

— Ай молодец!

— И ваш премьер.

— Это всё?

— Куда же больше?!

— Хуб! — шейх погладил бородку. Его лицо излучало спокойную радость.

— Посмотри, дорогой, — он повел головой в сторону горизонта. — Скажи, что ты видишь?

— Солончак.

— Посмотри на меня, — попросил он любезно. — Скажи мне, кто я?

— Насколько я знаю, «шахрдар».

— Э-э, — засмеялся шейх, — посмотри повнимательней, может, узнаешь, — он погладил ладошкой круглый живот и, не дождавшись ответа, весело объяснил:

— В этой пустыне я — Хомейни, я — президент, председатель меджлиса, я же — премьер. Хочешь, спроси у людей, — он с улыбкой кивнул на охрану.

Я не стал возражать, но корректно стоял на своем, мол, не надо перечить рахбару⁸⁴, это — «воруде эштебахи».

— Не признаёшь! — с легкой обидой констатировал шейх. Мы были в его руках, и он изгалялся.

Беседа в этом ключе продолжалась до вечера. Шейх был вежлив и терпелив (на Востоке хозяин не может иначе), но на прощание все же сказал:

— Ты молод, наверное, хочешь жить. Скажи мне спасибо. Ведь наши афганские братья пока не узнали, что ты здесь гостишь.

84 Вождь.

Мы условились, что беседа продолжится завтра. Значит, до завтра еще поживем.

— Когда полетим? — спросил полковник по дороге домой. За весь день он не понял ни слова, но, наблюдая за нашей с шейхом мимикой, допускал, что на проводах будет играть духовой оркестр.

— Не знаю, — и я изложил ситуацию в общих чертах.

— Слушай, давай доберемся до рации.

— Нет, — ответил я твердо. — Будем пить чай.

Машина шла по проселку. На ухабах трясло. Во мне булькало несколько литров кипяченой воды.

Перед сном я вышел из дома, сел на скамейку и закурил. Ситуация не из простых. Если толстяк играет «свою игру», управы на него не сыскать. Здесь в округе, кроме бандитов, двуногих, похоже, вообще больше нет. Знать бы, зачем ему эти бумаги? Политика или глупая блажь?

Небо светило яркими звездами, вокруг абсолютная тишина. Я пытался выстроить мысли, но они требовали опоры. А опираться было не на что. Неожиданно со стороны дорожки, проложенной к дому от летного поля, послышались шаги. В темноте показалась фигура мужчины. Это был вчерашний пасдар. Он подошел и присел на скамью.

— Шейху звонил губернатор Систана, был недоволен, что бумаги до сих пор не подписаны, торопил. Шейх попросил еще сутки. Стой на своем, через день они отдадут самолет.

— Ты знаешь, зачем ему эти бумаги?

— Точно не знаю, куда-то хотят запродать.

И он исчез так же, как появился.

Полночи, прикрыв глаза, я гонял свою память крест-накрест, залезая во все уголки: встречал ли я раньше этого парня? Кто он на самом деле? Почему помогает? Его же живьем закопают в песок! Но ответить на эти вопросы так и не смог⁸⁵.

Следующим утром свидание с шейхом.

Я уже знал, как себя поведу. Стало ясно: он не мыльный пузырь, но и не крупный военачальник. Блефует. Надеется на испуг. Зависим. Действует по указке. Без спроса губить не станет, только если получит «добро».

Сама же интрига — борьба группировок. Надо задействовать Тегеран. Пусть столичные муллы покажут здешним, у кого чалма зеленее.

Утром я позвонил в посольство. Сообщил, что жив и здоров, веду сложные переговоры. Мне трудно, поскольку я совершенно один, со мной же спорят премьер-министр, председатель межджлиса, президент и сам Хомейни. Короче, без лишних эмоций поведал про амбиции шейха, его мирный трактат и афганских друзей. Расчет был точный: посольство слушают круглые сутки. Донесение слухачей скоро ляжет на стол тегеранскому руководству. И закрутится мельница. К вечеру по вертикали волна докатится до толстяка. Вот тогда мы и подпишем бумаги. В моей редакции.

Тем не менее я готовился к спору.

Мы выпили пару стаканчиков чая, шейх разложил свой трактат на столе.

⁸⁵ Я знаю, «встреча с пасдаром» выглядит космически неправдоподобно. Но в этой книге выдумок нет.

— Вы, конечно, читали «Тоузих оль-масаэль»? — начал я.

Шейх расплылся в улыбке. Она означала — «Что за вопрос!»

— Наверно, помните, что там написано про Рамазан?

Улыбка стала еще милей.

Прервемся. Я объясню, что это такое.

«Тоузих оль-масаэль»⁸⁶ — один из главных трудов Хомейни. Пост (Рамазан) — одна из глав этой книги. Хомейни — «марджа от-таклид» — мудрец, к которому обращается паства. От имени паствы он задает вопросы и сам на них отвечает. Наставления обязательны для правоверных. В книге расписаны все детали — от рождения мусульманина до кончины. Большое внимание уделяется сексу. Можно узнать, например, когда дозволено спать с собственной тещей и с какого момента этого делать нельзя. Или как быть, если угасли нежные чувства к верблюдице, которую ты долгие годы любил? Это действительно важный вопрос. Зарезать не можешь, заставить работать — неловко. Но если ты небогат и не в силах ее содержать? Имам отвечает: «Надо продать! Но продать в чужую деревню, где люди не знают о вашей любви». Когда я читал эту книгу, из любопытства стал выяснять, почему же в чужую, почему не в свою, чего тут стесняться? Ответ оказался предельно прост. Деревня — это сплошная родня. А ну как твой родственник,

⁸⁶ «Толкование вопросов». Я бил в «десятку» — он не мог сказать: «Нет», как невозможно было партийному функционеру в СССР сталинской эпохи заявить: «Я не читал «Вопросы Ленинизма»».

который ее купил, тоже влюбится и вступит с ней в связь? И будет кровосмешение. Вот поэтому надо в чужую.

То, что здесь сказано, может быть, вызовет смех, не исключая, что отвращение. Но хочу, чтоб вы знали: Хомейни на самом деле мудрец. И то, что он объясняет, действительно нужно людям. Миллионам! Тем самым, что привели его к власти.

Жил в те годы аятолла Дастгейб, милейший дед, похожий на Хоттабыча. В отличие от многих своих коллег никого не взрывал, не травил и не мучил. Умер, правда, не собственной смертью. Дастгейб был великим ученым по раю. Что там и как, знал лучше всех. Об этом писал. Если ты, правоверный, попал в этот рай, тебя окружают гурии. В большом количестве. Очень красивые. Двух видов. Одни прозрачные, и ты наблюдаешь, как по жилочкам у них бежит кровь и вообще, что творится внутри. А другие — зеркальные, еще красивей. Когда обнимаешь, видишь свое отражение.

Вы улыбаетесь?! А я в течение нескольких лет наблюдал, как мальчишки из нищих семей с радостью отправлялись на фронт и шли на неразминированные поля, чтобы попасть к этим гуриям⁸⁷. Иначе решить проблему они не могли.

Есть много подобных примеров. Главное в них то, что надо понять: эти люди не хуже нас, а мы не лучше них. Мы — два разных мира.

87 Мусульманин, павший в бою за веру (шахид), возносится в рай непосредственно с места гибели, в момент гибели.

Теперь о главе «Пост».

Пост Рамазан — великое очищение. Он приближает к Аллаху. Если в течение жизни не нарушаешь поста, то, окончив мирские дела, сливаешься с Богом. Никак не меньше. Значение Рамазана для мусульманина бесконечно, ведь он искренне верит в эту возможность. Осквернить Рамазан могут три вещи: окунание головы целиком в воду, еда и совокупление⁸⁸. Вроде всё кажется ясным: будьте любезны — от звезды до звезды...

Однако в исламе всегда присутствует «но» — компромисс между паствой и Богом. Есть он и у Хомейни. С головой имам поступил, правда, строго: окунул целиком — конец Рамазану. С едой и питьем чуть проще: больному и путнику можно.

Но главное – секс! Рахбар выделяет четыре позиции.

1. «Если ты ввел по линию обрезания и не изверг», — пишет он, — то Рамазан не осквернен, радуйся, правоверный.

2. Но «если ты ввел по линию обрезания и изверг», — пеняй на себя, зачем торопился.

3. «Если ты не изверг, но ввел дальше линии обрезания», — плохи твои дела, зачем углублялся?!

4. А теперь внимание! «Если ты ввел дальше линии обрезания и изверг, **но (!!!)** не знал, что начался Рамазан» — то всё хорошо, дорогой, всё отлично! Вот так!

⁸⁸ По Хомейни.

Вернемся снова в пустыню к шейху.

Он не понял, куда я клоню (зачем неверному Рамазан?!). Но унизить себя вопросом не мог. А я не стал развивать эту тему.

Диспут вяло тянулся к обеду. Интересно, когда ж позвонят?

— Они вторглись в наше святое пространство.

— Они не вторгались в ваше пространство.

— Нет, они вторглись в наше пространство и осквернили его.

— Нет, они не вторгались в ваше пространство.

— Нет, они вторглись в наше пространство.

Эта шарманка с небольшими вариациями крутилась уже пару часов. Я прикинул — вроде пора.

— Так вы помните «Рамазан»? — повторил я свой первый вопрос.

— При чем здесь «Рамазан»? Вы признаёте, что вторглись в наше пространство?

— Признаю!

У шейха от неожиданности раскрылся рот.

— Да, они вторглись в ваше пространство и осквернили его! Они прорвали плеву той самой девицы!

Шейх смотрел на меня выпученными глазами.

— Но они невиновны! Они не знали, что это святое пространство Ирана! Они не ведали, что творят. Они ввели дальше линии обрезания! И извергли! *Но (!)* не знали, что начался Рамазан!!!

Шейх прикусил губу, крыть было нечем — я цитировал Хомейни⁸⁹.

Не буду врать, что именно в этот момент ему позвонили. Это было бы слишком. Но к вечеру мы завершили дела.

У шейха осталась расписка в три строчки о том, что я получил самолет и на нем улетаю. Прощаться с гостями он не пришел.

На рассвете мы стартовали в Союз (с посадками в Захедане и Тегеране). Я забрался в АН-26. Рядом вдоль борта расселись четыре пасдара, они следили, как бы чего... Полковник спросил:

— Ты когда-нибудь прыгал?

— Прыгал. — Он дал мне запасной парашют.

На высоте (кажется, около шести тысяч метров) через пробоины стал выходить кислород.

— Придется снижаться, — сказал командир: двинул штурвал от себя, и мы начали падать... со свистом. Пасдары решили, что это конец, у нас парашюты, и мы будем прыгать, они передернули «калаши». Я отстегнул карабины и сбросил ранец на пол:

— Ребята, в этой машине и так много дырок.

Напряжение спало, в «Мехрабад» прилетели без глупых потерь.

— Валерьяныч, — сказал мне полковник, когда пасдары покинули самолет, — может, останешься? Через сорок минут

89 На русском языке не передать всей прелести игры слов. Дело в том, что по-персидски в данном контексте в обоих случаях (у Хомейни и у меня) «ввод», «залет», «введение», «вторжение» — одно и то же слово «воруд».

Тифлис. Сдадим машину, отметим, своих повидаете и с первой подводой — назад.

Заманчиво. Запросто можно сказать, что иранцы не выпустили из самолета. Беда только в том, что врать я тогда не умел. Сейчас, конечно, жалею.

Я оставался на поле, пока самолеты по рулежной дорожке двигались к полосе. Они оторвались один за другим с интервалом в пару минут, качнули мне крыльями и потянулись в сторону северных гор.

Хорошо помню, как выдохнул: сделано дело!

В зале прилета меня поджидали соседи, ближний и дальний⁹⁰.

— Ну? — хором спросили они.

— Без подробностей?

— Без.

— С каждого по бутылке.

— Доложим и выпьем.

— Лучше наоборот.

90 В старые времена здание МИД СССР находилось на Кузнецком Мосту. На этом месте остался дурацкий памятник Воровскому на полусогнутых ногах. КГБ — на Лубянке, через дорогу, а ГРУ — на Знаменке. Поэтому на МИДовском сленге одних зовут «ближними», других — «дальними» или просто: «соседи». Кстати, о Воровском. Его слепили из воска, то ли из парафина, и, когда везли в литейный цех, от летней жары в железнодорожном вагоне под тяжестью корпуса он «присел». Литейщики разбираться не стали и отлили то, что приехало. Дальше тоже не разобрались, а может, и разобрались, но деваться некуда, деньги потрачены — поставили как есть. А люди до сих пор ходят и не понимают, чего это первый советский дипломат кривляется?

СОЛДАТ

Дело было в Афганистане.

Моджахеды из засады уничтожили наш дозор. В скоротечном бою погибли все, он единственный, контуженный, неведомо как уцелел. Его допросили и оставили жить. Спасло то, что мусульманин, таджик. Перетащили в Пакистан. Там держали на базе под Пешаваром, тренировали на свой лад, прочищали мозги. Через год решили, что годен, и включили в состав диверсионного отряда, идущего на задание.

Он знал: придется стрелять в своих и обязательно убивать, иначе братья по вере убьют его самого. Они убьют его также, если отряд попадет в окружение или при боестолкновении с сомнительным исходом. Может, пристрелят, может, прирежут, но убьют непременно и сразу. Так поступали с пленными, которых брали с собой в рейд.

За несколько дней до выхода он бежал. Его послали за продуктами на базар, там ему удалось уйти. Четкого плана не было, действовал по обстановке — главное, оторваться, запутать следы. Долго плутал по стране. В результате спустился на юг. С караваном белуджей, тащившим наркоту, перешел границу и очутился в Иране. Снова плутал. Кормился поденщиной, милостыней, воровал.

Узнал, что в Иране есть «шурави», ближайшие — в Исфагане. Прodelал путь в тысячу километров и добрался сюда. Приютился в окрестностях города на чьей-то бахче. По пятницам после намаза в соборной мечети проходил вместе с толпой мимо генконсульства, наблюдая за подступом

к зданию. Обстановка ему не понравилась: улица перед входом короткая, узкая и пустая, пешеходов практически нет. Режим контроля со стороны иранцев плотный — не проскочить, перехватят.

Отправился в Тегеран. Месяц следил за посольством. Был осторожен. Чтобы не засветиться, появлялся в округе не чаще двух раз в неделю. В какой-то день занял исходную позицию напротив центральных ворот на перекрестке улиц Нёф ле Шато и Мирза Кучек-хан, где много мелких лавочек и некоторое время можно остаться незамеченным, и когда посольские ворота открылись для проезда машины, бросился через дорогу внутрь.

«Я советский солдат!» — это были его первые слова на русском языке за последние несколько лет. Он шел к своим четыре года!

В его внешнем виде не было ничего особенного: небольшого роста, худощавый, с добродушным азиатским лицом. Под командой завхоза он мирно трудился в посольском саду: заметал сухую листву, чистил арыки, газоны, дорожки. И ждал, пока мы отправим его в Союз. Ждал долго, еще один год.

Случай был уникальный. Наша внешняя контрразведка в Иране, в чью компетенцию входят подобные темы, для начала должна была установить подлинность личности этого человека, затем дать ответ на вопросы: если это действительно наш солдат, не завербован ли американцами, пакистанцами или иранцами по дороге домой? Если завербован, то что с ним делать: выставить за ворота, затеять разведигру, отправить домой и судить?

А если он не соврал, то как его, перешедшего три границы, вытащить из Ирана, минуя тюрьму?

Определиться по всем вопросам следовало без промедления. Задержка в любом варианте была не в нашу пользу. Разведка сработала оперативно. Проверка дала удивительный результат: солдат говорил чистую правду.

После проверки посольство вступило с иранцами в переговоры, чтобы вывезти парня в Союз легальным путем. В МИД ИРИ направили ноту, сообщили его личные данные и то, что в настоящее время он находится у нас. Обстоятельства перехода границы представили следующим образом: «захвачен в ДРА отрядом вооруженной оппозиции, в результате чего оказался в Иране». Формулировка дипломатичная: ничего не понять, но без вранья — так ведь и было на самом деле. Этим хотели запутать иранцев — пусть копают среди своих.

Но те лишних усилий делать не стали, а потребовали выдать солдата. И началась бодяга — долгие, нудные переговоры без компромисса и результата: они требуют выдать, мы не даем, мы требуем выпустить, они не пускают. Так прошел год. Солдат был выдержан и терпелив, но в глазах его ясно читалась тоска. По сути, он продолжал находиться в плену. Ощущение близости освобождения и неизвестность изматывали вдвойне. Его старались беречь, подбадривали, он не знал, насколько всё зыбко. Для иранских спецслужб его путешествие представляло большой интерес, о выезде из страны не могло быть и речи.

Всё решил, как нередко бывает, случай. Однажды в Баку капитан какого-то иранского судна устроил в ресторане

пьяную драку. Его забрали в милицию и, естественно, дали знать в КГБ. Там капитана приняли с распростертыми объятиями, почти как брата. Иранцам предложили меняться — солдата на моряка. Капитан корабля — фигура серьезная, к тому же у него оказалась влиятельная родня. Пришлось иранским спецслужбам сдаться.

Через пять лет солдат наконец добрался к себе в аул. Мы волновались, как его встретят? Встретили достойно, как подобает встречать героев.

**«ИРАНГЕЙТ»:
ВАС ВЗОРВАТЬ ИЛИ ЗАРЕЗАТЬ?!**

Секретно

Экз. № I

В июле 1987 г. провинция Исфаган стала одним из центров жесточайшей за все послереволюционные годы конфронтации среди высшего духовенства Ирана.

Вспышка внутривнутриполитической борьбы последовала за разоблачением в конце 1986 г. тайных закупок Ираном оружия у Израиля и США. В Исфагане в связи с этим особое внимание было привлечено к аресту сейеда Мехди Хашеми, занимавшего крупный пост в Корпусе стражей исламской революции и бывшего, согласно одной из версий, главной фигурой в деле разоблачения глубоко законспирированных связей иранской верхушки с ЦРУ и «Моссад».

Ходжат оль-эслам вальмослемин сейед Мехди Хашеми был хорошо известен в Исфагане еще до революции. В ту пору он возглавлял здесь религиозно-террористическую группу «Хадаф», действовавшую в интересах клана Хомейни и занимавшуюся в основном нейтрализацией его идейных противников среди местного ортодоксального духовенства.

В 1976 г. люди Хашеми совершили убийство аятоллы Шамс-Абади, авторитетного религиозного деятеля, представлявшего в Исфагане великого

аятоллу Гольпаегани. Преступление было раскрыто, Мехди Хашеми арестован, лишен духовного сана и приговорен к длительному сроку тюремного заключения. В 1979 г., после победы исламской революции, он был освобожден из тюрьмы. Сформированная им в провинции новая террористическая группа, получившая название «Абу Зар», выполняла те же задачи, что и «Хадаф». В первые годы революции ею была совершена серия политических убийств, жертвами которых стали неугодные сторонникам Хомейни светские и духовные лица. Деятельность Мехди Хашеми была оценена. Этому во многом способствовали помимо его «боевых» заслуг родственные отношения с семьей Монтазери⁹¹ и близкая дружба с сыном аятоллы Мохаммадом⁹². Мехди Хашеми был привлечен к работе в центре. Он занимал различные ответственные должности в Корпусе стражей исламской революции, в 1983 г. стал начальником Управления исламских освободительных движений (УИОД) — подразделения, ведающего идеологической и разведывательно-диверсионной деятельностью КСИР за рубежом, в основном на Ближнем и Среднем Востоке. Находясь

91 Родной брат Мехди Хашеми — зять аятоллы Монтазери.

92 Ходжат оль-эслам Мохаммад Монтазери, сын аятоллы Монтазери, — известный участник антишахского движения, экстремист, ревностный сторонник идей «экспорта исламской революции» иранского образца в страны мусульманского мира. Погиб в 1981 г. при взрыве штаб-квартиры Исламской республиканской партии в Тегеране.

на этом посту, Мехди Хашеми сохранил деловые связи с бывшими членами «Хадаф» и «Абу Зар» в Исфагане. Некоторые из них благодаря его протекции были выведены на ответственные позиции в местном КСИР. Наиболее доверенные возглавили на местах работу по линии УИОД.

Мехди Хашеми активно использовал потенциал исфаганского КСИР. С 1983 г. на учебно-тренировочных базах Корпуса «Рузе Гадир» и «15 хордад»⁹³ велась интенсивная подготовка диверсионных групп, формировавшихся из афганцев и арабов-шиитов (военнопленных иракцев и собственно иранских арабов), а с 1985 г. — иракских курдов. Под контролем КСИР здесь действовали представительства различных афганских контрреволюционных организаций (от 37 в 1983 г. до 8 в конце 1986 г.), Высшего совета исламской революции Ирака, Демократической партии Курдистана.

Люди Мехди Хашеми вели также интенсивную идеологическую работу среди исфаганской молодежи, пропагандируя идеи «экспорта исламской революции», основанные на религиозном шовинизме, культе индивидуального и массового террора.

Такого рода деятельность Мехди Хашеми, а главное, усиление его личных позиций и откровенное стремление вмешиваться во внутренние дела

93 Входили в число наиболее крупных баз КСИР в масштабе страны.

провинции в целом встречали противодействие в религиозно-политических кругах Исфaghана. Среди духовенства он пользовался поддержкой лишь аятоллы Тахери и его окружения, в глазах же ортодоксального большинства оставался не более чем уголовным преступником.

Ортодоксальное духовенство Исфaghана, возглавляемое руководителем местного теологического центра аятолой Хадеми, пыталось выступить против Мехди Хашеми и его ставленников в КСИР провинции. В 1984 г. по настоянию Хадеми Высший судебный совет ИРИ (аятолла Ардебили) начал пересмотр дела об убийстве Шамс-Абади, а также расследование послереволюционных преступлений группы «Абу Зар». Мехди Хашеми был отстранен от работы в КСИР и находился под домашним арестом.

Известие об аресте Мехди Хашеми вызвало беспорядки в провинции. Его сторонники среди пасдаров спровоцировали вооруженные столкновения в Корпусе. Известны случаи, когда в них участвовали целые гарнизоны, применялись танки и артиллерия, были жертвы. Критическое положение вынудило самого Хомейни вмешаться в дела провинции. В специальном обращении к духовенству он констатировал, что «в результате конфронтации Исфaghан разделится на два лагеря». Призывы Хомейни к единству, сопровождаемые угрозами применить жесткие меры наказания к «раскольникам», несколько охладили

пыт враждующих сторон. Внешне обстановка в провинции нормализовалась.

События в Исфагане в общей сложности не отразились на судьбе Мехди Хашеми. Благодаря усилиям аятоллы Монтазери он был освобожден из-под ареста и восстановлен в своей прежней должности. Тем не менее в дальнейшем он старался не напоминать о себе в провинции. Это совершенно не означало, что Мехди Хашеми, его сторонники и покровители отказались от идеи использовать Исфаган как одну из опорных баз в ширившейся внутривластной борьбе среди духовенства. Наоборот, после событий 1984 г. они начали создавать в Исфагане подпольные склады оружия, боеприпасов, типографского оборудования. Сюда втайне переправлялись документы, изъятые из центрального архива КСИР, компрометирующие противников Мехди Хашеми в руководстве ИРИ. В послереволюционной истории внутривластной борьбы в Иране 1984–1986 годы можно охарактеризовать как период раскола группировки Хомейни. Она практически перестала существовать в том составе, в котором начинала борьбу за власть в первые годы революции. Частично это было вызвано падением личного авторитета Хомейни как духовного и политического лидера, периодически ухудшающимся состоянием его здоровья, реальной возможностью неожиданной смерти и в этих условиях стремлением наиболее авторитетных сподвижников унаследовать абсолютную власть в стране.

В верхнем эшелоне власти наметились три основные силы: председатель меджлиса Хашеми-Рафсанджани, президент ИРИ Али Хаменеи и преемник Хомейни на посту руководителя страны аятолла Монтазери. Между ними шла острая политическая борьба, которая в конце 1986 г. достигла высшей степени накала.

Арест Роберта Макфарлейна, экс-помощника президента США по национальной безопасности, тайно прибывшего для переговоров в Тегеран, и вслед за этим арест Мехди Хашеми, якобы организовавшего захват американца, свидетельствовали о полном, окончательном расколе между представителями высшей власти в ИРИ⁹⁴.

Сейед Мехди Хашеми и арестованные вместе с ним Реза Моради и Мохаммад Казем-заде (оба из командного состава исфаганского КСИР) были обвинены министерством информации⁹⁵ в убийствах, совершенных до и после революции, сотрудничестве

94 Р. Макфарлейн официально ушел в отставку с поста помощника президента США по национальной безопасности в 1985 г. Его место в Белом доме занял вице-адмирал Джон Пойндекстер. Скандал «Ирангейт» или, как его еще называли, «Иран-контрас», связанный с продажей американцами оружия Ирану и передачей вырученных денег никарагуанским «контрас», произошел после отставки Макфарлейна. Но сама операция разрабатывалась и проводилась при нем. Формально на момент задержания в Иране в 1986 г. Макфарлейн являлся частным лицом.

95 Министерство информации (разведка-контрразведка) находилось под контролем сторонников Рафсанджани.

с САВАК, незаконном хранении оружия и взрывчатых веществ, хищении секретных государственных документов, антиправительственной деятельности. Естественно, что за такие преступления им грозила смертная казнь.

Согласно версии, распространявшейся в Исфагане сторонниками Рафсанджани, группа Мехди Хашеми была арестована по следующим причинам:

«После избрания аятоллы Монтазери в 1985 г. на пост преемника Хомейни Мехди Хашеми решил, что теперь у него самого есть шансы захватить в будущем абсолютную власть в стране. Для этого он попытался убрать со своего пути наиболее близкого имаму государственного деятеля — председателя меджлиса Рафсанджани. Используя агентуру УИОД, Мехди Хашеми заманил в Иран Макфарлейна. Затем, арестовав его, распространил слухи о том, что целью тайного приезда американца была встреча с председателем меджлиса ИРИ. Он надеялся таким образом дискредитировать Рафсанджани в глазах имама и народа».

Одновременно «стало известно», что Мехди Хашеми «готовил государственный переворот». Его центром, судя по географии разоблачений, должна была стать провинция Исфаган(!). При этом Мехди Хашеми действовал чуть ли не в одиночку. Абсурдность этой версии не смущала тех, кто ее распространял. Цель была очевидна: вывести из-под удара Хашеми-Рафсанджани, дискредитировать

аятоллу Монтазери, перенести центр скандальных событий из Тегерана и Кума во второстепенный в политическом отношении Исфahan.

Однако вскоре начали всплывать более правдоподобные версии. Согласно одной из них, наиболее распространенной в Исфahане, в 1985 г. израильская разведка, выйдя на руководящие круги ИРИ, предложила свои услуги в поставках оружия и военной техники. При этом, зная о существующей в Иране острой внутривластной борьбе, «Моссад» привлекла к участию в сделке все враждующие религиозно-политические группировки. Американцы, чье оружие израильтяне направляли в ИРИ, узнав об этом, решили использовать заинтересованность Ирана в военных поставках и начать торговлю самостоятельно, без посредников.

Но ЦРУ допустило грубую ошибку, посчитав более рациональным иметь дело только с одной, наиболее перспективной (с точки зрения интересов США) политической силой — группировкой Рафсанджани. Отстраненные от сделки израильтяне не простили этого американцам. Данные о тайных контактах ЦРУ с Рафсанджани и обещанной ему американцами военной и политической помощи были переданы через агентуру «Моссад» политическим соперникам председателя меджлиса. Напуганные возможностью такого альянса, они предприняли решительные действия. Первые же американцы, прибывшие после этого в Тегеран на связь с Рафсанджани, были

арестованы группой армейских офицеров — людьми президента Хаменеи. Тогда же аятолла Монтазери через заграничную агентуру Мехди Хашеми в Бейруте позволил «просочиться» этой информации в арабскую прессу.

Над Рафсанджани нависла реальная угроза гибели. События требовали от него стремительной реакции. В спешке было допущено немало просчетов. Рафсанджани не мог «добратся» до Хаменеи, это было ему не по силам⁹⁶. Но уничтожить второго, более слабого своего противника он постарался. После ареста Мехди Хашеми председатель меджлиса сразу же направился в Кум на встречу с Монтазери, где открыто шантажировал его, угрожая «разоблачениями», и требовал политической отставки.

Действия Рафсанджани получили широкую огласку. В Исфагане распространялись листовки с портретом председателя иранского меджлиса на фоне флага США. В тексте, обращенном «ко всем правоверным мусульманам», говорилось: «Группа предателей, врагов революции тайно вступила в союз с США и Израилем и готовит заговор против Исламской Республики Иран. Главарь этих

96 Тем не менее группа армейских офицеров, осуществивших захват Макфарлейна, была арестована министерством информации одновременно с группой Мехди Хашеми. Затем была произведена целая серия арестов в КСИР и армии, но официально об этом нигде не сообщалось.

предателей Хашеми-Рафсанджани заключил с Америкой тайный договор, согласно которому ему была обещана помощь в организации государственного переворота и захвата власти. Рафсанджани обязался восстановить позиции США в Иране, утраченные ими в результате победы исламской революции»⁹⁷.

Происшедшие события повлекли за собой важную перегруппировку сил в иранской верхушке. Рафсанджани не рассчитал, что попытка лишить Монтазери политического будущего предопределит до тех пор казавшийся невозможным союз аятоллы с его противниками из высшего ортодоксального духовенства. По имеющимся данным, президент Хаменеи предложил Монтазери свою защиту от происков Рафсанджани, пока Хомейни не ушел с поста руководителя страны. В обмен на это у Монтазери потребовали согласия на отказ в будущем от единоличной власти и создания совета факихов с участием великих аятолл Гольпаегани и Мардши-Неджафи. Предложение было принято. Достоверность этой информации подтверждали многочисленные встречи и совещания между членами возникшей группировки. За все послереволюционные годы не было ни одной такой встречи. Зато только с января по июнь 1987 г. Монтазери, Гольпаегани и Мардши-Неджафи встречались для переговоров друг с другом семь раз. Помимо этого

97 Приводится с сокращениями.

великих аятолл неоднократно посещали делегации ортодоксального духовенства Исфаганского, Мешхедского и Кумского теологических центров, президент, отдельные высокопоставленные духовные лица и группы духовенства, занимавшие важные государственные посты. По имеющимся данным, на этих встречах обсуждались вопросы будущей формы государственного правления в стране.

Характерно также, что в это же время к великим аятоллам не раз наведывались Ахмад Хомейни и Хашеми-Рафсанджани. Но эти визиты, по-видимому, не давали им нужного результата, поскольку вслед за ними по центральному телевидению ИРИ, как правило, демонстрировали очередную порцию «признаний» Мехди Хашеми и членов его группы.

О бескомпромиссных позициях сторон свидетельствовал и такой факт, как роспуск Исламской республиканской партии в начале июня «по просьбе Хаменеи и Рафсанджани, с одобрения Хомейни». Противники развязывали себе руки, предвидя неизбежность дальнейшего обострения конфронтации.

В Исфагане ликвидация местного отделения ИРП послужила своеобразным сигналом к активизации религиозно-политических организаций ортодоксального духовенства⁹⁸. Общество Ходжа-

98 Исфаганское отделение ИРП поддерживало в провинции сторонников президента Хаменеи, многие его члены были одновременно связаны родственными и деловыми узами с духовенством Исфаганского теологического центра и общества «Ходжатие».

тие», используя контролируемые им авторитетные мечети — «Сейед», «Чахар баг», «Марьяме Бигам», «Агадар» и большую часть мечетей исфаганского базара, начало открытую пропаганду против теории Хомейни «веляйте факих».

Ортодоксальное духовенство сплачивало силы, теологический центр избрал своего нового руководителя⁹⁹. Им стал аятолла Махдави. Теологический центр Исфагана, всегда следовавший указаниям великого аятоллы Гольпаегани, после перегруппировки в верхах занял сдержанную позицию в отношении «дела» Мехди Хашеми. А в ряде случаев (в городах Гольпаеган и Хомейнишахр) представители теологического центра даже поддержали демонстрации в его защиту.

В этот период изменения наметились и в действиях радикального духовенства провинции. Так, представитель Хомейни в Исфагане аятолла Тахери, связанный с Монтазери долготетней тесной дружбой, допустил явный отход от «курса имама». Тахери отказался от оправдательной оценки поведения иранских паломников, летом спровоцировавших беспорядки в Мекке. Таким образом, аятолла разделил позицию ортодоксов¹⁰⁰ и

99 С 1985 г. после смерти аятоллы Хадеми это место пустовало.

100 С точки зрения иранского ортодоксального духовенства, любые политические выступления в «святом городе» во время совершения паломничества противоречат законам ислама и являются недопустимым грехом.

показал, чью сторону он занял в ходе происходящей перегруппировки сил.

В складывающейся обстановке Хашеми-Рафсанджани и его сторонники действовали, все больше ориентируясь на репрессивные формы борьбы. В середине июня в Иране были созданы особые суд и прокуратура по делам духовенства. Руководящие посты в них заняли ставленники председателя меджлиса — ходжата оль-эсламы Разинии Фалахиан¹⁰¹. Сообщалось, что отделения этих специальных карательных органов будут учреждены в Тегеране, Исфагане, Куме, Мешхеде, Тебризе и Ширазе. Таким образом, открыто указывались места, откуда для группировки Рафсанджани исходила наибольшая опасность. Одновременно с этим последовало заявление министерства информации о том, что в связи с расследованием «дела» Мехди Хашеми вскоре будут оглашены списки имен «группы продажных религиозных деятелей».

Сторонники Рафсанджани как в центре, так и на местах стали укреплять исламские революционные комитеты, в которых ключевые позиции принадлежали в основном представителям этой группировки. В Исфагане, в частности, предпринимались попытки лишить КСИР многих карательных функций, перераспределив их в пользу

101 Разини был назначен на должность шариатского судьи, а Фалахиан — прокурора.

Исламских революционных комитетов (ИРК). В ряде гарнизонов КСИР прошла волна кадровых чисток. Эти действия привели к предельному обострению военно-политической обстановки в провинции. В Исфагане на перекрестках улиц и ключевых дорогах на подходе к городу пасдары начали сооружать огневые точки, используя для этого бетонные трубы большого диаметра и мешки с песком. Трубы ставились вертикально, врывались в землю, в них проделывались бойницы для ведения огня. В городах Фалаверджан, Ленджане Софла, Дорче, Гахдериджан — районах наибольшего влияния Мехди Хашеми — между ИРК и КСИР произошли вооруженные столкновения. Обстановка вызвала крайнюю озабоченность властей, возникала реальная угроза потери контроля над дальнейшим ходом событий. Тогда в провинции была объявлена всеобщая мобилизация. Она стала беспрецедентной по масштабам, практически тотальной. Из Исфагана в прибрежные районы Персидского залива направлялись не только армейские призывники и ополченцы, но и кадровые части Корпуса.

Мобилизация «защитников Персидского залива» проводилась по всей стране. Однако было совершенно очевидно, что обстановка в Заливе, даже с учетом возраставшей там военной напряженности, не требовала с иранской стороны такой концентрации сухопутных сил. Не вызывало сомнения, что основная задача властей состояла в разрядке

напряженности во внутренних провинциях страны накануне завершения «дела» Мехди Хашеми.

О том, что «дело» Хашеми подходит к концу, свидетельствовали и другие факты. Великий аятолла Гольпаегани покинул Кум. Под предлогом паломничества к гробнице имама Резы он выехал в Мешхед, этот бастион ортодоксального духовенства Ирана, и остался там в окружении своих надежных сторонников. За несколько дней до начала суда туда же направился и президент Хаменеи. Он «пребывал с визитом» в провинции Хорасан¹⁰² до тех пор, пока Мехди Хашеми не закончил давать показания в суде. Вполне очевидно, что у Гольпаегани и Хаменеи были веские основания опасаться «добровольных» признаний Мехди Хашеми.

Суд завершил работу в конце августа. Смертный приговор был оглашен и приведен в исполнение в конце сентября.

Сейед Мехди Хашеми не играл самостоятельной и тем более определяющей роли во внутриполитической жизни страны. Его «дело» было лишь ширмой, за которую иранская верхушка пыталась упрятать разноречивые, но в целом неоспоримые факты связи с военно-промышленными кругами и разведками США

¹⁰² Имена президента и великого аятоллы Гольпаегани на суде упомянуты не были, но Гольпаегани и после окончания суда долго еще не возвращался в Кум. В то время даже возникло предположение, что он перенес свою резиденцию в Мешхед.

и Израиля. Под прикрытием этой ширмы происходила также широкая перегруппировка сил в высших эшелонах власти. Никогда еще за все послереволюционные годы среди шиитского духовенства Ирана не возникало столь могущественного союза, как блок Хаменеи-Гольпаегани-Монтазери. В этом союзе долей президента стала его государственная политическая, экономическая и военная власть, великого аятоллы Гольпаегани — авторитет наиболее почитаемого в стране богослова, поддержка в кругах ортодоксального духовенства, крупных землевладельцев и торговой буржуазии, а аятоллы Монтазери — будущее преемника Хомейни на посту руководителя страны. Этот союз выглядел еще более перспективным на фоне очевидной утраты способности Хомейни контролировать положение в стране. Опасная активность основного противника — Рафсанджани только укрепляла этот союз. В день казни Мехди Хашеми аятолла Монтазери заявил: «Мы все солдаты и будем сражаться за наши позиции до конца»¹⁰³.

Арест, суд и казнь Мехди Хашеми, произведенные с санкции Хомейни, дают основание заключить, что на этом этапе внутривнутриполитической борьбы некоторое

103 Эти слова внешне относились к общим проблемам военно-политической обстановки в регионе, но, учитывая момент, когда они были произнесены, можно смело усматривать в них позицию аятоллы и его союзников по отношению к их противникам.

превосходство получила группировка Рафсанджани. Однако стратегический перевес остается на стороне его противников, которые взяли на вооружение тактику «Ходжатие», основанную на том, чтобы исподволь накапливать силы в ожидании благоприятного момента для нанесения решающего удара. Сигналом для такого удара должен быть уход с политической арены аятоллы Хомейни. Перед Рафсанджани, в свою очередь, стоит задача в оставшееся время нейтрализовать этот крайне опасный для него союз. Известная склонность председателя меджлиса к силовым методам борьбы не исключает попытку физического устранения противников. Для Рафсанджани это самый надежный способ обезопасить свое будущее. Такие намерения имеются. Это подтверждается заявлениями некоторых членов его группировки на местах. В Исфгане на одном из пятничных намазов временный имам-джоме ходжат оль-эслам Рухани сказал: «Дело Мехди Хашеми не закончилось с заслуженной казнью этого преступника. Нам еще предстоит выявить и уничтожить корни, которые питали этот отравленный стебель»¹⁰⁴. Таким образом, решающие столкновения

104 В Исфгане считали, что, вопреки официальным сообщениям прессы, боевики из ОМИН не имели отношения к теракту в Мешхеде в феврале 1988 г., в результате которого был ранен брат президента. Взрывы гранат были своеобразным посланием-предупреждением сторонников Рафсанджани самому Али Хаменеи.

между ведущими религиозно-политическими силами ИРИ еще впереди.

Борьба за власть в среде высшего шиитского духовенства Ирана продолжается с различной степенью накала с самого начала существования исламской республики. В 1987 г. очередной этап этой борьбы еще раз наглядно показал, что, в случае когда опасность не угрожает единым для всего духовенства корпоративным интересам, различные его кланы и религиозно-политические группировки действуют, ориентируясь исключительно на собственную выгоду. Они ведут ожесточенную междоусобную борьбу, зачастую пренебрегая национальными интересами страны. Антиамериканские, антиссионистские лозунги в Иране не должны вводить в заблуждение. Ни США, ни Израиль не угрожают основам теократической формы государственного правления в ИРИ. Наоборот, они могут и, как свидетельствуют факты, готовы стать тайным союзником той группы духовенства, которая ради достижения абсолютной власти в стране согласилась бы вновь открыть им дорогу в Иран. Первая попытка установить взаимовыгодные военно-политические контакты с такой группой в руководстве ИРИ окончилась для США неудачей. Но это не значит, что была ликвидирована база для налаживания таких контактов и поиски в данном направлении прекращены. О многом говорит хотя бы тот факт,

что даже в самый разгар «дела» Мехди Хашеми в Иран продолжало поступать вооружение из США. В апреле 1988 г. на исфаганский вертолетосборочный завод «Белл хеликоптер» поступила крупная партия запасных деталей транспортных вертолетов «Чинук», вертолетов-корректировщиков артиллерийского огня и вертолетов огневой поддержки «Хью-Кобра» и «Ирокез». Детали были упакованы в контейнеры с маркировкой «Горное оборудование. Производство США». На 8-й базе истребительной авиации ИРИ, расположенной в Исфагане, благодаря запчастям, также полученным из США, и проведенному после этого ремонту число действующих самолетов «Ф-14» увеличилось с 10 до 25.

Раскол в среде высшего иранского духовенства сильно сказался на его позициях как внутри страны, так и на международной арене. Это еще больше облегчает задачу США и их союзников, которые упорно стремятся любыми способами, пусть не сразу, пусть «под чужим флагом», реставрировать свои позиции в Иране.

Глубокий военно-политический кризис, в котором в настоящее время очутилось правящее духовенство, нарастающее давление со стороны Запада привели к некоторому снижению в этот период уровня антисоветизма в Иране, частично отвлекли внимание иранских мулл от вопросов «экспорта исламской революции», в частности вмешательства в афганские дела. Однако это отступление является

временным, вынужденным. Для иранских богословов со стороны СССР исходит реальная угроза в виде идей социализма и классовой борьбы. Тем более они не могут смириться с тем, чтобы такая же угроза исходила и от соседнего «исламского» Афганистана. В данном вопросе позиция иранского духовенства остается непоколебимой. Классовая борьба независимо от того, кто ее возглавляет, и независимо от ее теоретического обоснования есть с точки зрения ислама социальное зло, не имеющее оправдания.

На протяжении всей истории отношений СССР и ИРИ антисоветизм является неотъемлемой частью деятельности духовенства в Иране. И в то время, как в центре в тактических целях периодически снижают накал антисоветской пропаганды, на местах, в том числе в Исфагане, постоянно поддерживается ее высокий градус.

Здесь в ходу всегда остается лозунг Хомейни: «Америка хуже Англии, Англия хуже Америки, Советский Союз хуже их обеих»!.

ПОПУГАЙ

Был у меня попугай, звали его Исфаган. До того как попасть ко мне, он много лет жил на крыше соседнего дома в узкой клетке-ловушке, прикрепленной к шесту. Попугай занимался похабнейшим делом: орал во весь голос, призывая самок разделить с ним корм и жилье. Он был импозантным самцом: около метра длиной, ярко-зеленый, с красным клювом и черным ободком вокруг шеи. Естественно, самки со всей округи слетались на его зов. Когда они садились на жердочку рядом, ловушка захлопывалась и попугаихи навек лишались свободы. Вскоре они в виде товара поступали на невольничий рынок.

Если судить по-нашему, это была чистая уголовщина (ст. 126 УК РСФСР). Но там, где происходили события, всё воспринималось иначе: Исфаган являлся участником доходного коммерческого предприятия, а следовательно, считался достойной персоной в своей социальной среде.

Однажды ночью над городом разразилась сильная буря, клетку сорвало с шеста и сбросило в консульский сад. Наутро дежурные коменданты, совершая обход, нашли ее застрявшей в кустах и притащили ко мне в кабинет. Исфаган имел потрепанный вид, был сильно растерян, но тем не менее выглядел впечатляюще.

— Ребята, — сказал я своим подчиненным, любуясь этим красавцем, — а не кажется вам, что попугай просит у нас политическое убежище?!

— А как же иначе! — перехватив мой взгляд, ответили хором они.

Так и решили. И когда через пару часов соседи пришли выяснить судьбу своего имущества, наш завхоз вернул им погнутую клетку и объяснил на пальцах, что попугая сторожевые собаки «ам-ам».

В тот же день Исфагану было предоставлено новое жилье улучшенной планировки. Чтобы на деле продемонстрировать преимущества нашего образа жизни, я велел принести со склада десятимиллиметровый стальной прут и с помощью сварочного аппарата собственноручно изготовил огромную клетку, в которую свободно поместилась бы пара горных орлов. Ко мне в квартиру на третий этаж через балкон ее поднимали на толстых канатах восемь здоровых мужчин.

Исфаган, однако, проявил недовольство. Он потребовал к себе в клетку самок! Утрата роли злодея-любownika, вершителя попугайчих судеб, лишала его покоя. Он отказывался добровольно вылезать наружу и постоянно орал. Нужно было помочь ему адаптироваться к новым условиям, для этого следовало наладить контакт. Говорить Исфаган не умел, хотя у меня по этому поводу периодически возникали сомнения, но персидскую речь понимал хорошо.

— Биа! Биа бирун! — предлагал я ему выйти наружу и, когда он не реагировал на первый, второй и третий призывы, суровым голосом добавлял: — Биа, педар сухте!

При последних словах попугай разворачивался ко мне одним глазом и внимательно им на меня смотрел. Убедившись, что угроза исходит именно с моей стороны, обижался и, показывая всем своим видом, что подчиняется исключительно грубой превосходящей силе, начинал

выполнять команду. Но делал это не спеша, стараясь сохранить достоинство. Хватаясь за прутья лапками и клювом, он вылезал из дверцы, карабкался вверх и усаживался на краешек клетки.

— Парваз кон! — обращался я к птице, придавая голосу мягкий тембр, и, когда вновь встречал троекратный отказ, жестко командовал:

— Парваз кон, педар сухте!

Тогда Исфаган с нежеланием взмахивал крыльями и летел в другой конец комнаты на спинку дивана. Присев на нее, он обязательно выпускал струйку помета, что значило: «Тебе за мое унижение!», при этом смотрел на меня хитрым настороженным взглядом, в котором читалось осознание факта совершенного свинства и готовность тут же удрать в случае атаки противника.

Надо признать, что для этого у него были все основания, поскольку в момент дрессировки я держал в руках пиалу с кусочками сладкой дыни и, как альтернативу, домашний половой веник.

В процессе дрессировки я, конечно же, допускал немало профессиональных ошибок, но так или иначе путем наказаний и поощрений мне удалось отучить попугая от прежнего поведенческого стереотипа. Впрочем, это не изменило его внутренних качеств: он остался хитрым, амбициозным типом, весьма ленивым, скрыто ностальгирующим по уголовному прошлому.

Клетка, где жил Исфаган, стояла в большой комнате моей квартиры между телевизором и креслом. Ежедневно после работы я включал телевизор, садился в кресло и

в течение часа слушал вечерние новости. В это время Исфаган всегда замирал: левым глазом он наблюдал за политическими событиями в стране, а правым за мной, периодически вслух комментирующим происходящее на экране. Информация с обеих сторон поступала в его птичьи мозги и там обрабатывалась. Достоверно не знаю, какой обобщающий вывод он делал, но у меня создалось впечатление, что, не будучи моим безусловным сторонником, увиденное левым глазом не одобрял. Несколько раз мне казалось, что сейчас попугай не стерпит и выскажется по ряду острых вопросов, но этого так и не произошло. В чисто персидской манере он не решался открыто говорить на опасную тему.

Примерно через шесть месяцев Исфаган наконец освоился на новом месте и выстроил отношения с окружающими: меня признал вожаком нашей стаи, себя утвердил в позиции зама, на всех остальных глядел свысока. Он прожил со мной в Иране три года.

При возвращении в Москву возникла проблема: что делать с птицей?! О том, чтобы бросить Исфагана на произвол судьбы или даже отдать в «надежные руки», не могло быть и речи.

Но вывоз попугаев из Ирана находился под строгим запретом, а ввоз в СССР требовал ряда официальных бумаг, собрать которые, с учетом первого обстоятельства, было практически невозможно.

В такие моменты выручала смекалка: на консульском бланке я выправил Исфагану паспорт. Биографические данные, в том числе и возраст, позаимствовал у аятоллы

Хомейни. Хозяином записал, естественно, себя. Печать поставил в консульском отделе посольства¹⁰⁵, обменяв ее на аналогичную услугу для попугая Кеши, который принадлежал моему тегеранскому коллеге Сане Балакину. Затем отправился в ветеринарное управление провинции, где делали прививки и выписывали соответствующие свидетельства.

Управление располагалось в нескольких километрах от города в пустынной местности. Дорожные указатели отсутствовали, но ошибки быть не могло: вдоль трассы валялись дохлые ишаки, бараны, верблюды. Над ними кружились стаи ворон. По мере приближения к цели число и тех и других увеличивалось. Запахи стояли не из приятных. Стало ясно, что везти сюда попугая делать прививку — это значит обречь его на неизбежную смерть от какой-нибудь звериной заразы.

— Ну-ка, останови на секунду, — сказал я водителю Вите Журбе и пояснил: — Пересяду назад, когда подъедем, выйдешь первым — откроешь мне дверь. Дальше будем импровизировать.

Витя служил в Иране несколько лет, был тертым калачом и все понимал с полуслова. Он подкатил консульский мерседес к небольшому облезлому зданию, похожему на барак, откуда сразу же высыпали несколько небритых людей в грязных халатах, выскочил из машины, обежал ее спереди и с низким поклоном открыл заднюю дверь.

105 Консул не имеет права выдавать документы самому себе.

Здесь требуется раскрыть некоторые детали местной специфики.

В те годы в Иране тот, кто имел мерседес с водителем, распахивающим заднюю дверь, был очень большим начальником. Статус иностранного дипломата в глазах обычных людей поднимал этот уровень еще на несколько порядков.

Иранский ветеринар, хоть и принадлежал к уважаемому сообществу врачей, в иерархии находился на низшей ступени. Он не мог позволить себе общаться на равных с «большими людьми», как, к примеру, хирург или кардиолог. Он страдал комплексами «маленького человека».

Эти обстоятельства обуславливали способ получения искомой бумажки без риска для жизни попугая: следовало продемонстрировать высокое положение в обществе и вместе с тем уважительное отношение к ветеринару. Иранца это должно было подкупить.

— Господин доктор, — обратился я к человеку, халат которого был не такой грязный, как у других, — могу ли я обеспокоить вас просьбой?

— Конечно, можете! Конечно, можете! — расплылся в улыбке польщенный таким обращением иранский ветеринар.

— У меня есть попугай, — произнес я степенно. — Хочу получить для него сертификат о прививке. Возможно ли это?!

— Конечно, возможно! Конечно, возможно! — радостно откликнулся собеседник.

— Но у меня имеются опасения, что если привезти сюда птицу, она заболеет и умрет.

— Конечно, умрет! Конечно, умрет!

— Но если птица умрет, я не смогу получить сертификат о прививке!

— Конечно, не сможете! Конечно, не сможете!

— Доктор, но мне нужен сертификат!

— Конечно, нужен! Конечно, нужен!

— Давайте сделаем так: выпишем сертификат, а попугая оставим в покое!

— Конечно, оставим! Конечно, оставим! Но... мне все-таки нужно хотя бы увидеть вашего попугая.

— Увидеть, чтобы он умер?!

— Конечно же, нет! Конечно же, нет! Но...

— Доктор! — сказал я, изобразив на лице глубокое недоумение, апеллируя к его восточному воспитанию.

— Зачем вам попугай, если я к вам приехал?!

— Ах, конечно, конечно! Как я об этом сам не подумал?! — виновато согласился иранец.

Через полчаса я возвращался домой, держа в руках нужную мне бумагу.

Эмигрантская судьба Исфагана сложилась печально. Ареалом его обитания была моя квартира в Москве, а ее вскоре не стало. Я развелся, оставив все, что имел. Жить было негде, приходилось кочевать по съемным углам, таская с собой попугая. Именно в это время его выклянул у меня школьный товарищ, крупный по тем временам мафиози.

— Подари, чего тебе стоит?! — упрасивал «новый русский» друг детства. — Тебе его девать некуда, а я ему отдельную комнату выделю! На вилле! У моря!! В Сочи!!! — В общем, уговорил.

Товарищ выполнил обещание насчет виллы у моря. Однако его сочинские коллеги, собиравшиеся там для деловых бесед, заметили как-то, что попугай излишне внимательно вслушивается в разговоры. При этом у них возникло устойчивое подозрение, что он, безусловно, всё понимает, хотя и молчит, и в любой момент может озвучить то, о чем знает. Хозяину была сделана серьезная «предъява», и тот, чтобы не накалять обстановку, открыл окно и выпустил птицу. Сомневаюсь, чтобы Исфаган смог выжить на воле.

ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ НА ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО СССР В ИСФАГАНЕ

Секретно

Экз. № 1

В 10.30 27 декабря 1987 г. на Генеральное консульство СССР в Исфагане совершено вооруженное нападение.

Группа афганских боевиков – около 500 человек из состава эмигрантских контрреволюционных организаций, базирующихся в провинции, – ворвалась на территорию генконсульства, взломав ворота. Нападавшие имели огнестрельное оружие, бутылки с зажигательной смесью, стальные прутья.

Иранская полиция, охранявшая генконсульство, никакого сопротивления им не оказала.

По сигналу тревоги сотрудники генконсульства укрылись в административном здании, оснащенном средствами инженерной защиты. По резервным каналам связи (городские телефоны были отключены) информировано Посольство СССР в Тегеране. Вся документация, носящая конфиденциальный характер, своевременно уничтожена.

Видимой задачей афганцев являлся погром. Однако в толпе действовали также агенты иранских спецслужб (около 20 человек)¹⁰⁶, стремившиеся

106 Их принадлежность к конкретному ведомству была установлена.

проникнуть в административное здание, безусловно, с целью захвата служебной документации.

Нападение осуществлялось в два этапа (две волны) и длилось в общей сложности около 2,5 часов с небольшим интервалом, во время которого представители иранских спецслужб пытались выманить наших сотрудников из здания и вывезти их с территории генконсульства якобы с целью обеспечения безопасности.

Благодаря активным мерам защиты с нашей стороны в течение 2,5 часов нападавшим так и не удалось прорваться в служебную часть административного здания. Однако его неслужебная часть, а также два других здания — представительское и жилое — были ими захвачены, разгромлены и подожжены.

По истечении вышеуказанного времени к генконсульству прибыли подразделения КСИР. Они открыли по погромщикам огонь на поражение. Четверо убиты, около 10 человек ранены, несколько десятков арестованы.

Среди сотрудников генерального консульства пострадавших и раненых нет. Госимуществу нанесен значительный материальный ущерб.

В связи с событием обращает на себя внимание следующее.

1. Афганские контрреволюционные организации в провинции Исфоган находятся под абсолютным контролем иранских силовых структур (МВД, КСИР

и МИ¹⁰⁷). Самостоятельные действия афганцев здесь практически исключены.

2. Накануне событий в Исфагане с двухдневным визитом находился министр внутренних дел ИРИ ходжат оль-эслам Мохташами. Он негласно встречался с местным руководством афганской оппозиции.

3. В ходе нападения было очевидно, что действия спецслужб и КСИР между собой не согласованы, более того, друг другу противоречат.

4. Причастность иранских спецслужб и лично министра Мохташами к нападению на Генконсульство очевидна, как и межведомственный конфликт (МВД — КСИР) при осуществлении этого мероприятия.

5. Советское руководство официально заявило о выводе наших войск из ДРА. Указана точная дата вывода¹⁰⁸. На этом фоне нападение афганских боевиков на советское загранучреждение в Иране имеет неясный политический и практический смысл как для афганской оппозиции, так и для иранских властей.

Причины и цели вооруженного нападения на Генконсульство СССР в Исфагане представляются следующими.

Вывод советских войск из Афганистана создает территориальный военный и политический вакуум.

107 Министерство информации (иранская разведка-контрразведка).

108 15 февраля 1989 г.

Он неизбежно начнет заполняться силами афганской оппозиции.

Наиболее многочисленные контрреволюционные группировки афганцев базируются в Пакистане. Они находятся на содержании СРУ¹⁰⁹ — ЦРУ. На их плечах в Афганистан войдут американцы.

Руководство ИРИ опасается американского усиления в регионе и всеми силами этому противодействует. Кроме того, иранцы сами рассчитывают на проникновение в Афганистан после вывода советских войск. Их цель — расширение социальной и политической базы исламской революции. Однако в ресурсах иранцы значительно уступают американско-пакистанскому блоку, к тому же они контролируют существенно меньшую часть афганской оппозиции — только своих единомышленников-шиитов. Нельзя исключать, что в вопросе «афганского передела» руководство ИРИ, как это ни парадоксально, станет искать поддержки у СССР, который также не заинтересован в американском проникновении в ДРА.

Таким образом, возникает гипотетическая возможность ирано-советского военно-политического альянса по противодействию американскому проникновению в ДРА и общему усилению США в регионе.

109 Объединенное Разведывательное Управление (пакистанской армии).

Вполне очевидно, американцы просчитали такой вариант, оценив его как серьезную для себя опасность. Через свою агентуру влияния они организовали нападение на советское загранучреждение в Иране.

Выбор пал на генеральное консульство, а не на посольство (провинцию, а не столицу), поскольку организаторам в данном случае нужен не широкий международный резонанс, а точечный удар по нашим с иранцами двусторонним отношениям.

Полагаем, что главной целью вооруженного нападения на Генконсульство СССР в Исфагане является обострение отношений между СССР и Ираном, исключающее возможность их антиамериканского альянса в регионе.

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным оставить вопрос о нападении на Генконсульство без жесткой ответной реакции, воздержаться от любых действий, результатом которых может стать обострение советско-иранских отношений.

Секретно

Экз. № I

Оценка причин и цели вооруженного нападения на Генконсульство в Исфгане имеет реальные основания. Благодарим за действия, позволившие избежать обострения отношений.

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

Утром бухгалтер Галя Десятова выносила мусор. Топала по дорожке между деревьев в дальний угол большого сада, где у забора стоял контейнер. Кругом было пусто. Вдруг над забором со стороны переуллка возникла лохматая голова. За ней вторая, третья, четвертая... Какие-то люди, переваливаясь через стену, начали прыгать вниз. Галя, умница, не растерялась, нажала «тревожную» кнопку на стволе одного из платанов, бросила к черту мусор и побежала назад. Взревела сирена. В этот момент пять-шесть афганцев, орудуя арматурой, уже ломали навесные замки ворот изнутри. Они распахнулись. В них с воем ворвались сотни людей. Началась беспорядочная стрельба, раздались глухие взрывы.

В моем кабинете со звоном посыпались стекла, о стену шлепнулось несколько пуль. Я кинулся на пол. Лежа схватил со стола телефон. Тишина. Второй тоже молчит. Связи нет, ее отрубили. Выбрался из кабинета через «хитрую» дверь в жилую часть помещения. Там на лестнице несколько наших ребят задраивали входную решетку.

— Всем на крышу! — заорал я, и одному из них, Саше: — Открой!

— Вас же убьют!

— Выполняй!

Он приоткрыл решетку, и я выскочил в сад.

Вокруг бесновалась толпа. Искаженные злобой лица. Шел тотальный погром. В окна летели камни, бутылки с зажигательной смесью. Уже полыхал первый этаж

административно-жилого здания, резиденция, гаражи. Афганцы хаотично метались по территории консульства, круша все, что попадалось им на пути. Стрельба, взрывы, огонь.

Меня сразу же засекли. Из толпы рванулись четверо. Мелкие, но коренастые. Расстояние метров десять, не больше. Вот она — смерть! Но страха не было, только дикая ярость: хоть одного утащу за собой! Я бросился им навстречу, схватил первого из бегущих за ворот и зубами вцепился в глотку. Он завизжал и залился кровью. Трое других, вероятно, от неожиданности, вместо того чтобы стрелять, стали отдирать его от меня. Я разжал пальцы, афганцы повалились на землю. Мгновение, и я затерялся в ревущей толпе.

Вдруг кто-то схватил меня за плечо, по виду иранец. Он стянул с себя куртку и крикнул мне в ухо: «Надень, в ней тебя не убьют!» Оказалось, я голый по пояс, рубашка и майка лоскутами висели где-то на дальних кустах. Без разговоров надел эту куртку. Затем кинулся в сторону хоздвора. В той части генконсульства низкий забор, я уцепился за край и, подтянувшись, очутился на крыше соседнего дома. Мчался по плоским крышам, перемахивая через узкие переулки, и спрыгнул на улице Чахар-баге паин. Вбежал в лавку молочника: «Дай позвонить!» Но он не позволил. Тогда через дорогу к зеленщику. Махмуд-зеленщик плотно закрыл за мной дверь и потащил в глубь лавки за занавеску: «Звони!» Я набрал номер комендатуры посольства и коротко изложил обстановку. Дежурный пограничник всё понял с полуслова. Продолжая слушать, он уже докладывал по внутреннему

телефону. Я знал: сейчас наши поднимут на ноги весь Тегеран. Скоро подключится и Москва. Но главное — Тегеран. Спасти нас могут только оттуда. Я сказал, что возвращаюсь назад и выйду на связь, если останусь в живых, не знаю когда.

Назад вернулся через переулок Масджеде Софречи. Входные двери были разбиты. На территории пусто, афганцы исчезли. В саду увидел иранцев, одетых в такие же куртки, как у меня. Напротив административно-жилого здания стоял автобус без номеров. Пожар продолжался.

Неожиданно я обнаружил у себя на боку пристегнутую к поясу рацию. О ней я совершенно забыл. Вторая была у Юрки, который по штатному расписанию уничтожал документы. Включил рацию:

— Ты меня слышишь?!

— Слышу!

— Уничтожил?!

— Нет еще! Жгу... но херово горит!

— Жги, Юрка, жги!

— Жгу, мать их... еще минут десять!

— Имей в виду, первый этаж захвачен.

— Понял.

— Где люди?

— На крыше, я здесь один. В двери стреляют!!!

Это я видел и сам. Иранцы из пистолетов сажали пулю за пулей в замок защитной решетки служебного помещения. Пытались выбить личинку.

Я подбежал к стрелявшим.

— Кто такие?! Где старший?! Представьтесь! — орал я первое, что приходило на ум.

Иранцы прекратили стрельбу: непонятно, кто я такой? Судя по куртке, свой, но своих они знали в лицо. Возникла пауза. Краем глаза я успел разглядеть: решетку им не осилить. В замке сидело столько свинца, что его заклинило намертво.

В это время из переулка со стороны городского базара возник нарастающий гул. К нам приближалась новая группа афганцев. Возобновился погром.

— Юрка, — кричал я в который раз, — ты сжег?!

И наконец услышал:

— Сжег, сжег!!!

И тут у меня защемило сердце. Я вспомнил, что в небольшом отделении сейфа, где документы на папиросной бумаге, которые жечь в первую очередь, хранился толстый конверт с долларами за все пять лет командировки.

— Юрка, — заорал я в отчаянии, — доллары!!!

— Отложил, — ответил мне Юрка бодрым голосом.

Вторая волна погрома продолжалась недолго, около двадцати минут. После чего со стороны базара стукнули короткие автоматные очереди. Это подоспевшие на выручку пасдары стреляли в толпу. Афганцы бросились в сторону Чахар-баге паин. Здесь их встречали иранцы — жители соседних улиц, и били.

Когда всё завершилось, мы стали тушить пожар. Одновременно я дал команду немедленно ликвидировать внешние признаки нападения, чтоб не позволить противнику эксплуатировать тему разгрома в антисоветских целях. Говоря обычным языком, приказал взять метлы и убрать улицу перед нашим фасадом от битых стекол, обломков

консульского имущества и снова поднять над зданием сорванный государственный флаг.

Рота КСИР окружила генконсульство. Снаружи у разбитых ворот и дверей выставили посты. Командир сообщил мне, что охрану они берут на себя.

— Как думаешь, наградят? — спросил Юрка, шмыгая носом, измазанным сажей. Юрка был тогда еще молодой.

Я посмотрел вокруг: три почерневших от копоти здания, взорванные автомашины, переломанная, выброшенная из окон казенная мебель, какое-то личное барахло. Прикинул всё это на вес и ответил:

— Скажешь спасибо, если не выпишут пиздюлей.

Через день из Тегерана прибыла проверочная комиссия. Ее возглавлял дипломат старой закалки, второе лицо в посольстве.

— Ну, — сказал он, с любопытством оглядываясь по сторонам, — показывайте, чего вы тут по пьяни наворотили ¹¹⁰.

¹¹⁰ Впрочем, была и другая оценка. 27-го по КГБ СССР дежурил генерал Георгий Пипия. Он дружил с моими матерью и отцом. Ему первому на стол легла шифровка о событиях в Исфагане. Жора снял трубку и набрал моих стариков. «Света, — сказал он, — сегодня вечером будешь смотреть телевизор, не волнуйся, там всё в порядке, мальчик вел себя хорошо».

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ - 2

27 декабря — день нашего вторжения в Афганистан. В Иране он отмечался массовыми антисоветскими демонстрациями. В Исфагане в них принимали участие десятки тысяч афганцев. Мероприятия проходили под контролем местных властей. Муллы вели толпу по улицам города, жгли чучела советских солдат и обязательно государственный флаг. Потом устраивали намаз на центральной площади, которая до революции называлась Шахской, а после — «Мейдане эмам». Площадь расположена в непосредственной близости от генконсульства. Их разделяет исфаганский базар — крытая территория, около сотни гектаров земли, маленький город, со своими улочками и переулками. Одна из таких улочек выходит прямо к нашим воротам. В дни намаза базар всегда пустовал.

Горожане-иранцы к этой дате относились индифферентно. Афганцев они не любили, считали народом третьего сорта, промышляющим наркотиками и воровством.

27-го мы всегда принимали дополнительные меры защиты в доступных для нас пределах. Накануне я обращался в генерал-губернаторство с нотой об обеспечении безопасности. Встречался с Карбасчи или его замом по политическим вопросам. Оба были вполне вменяемыми людьми. Я говорил, что у нас есть данные о готовящихся провокациях, хотя никаких данных не было. Мне отвечали, что демонстрация — законное право бездомных афганцев, изгнанных из своей страны агрессором, но заверяли, что эксцессов при этом никто не допустит. Тем

не менее 27-го выход в город нашим сотрудникам был запрещен, все находились внутри помещений, на крыше генконсульства выставлялся наблюдательный пост.

Толпа на площади вопила «Смерть СССР!» с такой силой, что слышно было за много кварталов. Но близко к нам ее не подпускали. Все подходы к генконсульству охраняли усиленные полицейские патрули. Так было из года в год.

В то утро дежурный доложил: демонстрация миновала Чахар-баге паин, после этого час орала на площади, а потом разошлась. На улицах никого больше нет. Он спросил, что делать дальше? Я приказал вести наблюдение еще тридцать минут, потом, если всё будет тихо, дать отбой. Сам оставался у телефона, чтобы дожидаться звонков с метзавода и ТЭС и доложить обстановку в посольство.

Повторяю, это был совершенно обычный день. Ничего примечательного, пожалуй, кроме того, что 27-е выпало на выходной.

Подобные мероприятия случались постоянно. К массовым шествиям и воплям «Марг бар шурави!»¹¹¹ мы привыкли, как холостяк к яичнице, и если всякий раз по этому поводу забирались бы под матрац, то там оставались бы не вылезая. Что могли с точки зрения безопасности делать, но могли, конечно, немного. За год до этого из Москвы нам прислали каски, резиновые дубинки с электрошоком и две рации. Но каски почему-то оказались пластмассовые, в дубинках не работал электрошок (мы проверяли на местных кошках), а рации оказались б/у и держали связь на расстоянии не более 100 метров друг от друга.

¹¹¹ Смерть советским!

Был еще здоровенный бетонный куб, тонны эдак на полторы, на рельсах и роликах. Он перекрывал дорожку, ведущую от ворот к административно-жилому зданию, на тот случай, если кто-то придумает въехать сюда на машине со взрывчаткой. Такие грузовики со смертниками только что появились на Ближнем Востоке. Вот, собственно, и всё наше боевое оснащение. Был, правда, еще старый винчестер времен англо-бурской войны с одним патроном в стволе. Но два года назад наш захвост пригрозил застрелить из него генконсула, и я спрятал винчестер в свой сейф, а патрон выкинул в мусор.

Нас спасли быстрота и маневр, отработанные до автоматизма в течение нескольких лет во время воздушных бомбардировок Исфагана, когда от сигнала тревоги до первых разрывов всего пара минут. Люди действовали по схеме «защита от нападения». Входные решетки на всех дверях были задраены в течение считанных секунд, а сами сотрудники укрылись на крыше административно-жилого здания, где за бордюрами их не было видно.

Не обошлось без накладок. В момент нападения наш водитель, он жил в отдельно стоящем доме, принимал ванну. Лежал в ней, как положено, голый. Так два с половиной часа он голый и пролежал, боясь пошевелиться. Горячую воду, чтоб не шумела, выключил. Ванна, естественно, скоро остыла. Но что делать, жить-то хочется... Ему повезло. Хотя здание полностью было в руках нападавших, в ту квартиру почему-то никто не зашел.

Когда нападение было отбито, я отправился к генерал-губернатору. Без доклада, минуя охрану и секретарей, что в

принципе раньше было исключено, и потребовал объяснить, что всё это значит?!

Карбасчи выглядел растерянным. Я убежден, он не знал о готовившемся нападении. Это важное обстоятельство для последующих выводов, ведь генерал-губернатор — высшая власть в провинции, креатура самого Хомейни.

Карбасчи признался, что в ближайшую ночь возможно новое нападение. Сегодня погибли четыре афганца, за них собираются отомстить. Но местные власти примут все меры для нашей защиты.

Может, и примут, а может, и нет. Кто его знает?

Из генерал-губернаторства я поехал на ТЭС. Собрал коммунистов. Их было человек тридцать. Рассказал всё как есть, что случилось и что еще может произойти. Нас в генконсульстве слишком мало, нужны добровольцы для ночного дежурства. Из тридцати двадцать пять сделали шаг вперед. Возможно, сейчас это выглядит пафосно. Но состоялось всё именно так, и на форму мне было плевать.

Близился вечер. Вроде сделали всё, что могли. Главное — люди живы. Теперь можно спокойно подумать, какая сволочь заказала этот погром?

Стихийный вариант исключен. К нападению, безусловно, готовились. Накануне какой-то грузовик свалил рядом на улице кучу камней. Мы это заметили, но не придали значения — там строили дом. На следующий день именно с той стороны на нас побежала толпа, хватая из кучи булыжники.

И телефонная связь не сама отключилась.

Среди афганцев находились иранцы — агенты каких-то спецслужб. Случайно это тоже произойти не могло.

Мохташами здесь болтался целых два дня. Следует выяснить, что он здесь делал.

Теперь кто как действовал.

Афганцы срывали запоры и громили повально. Иранцы стреляли, точно зная куда. Им просто не повезло с тем замком. Пока я мотался звонить, они пригнали автобус. Пытались выманить нас, обещая спасти. Если бы люди поддались на провокацию, то консульство оказалось бы у иранцев в руках. Надо установить, из какой конторы эти ребята. Они арестовали Махмуда-зеленщика, били, сломали ребра. Он помнит, куда его отвезли.

И еще.

Зачем тот парень сунул мне куртку? Из альтруизма и чистой любви? Вряд ли. Очевидно, была установка — по возможности крови не допускать.

Исфаганский КСИР примчался на выручку по команде из Тегерана. Метелили от души. Если бы нападение санкционировали из столицы, этого бы не произошло.

Постепенно складывалась такая картина: основная цель нападения — погром, попутная — документы. Организатор — спецслужбы. Заказчик — противники группировки имама.

Это внешняя сторона медали, а дальше...

Соображения по этому поводу я изложил в телеграмме. Скоро они были подтверждены реальными событиями.

Американцы сделали паузу в две недели. Поняв, что их раскусили, разыграли второй вариант. Профессионалы, планируя операцию такого масштаба, всегда предусматривают несколько вариантов решения. Это закон. На вооружении

Ирака находились ракеты средней дальности советского производства. Им заменили топливо и облегчили боеголовки. В результате дальность полета увеличилась с 330 до 750 км. И неважно, что теперь они не попадали «в колышек», зато свободно долетали до крупных городов в глубине страны.

Я наблюдал такую ракету на подлете к цели. По форме — это большая труба с округлым носом. Она не свистит, не ревет и не мчится, как показывают в кино, а движется беззвучно со скоростью пешехода, буквально несколько километров в час. Потом зависает над городом на высоте пятисот-шестисот метров (всё это время люди смотрят на нее заворуженно, задрав головы). Потом от передней части отделяются три боеголовки и, вращаясь штопором, падают. Раздаются мощные взрывы: жителям трех кварталов не повезло. Их, жителей, больше нет. Сама труба, повисев еще немного в голубом небе, валится на землю. Не прицельно, а просто как груда металла. На этот раз не повезло жителям еще одного дома.

Зимой 1988 г. иранские города регулярно подвергались ракетным обстрелам. Основной удар обрушился на Исфаган — две-три ракеты в день. Маркировка на них была «Сделано в СССР».

Американцы добились поставленной цели. Анти-советские настроения достигли в стране высочайшего градуса. В Исфагане жить стало крайне опасно. В любую минуту могли растерзать. А что прикажете делать? После каждого взрыва оставались воронки глубиной метра четыре и груды камней, из которых торчали человеческие руки и ноги. Земля в радиусе километра была усеяна частями

корпуса развалившейся ракеты. Большие кусища металла с какими-то цифрами и надписями на русском языке.

Но парни из Пентагона и ЦРУ зря потирали руки и думали, что их наконец-то взяла: в который раз они просчитались. Затратили столько сил и средств, и всё это даром.

Они не знали главной советской тайны. Дело в том, что нашим мастодонтам в Кремле такие умственные комбинации были не по силам, им и в голову не могло прийти договориться о чем-то с муллами.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Такого в жизни не было никогда. Законный отпуск составил одиннадцать месяцев. Все одиннадцать я отгулял. На службу вышел почти через год.

А еще через год мне позвонил новый Генконсул СССР в Исфагане и попросил о встрече. По внешнему виду и интеллекту он был однойцевым близнецом трех давнишних моих сослуживцев из кабинета на девятнадцатом этаже: страны не знал, языком не владел, ехал руководить. До пенсии оставалось совсем чуть-чуть.

— Расскажи, как там было.

Я рассказал.

— Слушай, я тут листал твои документы, ты что же, выходит, еще и писал?

Я утвердительно кивнул.

— Как думаешь, и мне придется?

Вопрос был глупый, я промолчал.

— Слушай, а чем дело-то кончилось?

— Спустили флаг, эвакуировали людей. Там остался только один человек. Теперь ждут вас, чтобы снова начать работу.

Он задумался, минут эдак на пять.

— Слушай, а может, мне его не поднимать?

— Кого?

— Да не кого, а чего, флаг этот!

На следующий день я отправил письмо другу Юрке. «Юрок, сделай всё, чтобы срочно перебраться в посольство, к тебе едет конченный идиот!»

Но Юрке это не удалось. Он испил свою чашу до самого дна. Мистический круг не разорвать!

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ (ЭПИЛОГ)

В XX веке мы пережили три мировые войны. Они отличались друг от друга по форме, но всегда имели одну и ту же задачу: противники бились за мировое господство, а простыми словами – за необратимый передел земных богатств в пользу сильных.

В этих войнах всегда кто-то жестоко проигрывал. Но вот в чем фокус: победители ни разу не достигли поставленной цели!

Как ни странно, этому очевидному факту не придавали значения, и люди под предводительством своих вождей продолжали колошматить друг друга, не задумываясь над альтернативными путями решения вопроса общежития на Земле.

В конце века в результате третьей войны пала российская империя, существовавшая последние семьдесят лет под названием Советский Союз. Страна в те годы напоминала царство Дадона: Золотой петушок на дворцовом шпиле крутился, как ошпаренный, во все стороны света и кукарекал бесперебойно.

Враги ликовали. Каждый стремился воспользоваться моментом и оторвать от ослабевшей державы кусок пожитней. Но что делать дальше в стратегическом плане, толком никто не знал.

Из политиков, пожалуй, один Хомейни имел наиболее четкое видение темы. Незадолго до полного краха СССР

в личном письме к Горбачеву он призвал Генерального секретаря ЦК КПСС и остальных граждан страны принять ислам. Это, по мнению имама, было единственным шансом спасения. В противном случае всех ожидала гибель!

Вы думаете: вздор выжившего из ума старика?! Ни в коем случае! Великий аятолла никогда пустословием не занимался. Дело в том, что в этот период на Востоке уже зарождались идеи экспансии на Север с использованием т.н. «исламских коридоров» – мест компактного проживания мусульман. Авторами были саудийцы, пакистанцы, турки и иранские муллы, имевшие к тому времени богатый опыт экспорта исламской революции. Не могу судить о деталях (в то время я уже оставил госслужбу), но доподлинно знаю, что в 1992 г. для осуществления этих планов уже имелась международная структура, наделенная серьезными силами и средствами. Первый удар планировалось нанести с территории Ирана в Дагестан, Чечню, Ингушетию, Осетию, Абхазию. В результате образовывалась дуга с выходом к Черному морю. Грузия и Армения подлежали уничтожению.

Второй удар направлялся из Афганистана через среднеазиатские республики, татар и башкир аж к северным морям!

Масштабно задумано, что и говорить!

В те годы российские дипломаты и разведчики информировали об этом Центр чуть ли не каждый день. Но, по словам одного из моих бывших коллег, все донесения шли «в мусорное ведро». Даже когда грянули

гром и молнии, в Кремле не сразу опомнились. И хотя на сегодняшний день в результате пятнадцатилетней войны на Северном Кавказе панисламистам вроде бы обломали хребет, до конца ли – это еще вопрос?! А уж крови пролили кавказской и русской без меры.

«Вот такая, понимаешь, загогулина!» Впрочем, а когда было иначе?!

События на Кавказе требовали серьезного внешне-политического реагирования. В том числе возникал вопрос, что делать с Ираном: дать ему по мозгам, чтобы больше не рыпался, или заманить интересом (экономика, политика, вооружение), чтоб опять же не рыпался? Бодаться не было сил, поэтому выбрали путь сотрудничества: обязались снабдить иранцев ядерной технологией, оружием, прикрыть где надо на международном уровне. Взамен предложили им выйти из панисламистского альянса, прекратить поддержку диверсий на Северном Кавказе и в Центральной Азии, помочь решить местные конфликты в интересах России, содействовать восстановлению ее позиций в Афганистане, препятствовать движению НАТО на восток.

Дипломаты и разведчики старались перенацелить экспансионистские устремления иранцев с юга России на их собственный юг, способствовать реализации традиционных амбиций в Персидском заливе, на Среднем и Ближнем Востоке: пусть теперь не у русских, а у саудийцев, иракцев, израильтян и их союзников – американцев голова пухнет от иранских проблем.

Любопытно, что предлагаемый вариант полностью устраивал руководство ИРИ. Иранские муллы быстро

сообразили, что в панисламистском альянсе, нацеленном на территории РФ и Средней Азии, им придется довольствоваться второстепенной ролью. Соперничать с Саудовской Аравией, Турцией и Пакистаном за влияние в этих регионах они не способны. В одиночку сражаться тем более. Кроме того, концентрация в Персидском заливе мощной военной группировки США, готовящей вторжение в Ирак и открыто угрожающей Ирану, серьезно их напугала.

В этой ситуации что могло быть лучше сделки с Россией, где они получали всё, что хотели, а платили тем, что в хозяйстве не нужно (традиционный иранский ход)! К 2001 г. окончательно договорились, и во время визита в Москву президента Хатами подписали договор «об основах взаимоотношений».

Подозреваю, что в Кремле посчитали эту шахматную комбинацию блестящей хитростью и совершенным успехом. Уверен: ту же оценку дали себе и иранцы.

Отвести угрозу от границ своего государства – дело достойное. Но способы, выбранные Россией, на мой взгляд, сомнительны. И ходы в этой игре продуманы не до конца.

По этому поводу скажу следующее: учите, ребята, персидский язык и послушайте великого аятоллу Ланкарани¹¹², одного из главных иранских идеологов последних

112 Великий аятолла Мохаммад Фазель Ланкарани (умер в 2009 г.) являлся чрезвычайно влиятельным религиозно-политическим деятелем. Ланкарани предпочитал оставаться в тени, многие годы занимал скромную административную должность в духовном медресе Кума, но всегда пользовался большим авторитетом среди высшего духовенства. Ланкарани являлся членом Совета Экспертов, ему конфиденциально было поручено контролировать государственный бюджет. Он также отвечал за внешнеполитическую идеологию.

лет. «Нет различия, – говорит марджа от-таклид, – между Америкой, Европой и Россией, они являются единым врагом исламского Ирана». И добавляет: «...Времена проповедей двадцатилетней давности прошли. ...нужно вести наступательную и упредительную политику, разрабатывать и применять инновационные методы борьбы против своих противников...»

Ну как? Дать им атомную бомбу?! Вопрос этот, однако, уже риторический, процесс практически необратим! Результаты мы скоро увидим¹¹³.

Российско-иранские отношения в эти годы были насыщены не только драматическим содержанием, имелись, как водится, и курьезы. Расскажу одну историю, связанную со строительством атомной электростанции в Бушере, вокруг которой сейчас происходит всемирная суета. И россияне, и персы проявили здесь свои характерные качества.

По контракту около 30% стоимости АЭС иранцы должны были оплатить в виде продуктов «традиционного национального экспорта». Российские переговорщики приняли формулировку, будучи абсолютно уверенными, что речь идет о нефти и газе. Каков же оказался сюрприз, когда после подписания документа им сообщили, что это кишмиш, макароны и томатная паста!!!

¹¹³ Работы по созданию иранского ядерного оружия велись при содействии (на разных этапах) КНР, КНДР и Пакистана. Начало около 25 лет назад положили китайцы. Один из научно-исследовательских центров находился в Исфагане, и несколько раз я наблюдал их узнаваемые физиономии в городе. Но заниматься этим вопросом вплотную в мои задачи не входило. Данных о прямом участии России в создании иранского ядерного оружия у меня нет. Однако Россия активно сотрудничает с Ираном в области атомной энергетики, что способствует продвижению его военной программы.

В то время я уже занимался бизнесом. Меня пригласили в Минатом старые друзья по Ирану и спросили, смогу ли я реализовать на рынке страны такой объем кишмиша?!

Несложная калькуляция показала, что на сумму, равную 30% стоимости АЭС, российские граждане будут кушать иранский кишмиш лет пятьдесят из расчета по мешку в год на каждого. Не знаю, чем закончилось дело, но в конце девяностых годов оно обстояло именно так. Но вернемся к серьезным вопросам. Посмотрим, что произошло во внутривнутриполитической жизни Ирана за истекшие двадцать лет.

В 1989 г. незадолго до смерти Хомейни аятоллу Монтазери убрали с дороги: отрешили от должности и посадили под домашний арест. Освободившееся место рахбара — Руководителя исламской республики (как предсказывалось) занял аятолла Хаменеи, совместив этот пост с должностью президента ИРИ.

Но вскоре (у Хаменеи уже истекал второй срок) президентское кресло занял его главный соперник Али Акбар Хашеми-Рафсанджани¹¹⁴. Через два срока Рафсанджани посадил туда своего ставленника Мохаммада Хатами¹¹⁵, которого через два срока сменил ставленник

114 Хашеми-Рафсанджани был избран президентом ИРИ 3 августа 1989 г.

115 Мохаммад Хатами в послереволюционные годы занимал второстепенные государственные должности. Был главой национальной библиотеки, министром культуры. Авторитетом среди высшего духовенства ИРИ никогда не пользовался.

аятоллы Хаменеи Махмуд Ахмадинежад¹¹⁶, который летом 2009 г. при весьма сомнительных результатах был переизбран на второй срок.

Президенты приводили с собой «новые команды», состоявшие из старых, всем надоевших функционеров. Они обещали согражданам скорое благополучие. Никто своих обещаний, естественно, не сдержал.

Эта чехарда напомнила мне игрушку нашего детства – калейдоскоп: количество стеклышек, форма и цвет оставались неизменными, но стоило чуть повернуть трубочку, как узор неповторимо менялся. Картинка завораживала. И вроде бы всё известно, но так любопытно: что будет дальше?!

Сами Хаменеи и Рафсанджани, хотя по-прежнему остаются крупными игроками в иранской политике, не имеют абсолютной власти. За каждым стоит сложная структура, напоминающая лабиринт. Они ее часть – не более. Реальная власть в стране принадлежит высшему духовенству, сгруппированному в кланы и тесно связанному с крупным финансовым и промышленным капиталом, земельной собственностью. Оно выступает единым фронтом, когда речь идет об угрозе общим корпоративным интересам, и люто воюет между собой за обладание источниками обогащения. В этом отношении всё осталось, как было.

¹¹⁶ Махмуд Ахмадинежад – «человек из народа», сын кузнеца. Участвовал в молодежном исламском революционном движении, был одним из организаторов захвата посольства США в Тегеране. По некоторым данным, готовил захват посольства СССР. Воевал на ирано-иракском фронте. С конца 80-х годов – на государственной службе, где занимал мелкие административные должности в провинции. В 2003 г. неожиданно стал мэром столицы, а в 2005 г. президентом страны.

Среди главных внутренних проблем духовенства в настоящий момент я бы выделил вопросы морали, демографический взрыв и неизбежную смену поколений.

Ислам отвергает главенство материального над духовным, деление членов общины на эксплуататоров и обездоленных, элиту и нищих, а также получение сверхприбыли в результате ростовщичества (банковская система), торговли и производства. Реализовать эту мораль в современном обществе невозможно, она противоречит сути буржуазной социально-экономической формации. Объединение светской и духовной власти в одних руках не позволяет муллам снять с себя ответственность за социальную несправедливость. Остается только юлить! Но внешний аскетизм духовенства не может скрыть истинного положения дел. Ни для кого в стране не секрет, что представители высшего руководства ИРИ – сказочно богатые люди и большинство из них, придя в революцию «в дырявых штанах», состояние добыли, присосавшись к государственной казне¹¹⁷.

Это обстоятельство вызывает серьезные протестные настроения, особенно в городах. Положение осложняется также тем, что в настоящее время в результате послереволюционного демографического взрыва, больше половины населения страны составляет молодежь, которая подвергает сомнениям взгляды старшего поколения, сформированные тридцать лет назад.

117 Рафсанджани, к примеру, по версии Forbs, входит в сотню мировых богачей.

К этому надо добавить тот факт, что «старики», обладающие высоким авторитетом, постепенно уходят. Нет уже великих Хомейни и Гольпаегани. Изрядно поседели и два наших героя-антипода: Хаменеи и Рафсанджани. Для того чтобы удержать государственную власть на всех уровнях, «старикам» необходимы преемники. Возникают новые персонажи. Но степень их надежности пока что не определена и новые команды полностью не сформированы. Тем не менее эти проблемы хоть и являются достаточно опасными, на мой взгляд, не угрожают основам теократической власти в Иране. Они лишь вынудят правящее духовенство со временем предоставить более широкие возможности для деятельности средней и мелкой национальной буржуазии и увеличить расходы на социальные нужды малоимущих слоев населения.

В перспективе иранское общество будет двигаться в сторону западных буржуазных ценностей, медленно, сохраняя исламскую атрибутику, под руководством мулл.

А как поживает мой Исфаган?

Славный город стоит на прежнем месте! Его дворцы, мечети и парки продолжают восхищать людей. И «качающиеся минареты» тоже живы и даже снова качаются. Правда, туристов теперь внутрь не пускают. Для демонстрации древнего чуда ввели специальную должность «раскачка»: залезает в башенку легкий мужичок и качает. Но не чаще двух раз в неделю.

И российское генеральное консульство тоже на месте. И так же как двадцать с лишним лет назад, слетаются к вечеру (на чью-то беду?!) в его парк вороны. И зеленеет водой пожарная яма – она же плавательный бассейн. Всё это можно увидеть в глобальной сети через спутник.

Прав был Костя Шувалов, наставлявший меня перед отъездом в Иран: «Запоминай мелкие детали. Именно они делают Историю. Всё остальное в ней движется по кругу, не изменяясь».

UDC (ЎЎЎ): 94(55)+821.222.1-94
У-867

Реваз Утургаури
ПОКЕР С АЯТОЛЛОЙ
Записки консула в Иране

Дизайн обложки:
издательская группа «АРБОР», Москва
© Р. В. Утургаури, 2010

Подписано в печать 10.10.2010.

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Веста»

Грузия, Тбилиси

ISBN 978-9941-0-2832-8